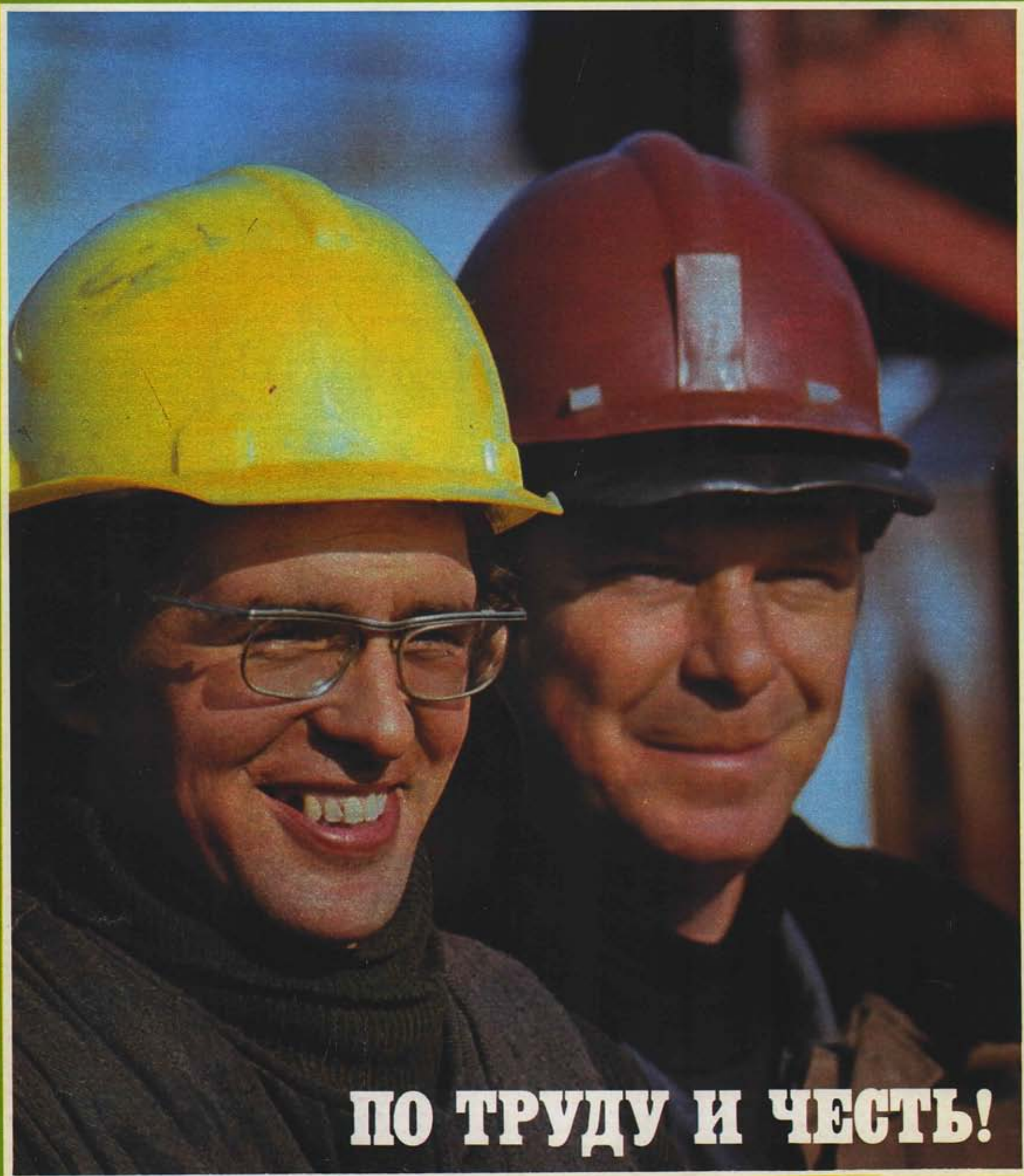

СМЕНА

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1983

ПО ТРУДУ И ЧЕСТЬ!

СТРОГОСТЬ В НАЧАЛЕ

Павел ЕМЕЛИН

Он сидел на привинченном к полу стуле. Изредка поглядывал на меня ввалившимися страдальческими глазами. Я пытался представить, какие были глаза Сергея в ту ночь. Неужели такие же безжалостные, как у одного из «искаателей приключений», с которыми я столкнулся когда-то в пустынной аллее?

Их было трое. Просили рубль. Я попробовал отшутиться, посоветовав заработать его самим. «Сейчас ты у меня заработаешь», — усмехаясь, сказал один из парней. По счастливой случайности удар чем-то острым, наверно, перстнем, пришелся чуть ниже глаза. Памяткой от той встречи остался тонкий шрам на лице. А главное, осталось недоумение: кто эти парни, способные вот так, ни за что ни про что, напасть на человека?

Долго не покидало меня наивное, может быть, желание найти тех ребят и... посмотреть им в глаза. Встретиться пришлось не с ними, а с подобными им «смельчаками». Правда, в другой обстановке.

Сергей С., который сидел передо мной, и его дружок Борис Г., молодые рабочие московского завода «Спецстанок», недавно окончившие ПТУ, на автобусной остановке избили пожилого мужчину.

Был конец декабря. Мужчина, подвозчик суровый на камвольном комбинате, спешил на работу в ночную смену. Подкатил автобус. На подножке, пьяно кривляясь, задержался подросток — Сергей. «Выходишь или нет?» — только и спросил мужчина. Вместо ответа последовал удар по голове. Это подскокил Борис — он раньше вышел из автобуса и поджидал приятеля.

Люди из проезжавшей мимо машины увидели, как двое парней «молотят» (выражение свидетеля) человека. Бросились на помощь и задержали избивавших.

Суд проходил на заводе, где работали Сергей и Борис. Процесс был показательным. Случившееся, мыслилось, послужит уроком. Кому? В ответе на этот вопрос, думается, и заключен общественный смысл этой, увы, банально детективной истории.

Интересно было наблюдать за реакцией зала, когда вводили подсудимых. Никто не вздрогнул, увидев хулиганов, никто не посылал проклятий в их адрес. Во взглядах присутствующих читалось смешанное чувство безразличия и... сострадания.

Дико, отвратительно содеянное подростками, но что-то в нас упорно не позволяет примириться с мыслью, что вот эти тонкошнее парнишки и есть преступники. Я уже знаю, что за внешней угрюмостью Сергея скрывается незатихающая боль — недавний развод родителей. И уж никак не похож на уголовника Борис — смиренный нестеровский отрок, который, по словам знавших его, в разговоре со взрослыми стесняется и краснеет, как девушка.

Но стоит взглянуть на потерпевшего, чтобы представить себе всю возмутительную реальность той ночи. Грузный, сутулый, он сидит спиной к залу. Из-за опущенных плеч виден только полусевший, обранный сединами затылок. Каково было в ту декабрьскую ночь ему? Неужели эта мысль не пришла подсудимым в голову?

Я спросил Бориса, что он чувствовал на следующий день, выходя из отделения милиции. «Есть очень хотелось» — вот и весь ответ.

Ну, а Сергей? Ему удалось убежать. Милиция задержала его позже в общепите. Он спал сном праведника.

«Что у тебя там стряслось?» — всполошились родственники, узнав о следствии от вахтерши. Сам Сергей о ночном происшествии и не заикнулся. «Ерунда, — отмахнулся он. — Мужика по пьянке побили».

Что и говорить, на Раскольниковых эти парни, сидящие теперь на скамье подсудимых, не похожи. В их преступлении не было ничего заранее обдуманного, спланированного. Но опасность их проступка от этого не уменьшается. Наоборот, увеличивается. Слово отрицательно заряженные частицы, подростки неосознанно и неминуемо тянулись к столкновению, были настроены на стычку. Хватили ничтожного повода, чтобы в ход пошли кулаки. В ту ночь они ударили бы каждого, кто попался бы им под руку.

Кулачный способ самоутверждения и выяснения отношений был для Сергея и Бориса, как выяснилось на суде, не нов и не воспринимался ими как нечто позорное. Они и раньше участвовали в драках с «местными», а в заводском общежитии кое-кто из ребят постарше поколачивал их, так сказать, из «благородных» побуждений — с целью воспитания. Только кому по нраву такое «воспитание»?

Не раз переступая черту озорства и хулиганства, Сергей и Борис утратили нравственную меру своих поступков. Потому-то случай на остановке для них с трудом связывается с понятием «преступление». Драка, как это ни горько признавать, стала обычным эпизодом их обычной жизни.

...Зачитали характеристику Сергея, выданную в ПТУ. «За время учебы, — говорится в ней, — проявил среднюю успеваемость. По характеру добр, отзывчив, локладист».

— Завод, выходит, его испортит, — едко заметил сидевший рядом рабочий. — Слишком рано из гнезда вылетели, — подхватила женщина средних лет. — Я своего сына ни за что бы не отпустила жить отдельно.

Матери подсудимых были тут же, в зале. Одна приехала из чувашской деревни, другая — из маленького городка под Смоленском. Отцы на суд не явились.

Нет нужды сейчас углубляться в детали семейного воспитания наших «героев». Скажу только, что оно не очень-то

способствовало их нравственному росту. Скандалы, пьяные выходы отцов — все это было. Может, поэтому оба паренька не захотели оставаться дома. Но, впрочем, суть не в этом. Покидают родительский дом, чтобы пораньше встать на ноги, обеспечивать себя собственным трудом, ребята и из благополучных семей. К тому же заводская проходная, как известно, вывела в люди не одного «трудного» подростка. Почему же с Сергеем и Борисом произошла ошечка?

Шех, в котором они больше года проработали, послал на суд общественного обвинителя. Высокий, худощавый мужчина с робким взглядом, он, выступая, как-то странно пригibasся, словно хотел спрятаться за трибуну.

— Эти люди, — читал он по бумажке, даже не взглянув на подсудимых, — вошли в наш коллектив без чувства личной ответственности. И если суд сурово покарает их, это будет заслуженное наказание.

В перерыве я подошел к общественному обвинителю — хотел подробнее расспросить его о подростках. К удивлению, услышал:

— Я их плохо знаю. Они с другого участка.

Начальник цеха, энергичный тридцатилетний инженер, когда мы встретились с ним на заводе, жалел только об одном: о том, что сам он не властен уволить всех несовершеннолетних лодерей и прогульчиков. К ним, как нетрудно догадаться, он относил и Сергея с Борисом.

— Вот полюбуитесь, что это были за работнички, — начальник положил передо мной объемистую папку — объяснительные записки по поводу нарушений трудовой дисциплины.

«Я не вышел на работу 5-го и 6-го, — читаю записку, написанную Сергеем, — потому что встречал на вокзале друзей». Оправдание, конечно, смехотворное. Во-первых, приезд друзей еще не повод для прогула, а во-вторых, кто же встречает два дня подряд? Даже из Владивостока поезда на столько не опаздывают...

Верно, не отличались подростки чувством личной ответственности — тут общественный обвинитель прав. Но хорошо известно и другое: чувство ответственности воспитывается. Воспитательные меры применялись и по отношению к Сергею и Борису. Но какие?..

На первый взгляд суровые. Просматриваю приказы, в которых часто повторяется одна и та же фраза: «Лишить вышеуказанных товарищей (имелись в виду не только наши «герои» — П.Е.) премии на 100 процентов». До Сергея и Бориса эта угроза доходила лишь слабыми раскатами, на которые они скоро перестали обращать внимание. Премиями им и без того не полагалась, так как они не выполняли норм выработки. Прогулы фактически сходили подросткам с

рук. Они прогуливали — начальник цеха выпускал очередной «суровый» приказ.

В трудовой книжке Бориса Г. было две записи. Одна — о том, что он принят фрезеровщиком второго разряда, другая — переведен учеником оператора станков с числовым программным управлением. По подсчетам же мастера, Борис сменил пять должностей. За ним уже закрепилась была репутация человека, не способного к технике, но в последнее время у него, по словам того же мастера, стало «что-то получаться». Секрет прост: нашелся наконец человек, который всерьез принялся учить парня ремеслу. До этого он чаще выслушивал лишь нотации.

Когда впервые на завод пришла большая группа выпускников ПТУ, встречали их без распространяемых объятий. «Больно было глядеть, как ребята слоняются без дела», — рассказывает старейшая работница цеха, мастер ОТК, которую все зовут за преклонный возраст «матерью».

Через год, в ожидании нового пополнения, решили подготовиться к его приходу заранее. Правда, весьма любопытным образом. Очень трудоемкую проблему адаптации молодых рабочих на производстве поручили одному, так сказать, штатному наставнику. Выбор пал на токаря Рыбакова. На заводе он двадцать пять лет, специальность знает досконально.

С Рыбаковым тогда говорил сам директор. Объяснил ситуацию, условия оплаты. В зарплате новоиспеченный наставник проигрывал, но вспомнил, как самого учили уму-разуму, и согласился. Только выдвинул свое требование, чтобы ребятам сразу же предоставили все необходимое для работы. Директор обещал. Когда же подростки появились в цехе — пятнадцать токарей и шесть фрезеровщиков, — наставник хлебнул лиха.

Они и опаздывали, и прогуливали, и затевали в цехе кучу малу. Но тут Рыбакову все ясно: в их возрасте и он не был пай-мальчиком. Вся беда заключалась в слабой профессиональной подготовке новичков.

Теоретически они еще что-то знали, а вот практических навыков никаких. Шутка ли, резец заточить умел не каждый. К тому же и станки достались им самые запущенные, инструмента и оснастки не хватало. Пришлось наставнику раздать свой запас.

Рыбаков записывал в блокнот причины простоев и поломок. Выходило, что чаще они зависели не от ребят. С этими записями он шел к руководителям цеха, но они, как сказал мне Рыбаков, «реагировали слабо».

Наставник попал в положение просителя. Хоженье по станциям не прибавляло ему ни сил, ни энтузиазма. Приходилось даже сталкиваться с неприкрытым равнодушием, что совсем выбивало из колеи.

Например, на заседании общественного отдела кадров разбирали «дело» Володи К. Парень систематически не выполнял норму выработки, давал брак.

Не вникнув глубоко в причины этого, заседавшие принялись стыдить подростка. Произносили высокие слова о рабочей чести, об ответственности. Рыбаков не выдержал.

«Вы сначала посмотрели бы, на каком станке он работает,—горячился наставник.—Сколько раз я мастеру докладывал—все без толку».

После заседания к Рыбакову подошел

оказалось, что он не лишен еще и склонности к философствованию. Только мы заговорили о том, как комитет комсомола, который он возглавляет, занимается вопросами адаптации новичков на производстве, как Леонид без ложной скромности заметил: «На этот счет у меня своя теория».

Выглядит эта «теория» вкратце так. По Леониду, всех молодых рабочих,

ЖИЗНИ

один из «ораторов». «Чего ты за пацана так заступаешься-то?—упрекал он расстроенного наставника.—Что он тебе, родственник?» «Человек он!»—только и ответил Рыбаков.

— Вы и сейчас наставник?—спросил я токаря.

— С меня хватит.—Рыбаков горько усмехнулся.—Лбом о стенку? Ведь это больно...

Так новички остались один на один со своими трудностями. На первых порах, как бы по инерции, никто из них не сдрейфил, но потом, не найдя помощи у старших, махнули на все рукой. Тогда-то и случилась та история с Сергеем и Борисом.

В заводском комитете комсомола я хотел узнать, почему Борис, будучи членом ВЛКСМ, не состоял на учете. Сам он рассказывал об этом весьма невнятно. Ситуация, как я понял, была такая. Борис пришел в райком. Там сказали, что без отметки об уплате взносов его на учет не поставят. Он, окончив ПТУ, заплатил все до копейки, это точно. Тогда ему объяснили: поставь печать и приходи снова. Нужно было ехать в училище—больше часа в один конец. Он съездил, но в комитете никого не застал. Еще раз ехать поленился.

— А комсорг цеха тебе напоминал, что нужно встать на учет?—спрашиваю Бориса.

— Подходил какой-то парень,—нехотя отвечает он.—Спросил: «Комсомолец?» Я ответил: «Да». Больше он вопросов не задавал. Я даже на собрание приходил,—оживился Борис, но тут же спик.—Посидел, послушал. Ничего интересного. Ну, и не стал ходить.

Комсорг цеха, сейчас уже бывший, свой рассказ о «героях» начал довольно неожиданно: «С ними я мало общался».

— Они работали на четвертом участке, я на втором.—Смотрит ясными, невинными глазами. По его взгляду можно подумать, что участки отдалены друг от друга, как две планеты. Но я знаю, что разделяет их всего несколько шагов. Продолжает:—Ходил туда взносы собирать. Мы с напарником на один наряд работали, разве оторвешься тут от станка? Я буду кого-то воспитывать, а он вкалывать за двоих?

— Но вы же жили в одном общежитии?

— У них была своя компания, у меня своя...

Секретарь комитета ВЛКСМ завода Леонид Б.—не называю полной фамилии, потому что его недавно переизбрали,—словно предупреждая все мои вопросы к нему, заговорил о соотношении вини самих подростков и завода. При чем настойчиво просил выразить это соотношение в процентах, поскольку он, инженер по образованию, привык иметь дело с точными величинами. Потом

поступающих к ним на завод, можно поделить на три категории. К первой он относит исключительно добросовестных рабочих, тех, кто прямо-таки рвется к станку. Таких, по его словам, немного («Будем реалистами»,—заметил Леонид при этом). Вторая категория—это сорванцы, с лентой, но в общем-то обычные ребята. Их большинство («80 процентов»,—уточнил секретарь). А третью категорию составляют «все остальные», к ним он относит отъявленных хулиганов, разгильдяев, не желающих работать вообще.

Все вышеизложенное, заключил Леонид,—данность, от завода не зависящая. Но на этом его теоретические изыскания не кончились.

Выпускники ПТУ, вчерашние школьники, желающие влиться в рабочую семью, переступив порог цеха, сразу попадают в сферу влияния коллектива. В зависимости от принадлежности к той или иной категории, по «теории» Леонида, новички по-разному реагируют на усилия воспитателей. Те немногие подрастки из первой категории схватывают все на лету и быстро становятся асами в своем деле. Со второй категорией приходится повозиться, но, к радости комитетчиков, постепенно и с ними все утрясается: сорванцы становятся хорошими производственниками и активными общественниками. А вот подростки, причисленные к третьей категории, считает секретарь, вовсе не поддаются воспитанию, точнее, перевоспитанию.

— Здесь сфера нашего влияния кончается.—Леонид разводил руками.—Тем более что комсомольские средства перевоспитания ограничены.

— И какие же это средства?

— Известно какие. Вызов на комитет, обсуждение на собрании.

Сергея и Бориса секретарь, естественно, зачислил в «третью категорию»—к неисправимым, воспитывать которых, как сказал сам «теоретик», «только время терять».

Спросил я секретаря, почему Борис не состоял на комсомольском учете. Леонид с усталостью в голосе ответил:

— Мы с ним целый год бились. Бесплезно.

Посмотрел на меня: дескать, видишь, все идет согласно моей теории. Потом открыл тетрадку, куда вносил, видимо, особые записи. Против фамилии Бориса красовался жирный вопросительный знак.

— Беседа с ним была,—задумчиво сказал Леонид.—Касались мы, наверно, и этого вопроса... На заводе сто с лишним комсомольцев, разве все обо всех упомянуть?

Последние слова «теоретика» мне показались знакомыми. Где же я слышал нечто подобное? Вспомнил! Старый, но не стареющий фильм «Волга-Волга» и бюрократ Бывалов: «Не могу я заниматься каждой балалайкой в отделе». Разве Бывалов и Леонид Б. не родственные души? И что стоит его «теория», которая, претендуя на объективное отражение вещей, на деле отда-

ет холодным равнодушием к судьбе конкретного молодого рабочего, только начинающего самостоятельную жизнь!.. В то же время в протоколах комсомольских собраний, заседаний бюро заводского комитета не один раз встречались хорошие, правильные слова о совершенствовании индивидуальной работы с подростками, о повышении роли наставников в воспитании трудовой смены. Указаны и конкретные мероприятия, и ответственные члены бюро названы, но все это оказалось заслоненным пустым теоретизированием, которое только мешает живому делу.

Незадолго до суда в цехе обсуждали выступление общественного обвинителя.

— Все-таки жалко ребят,—вздыхнула старая работница, которую многие звали «матерью».

— Жалко?!—вскипел начальник.—За что их жалеть? За то, что подняли руку на человека? За то, что пьянствовали и не хотели работать? Вы рассуждаете с точки зрения матери, а надо судить объективно, по поступкам.

— В каждом есть человеческий росток,—тихо возразила работница.—Если его вовремя не заметить, можно проглядеть человека.

— Гуманизм хорош тогда, когда человек понимает,—стоял на своем начальник цеха.—Им тысячу раз одно и то же говорили, а они и в ус не дули. Да вы же сами сколько сил на них потратили...

— Значит, мало потратила,—стояла на своем работница.—Надо быть самокритичными.

Но начальник цеха был категорически против самокритики. Он утверждал, что и им и комсомольской организацией было сделано все возможное, и потребовал для ребят сурового наказания.

Никто не спорит: за преступление должно следовать наказание. Этого требует правосудие, это смысл нашего нравственного закона. И все же всякий раз, когда на скамью подсудимых попадают подростки, не должно ли возникнуть у нас ощущения личной вины за случившееся? Неужто ничего нельзя было изменить, предвидеть, предотвратить? Ведь подростки были рядом со взрослыми, умудренными опытом людьми... Неужели же они, взрослые, не нашли средств должным образом повлиять на ребят, пресечь их «шалости»?

Ведь не назовешь же громом среди ясного неба ту дикую выходку, что совершили подростки на автобусной остановке? И не досадный случай это, а неминуемый результат вполне конкретных событий и обстоятельств поведения молодых рабочих.

Проблемы семейного воспитания, неудовлетворенность работой, постоянные попреки мастера вместо конкретной помощи, поверхностное, «теоретическое» внимание со стороны комсомольских организаций завода и цеха только обострили негативные черты характера подростков, сделали их, говоря языком юристов, «криминально заряженными»—склонными к правонарушению.

Прокрутим ленту событий назад. Что делали они за несколько часов до преступления?

Распили бутылку вина перед тем, как идти в цех. Надеялись, что отпроятся у мастера, как было не однажды, а прогул отработают в субботу или в воскресенье. Бориса мастер отпустил. А Сергей—он работал тогда на другом участке (как видно, другой участок здесь действительно словно другая планета)—стоял у станка с четырех до семи вечера.

Может, мастер не заметил, что подросток пьян? Ах, извините, не пьян, а «выпимши». Тут это большая разница. Подтверждение тому—показание мастера следователю: «Раза три я замечал, что Сергей приходил в цех с запа-

хом спиртного, но не пьяным». Откуда берется запах спиртного, мастеру, можно подумать, неведомо...

Вечером в общежитии, буквально за час до стычки, подростки выпили еще две бутылки вина. Сергей даже успел устроить дебош. Приходили дружинники, но все кончилось «миром». Чего же ждали воспитатели, когда нужно было власть употребить?..

В журнале посещений заводского общежития есть запись, сделанная энергичным почерком начальника цеха. «Посетили несколько квартир,—написал он.—Плохо организован досуг ребят. Это располагает к распитию спиртного, что и наблюдали».

«Наблюдали». Словечко это как нельзя точно выражает позицию начальника цеха и других должностных лиц, ответственных за воспитание заводской молодежи. Позицию людей, умеющих подо все подвести «теорию», по форме делающих вроде бы «все возможное», а по существу—ничего. Точное определение для таких людей—«воспитатели-наблюдатели».

На заводе, где работали Сергей и Борис, нет недостатка в разнообразнейших планах «мероприятий», комиссиях «по», положениях «о». Но какую реальную пользу они дают? Вот, к примеру, только один пункт из плана мероприятий по борьбе с пьянством: «Определить состав шефов, закрепленных за лицами, злоупотребляющими спиртными напитками, проинструктировать их, установить контроль за выполнением возложенных на них обязанностей».

В переводе с бюрократического языка на обычный это значит поставить контролеров над контролерами. Если следовать такой практике, то понадобятся новые «проверяльщики»—опекать тех, кто осуществляет контроль. И так далее. «Ежеминутный контроль»,—говорили мне,—лучшее средство воспитания подростков. Но кому нужен равнодушный, созерцательный контроль, не идущий дальше констатации уже свершившихся фактов? Нельзя видимость воспитания выдавать за само воспитание. Нельзя неумение или нежелание заниматься содержательной воспитательной работой оправдывать ссылкой на неблагополучную семью, которая «упустила», на план, который «горит».

Не хочу, чтобы у читателя сложилось неверное представление, что на заводе нет настоящих воспитателей. Есть. В бригаде фрезеровщика Владимира Алексеевича Солодовникова на участке предварительной обработки были семеро недавних пэтушников, одногодок Сергея и Бориса. Забот с ними у бригадира поначалу было не меньше, чем у токаря Рыбакова. Но в отличие от него Солодовников не сдался, не опустил руки перед трудностями. Прежде всего он добился, чтобы пересмотрели технически необоснованные нормы, с которыми не справлялись не только новички, но и некоторые опытные рабочие. Приструнил ретивого начальника участка, когда тот напустился было с матерщиной на подростков. Не раз бивал у ребят в общежитии, ездил с ними на пляж, на стадион... Как видим, наставник не сделал ничего сверх того, чего не сумел бы любой другой рабочий. Но при одном «маленьком» условии: если у этого другого душа болит за своих питомцев так же, как у Владимира Алексеевича.

— Ведь я чего хочу?—говорил мне Солодовников.—Чтобы у ребят не пропала вера в людей.

Самый веский аргумент в пользу этих слов—создание в каждом трудовом коллективе такой атмосферы товарищества и взаимопомощи, при которой подростки вроде Сергея С. и Бориса Г. ежедневно, ежеминутно будут ощущать, что чутких, отзывчивых людей рядом с ними гораздо больше, чем они думают.

И. В. ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ,

Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий,
академик

ПРОФИЗВОДСТВО ВРЕД И ПОД

— Век атома, космоса, электроники, синтетики, генетики... Как только не называли двадцатый век! Но каждое определение непременно подразумевает одно — бурное развитие промышленности. А где мощные заводы и комбинаты, там выбросы в атмосферу, сточные воды, горы и озера промышленных отходов, которые отравляют воздух, землю, воды, губят природу. Проблема эта становится настолько острой, что многие ставят ее на второе место после сохранения мира на нашей планете.

Конечно, человечество уже никогда не пойдет вспять. Производство остановить невозможно. И что же, Игорь Васильевич, так и будут расти горы отходов, отравляться вода и воздух, а наши дети забудут, что в реках и озерах когда-то водилась рыба, на лугах цвели цветы? Неужели это неизбежная плата за научно-технический прогресс?

— Скрывать нечего, положение действительно становится критическим. И одна из главных причин в том, что в течение длительного времени во всем мире существовал принцип, если можно так выразиться, малопродуктового производства. Что я имею в виду? Скажем, химический завод должен был выпускать серную кислоту, он ее и производил. Но, кроме кислоты, химиков ничего больше не волновало. Металлургический же комбинат должен был только выплавлять металл. Никто больше с него ничего и не требовал. Все остальные побочные продукты, как получавшиеся в процессе производства, так и содержащиеся в исходном сырье, чаще всего просто шли в отвалы и отходы.

Это постепенно привело к тому, что в настоящее время в промышленности сложилось положение, при котором из того сырья, что мы безвозвратно берем у природы, мы используем только... один, максимум два процента. А остальные 98—99 процентов выбрасываются за ненадобностью. Причем ладно бы просто выбрасывались, а то еще и в таком чуждом природе виде, что она, несмотря на все свои старания, никак не может усвоить, «переварить» их. Мало того, что они совершенно не нужны природе, они и в природной среде, как в гигантском реакторе, вступают в дальнейшие бесчисленные химические реакции между собой и природными веществами, увеличивая до бесконечности число чуждых и, следовательно, вредных химических соединений, нарушающих природное экологическое равновесие.

Ну, а к чему это приводит, я думаю, ясно любому. Природа начинает болеть, вырождаться. Окружающая среда стра-

дает и вымирает. Короче говоря, подобными бездумными действиями человек сам отравляет тот дом, в котором живет, в котором должны будут жить его потомки.

Самое же опасное то, что явления подобного рода давно уже перестали быть частными. Они принимают глобальный характер. В последнее время, например, как в специальной литературе, так и в широкой прессе обсуждается проблема так называемых кислотных дождей. Природа за миллионы лет приспособилась жить в нейтральной, быть может, чуть щелочной среде. Посмотрите же, что с помощью человека получает она теперь в виде осадков. В ряде районов США, ФРГ, скандинавских стран все чаще и чаще идут дожди, которые нередко бывают столь же кислыми, как столовый уксус.

Однажды в каком-то зарубежном издании мне на глаза попала заметка, в которой как о чем-то любопытном и, быть может, даже забавном рассказывалось, что часовые, охраняющие мемориал А. Линкольна в Вашингтоне, неоднократно обращали внимание на то, что во время дождя мрамор мемориала начинает шипеть. Но в этом нет ничего загадочного или сверхъестественного. Кусочек мрамора, политый кислотой, тоже шипит. Нетрудно догадаться, что собой представляют вашингтонские дожди.

Есть на границе США и Канады город Седбери. Известен он, пожалуй, только большими залежами сернистых медно-никелевых руд и мощным заводом по их обжигу. При обжиге выделяется огромное количество сернистого газа. Когда встал вопрос, как же избавиться окрестности от этого газа, было принято решение построить самую высокую в мире трубу. По мнению конструкторов, она должна выводить вредные примеси столь высоко в атмосферу и они так сильно будут разбавляться, что уже не смогут приносить никакого вреда, попадая обратно на землю.

Казалось бы, волноваться уже нет причин. Но вот не так давно специальная комиссия обследовала близлежащие к Седбери районы. Выяснилось, что все озера вблизи завода уже погибли, а в ближайшем десятилетии все остальные 48 тысяч озер, расположенные в окрестностях этой высочайшей трубы, погибнут тоже. Так что и самая высокая в мире труба не только не выход из положения, но и усиление, расширение беды.

Причем выбрасываемые в атмосферу вредные газы и примеси опасны не только для близлежащих районов. Ведь воздушные потоки мало считаются с границами, и нередко бывает, что воздух отравляется предприятиями одной

страны, а пагубные последствия этого ощущаются в другой. В качестве примера можно привести хотя бы Скандинавию. Существующие воздушные потоки приносят туда сернистый газ с территорий Англии и ФРГ. И уже сейчас большая часть скандинавских озер безжизненна и мертва. Так Скандинавия расплачивается за чужие грехи, за чужое бездумное отношение к окружающей среде.

Попадая в землю с дождем, сернистая кислота меняет структуру почвы, разрушает гумус, меняет солевой баланс, постепенно и неотвратимо делает почву безжизненной, непригодной для сельскохозяйственного использования. И этот процесс, правда, пока медленный, наблюдается практически по всей планете.

Да разве только заводы и комбинаты загрязняют окружающую среду? Возьмите хотя бы тепловые электростанции. В чем было и есть их основное назначение? Конечно же, в производстве электроэнергии. А дальше, как говорится, хоть трава не расти. Больше ничего работников тепловых электростанций особенно не волновало и не волнует. А между прочим, некоторые исследователи считают, что наносимый обществу этими электростанциями ущерб превышает доход от них и что они с точки зрения социальной и экономической даже убыточны для общества.

Согласно незыблемым законам термодинамики, из той энергии, которая заключена в угле или нефти, мы можем взять только 30—40 процентов. А 60 процентов тепла мы использовать не можем и должны сбрасывать его, совершенно бесполезно нагревая воду и воздух. Углекислота, получившаяся при сгорании угля, вернее, углерода, в нем находящегося, сейчас выбрасывается в атмосферу. А ведь многие специалисты высказывают мнение, что это в не очень далеком будущем может нарушить тепловой баланс планеты. При значительном избытке углекислоты в воздухе может возникнуть так называемый тепловой щит, который вызовет парниковый эффект. Это приведет к перегреву нашей Земли, что повлечет за собой тяжелые последствия, такие, как таяние ледников, и многие другие.

Теперь давайте возьмем серу, которой тоже очень много в угле. При сгорании она превращается в сернистый газ, выбрасываемый наружу со всеми последствиями, о которых я уже говорил: кислотные дожди, отравление озер и почвы. Зола же, образующаяся при сжигании угля, сейчас тоже выбрасывается в атмосферу, что ведет к поражению силикозом окружающей населения. Либо зола улавливается. В этом случае ее необходимо куда-то девать. Появляют-

ся гигантские золохранилища, занимающие огромные пространства и загрязняющие подземные воды и воздух.

Короче говоря, безвредных выбросов и отходов нет! Все они чужды природе.

Мы сейчас производим порядка двух-трех миллионов разных технологических продуктов. В производстве каждого из них образуется множество различных отходов, каждые из которых рано или поздно вступают в сложную последовательность реакций с природными веществами и другими веществами-отходами. В результате же подобных реакций, как правило, образуются новые вещества, часто более опасные, чем исходные. И число их возрастает во много раз. Как узнать, какие из них наиболее вредны? Как установить их влияние на человека, на живую природу?

На выяснение предельно допустимой концентрации какого-либо вещества требуется несколько лет работы целого коллектива ученых. У общества же нет миллионов коллективно-лет работы ученых только для того, чтобы установить, вредно или безвредно каждое из веществ, которыми мы загрязняем природу. А любое из этих антропогенных соединений может таить в себе огромную опасность для человека. Уже установлено, что многие из них токсичны как боевые отравляющие вещества, другие — сильные канцерогены. Они могут поражать генетическую систему человека, вести к непоправимым наследственным заболеваниям. С загрязнением природы отходами промышленного производства связан огромный риск для общества. Его ни предусмотреть, ни исправить нельзя.

У человечества, следовательно, есть всего лишь один-единственный выход — просто ничего в природу не выбрасывать. Это легче и проще. Проблема же комплексного использования сырья — это одновременно и проблема создания безотходных производств, а все вместе — проблема жизни.

Кстати, безотходная технология не только позволяет не загрязнять окружающую природу, не отравлять почву и водоемы, но и может принести немалый экономический эффект. Скажем, та самая зола, что получается при сжигании угля в топках тепловых электростанций, содержит в себе полезные и нужные тяжелые и редкие металлы, причем в количестве большем, чем мы их сейчас добываем на Земле...

— Однако, насколько я понимаю, Игорь Васильевич, это уже совсем другая проблема. Мы ведь с вами начали разговор о загрязнении окружающей среды, а подошли к тому, что всевозможные выбросы и отходы можно, а может быть, даже и необхо-

ДЫ ТВА ОЗДА

димо использовать. Причем это принесет и экономическую выгоду. Видимо, вы не случайно увязали две эти проблемы в одну?

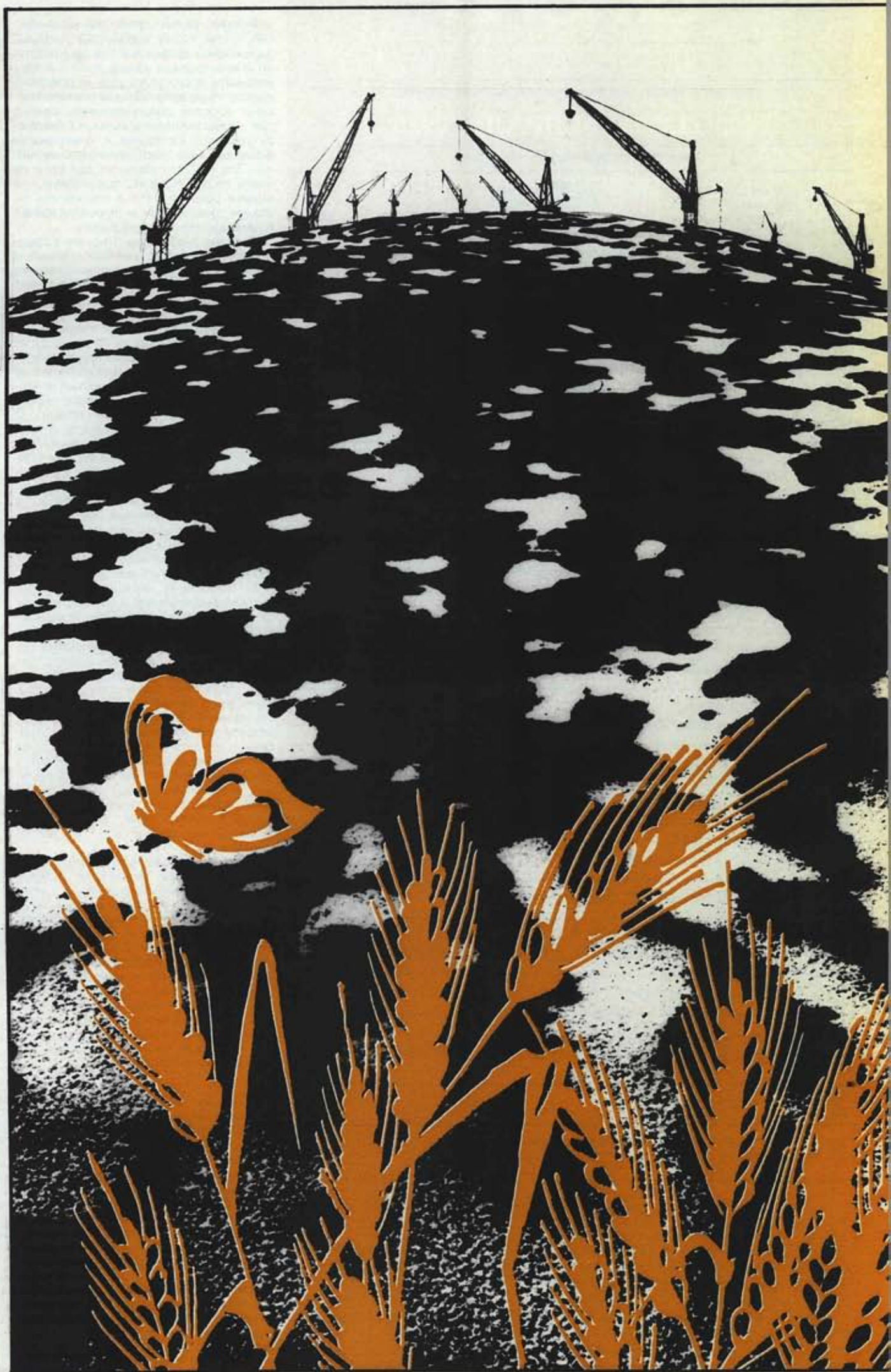
— Понимаете ли, загрязнение окружающей среды — проблема, конечно же, сама по себе очень важная, но это, так сказать, видимая всем часть айсберга. Подводная же и наибольшая его часть — это истощение природных ресурсов. А ведь чем дефицитнее становится сырье, тем оно, как правило, дороже. Сейчас, например, каждая добытая и доставленная потребителю тонна нефти обходится дороже предыдущей.

Если можно так выразиться, за последнее время человек очень вырос и стал соизмерим со своей планетой. Следовательно, потребности его соизмеримы с тем, что на этой планете есть. И если все будет и дальше продолжаться так же, как было до сих пор, если люди будут безрассудно растрачивать то, что природа накапливала на земном шаре миллионы лет, то тогда мы довольно скоро можем оказаться практически ни с чем. Земной шар, казавшийся нашим далеким предкам чуть ли не безграничным, стал ограничен и даже мал для современного человека. А это означает, что необходимых для нормальной жизнедеятельности человеческого общества природных ископаемых становится мало, и в ближайшее время может начать ощущаться их нехватка.

Спору нет, если проблема предупреждения дымовых и газовых выбросов в мировой промышленности не найдет своего решения, то можно ожидать своеобразного «смердного взрыва», роста загрязнения воздушного бассейна, отравления водных богатств, которые могут достигнуть поистине глобальных масштабов. Но не надо забывать, что чаще всего подобные выбросы в атмосферу и водоемы — свидетельство либо технологической недоработки производственного процесса, либо невежественного и безответственного проектирования, либо «технологической распушенности».

И поверьте, я несколько не сгущаю краски, так как точно знаю, что выход всегда есть. Стоит только как следует подумать. Смог же в свое время, еще перед войной, большой химический комбинат в Горловке обойтись без промышленных отходов. И подобных примеров, подтверждающих возможность и необходимость работать без каких бы то ни было отходов, я мог бы привести десятки из различных отраслей промышленности.

Скажем, любой специалист прекрасно знает, что очищать с помощью даже

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1337) ФЕВРАЛЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
лесозаготовители
из Карелии —
делегат
XIX съезда ВЛКСМ
Владимир
ЕРУКОВ
и его наставник
делегат
XVII съезда ВЛКСМ
Виктор
ЛЕОНТЬЕВ.

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

- 1** ОСТРАЯ ПРОБЛЕМА: КОМИТЕТ КОМСОМОЛА — МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ — ДИСЦИПЛИНА. Павел ЕМЕЛИН. «СТРОГОСТЬ В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ».
- 2** И. В. ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ, академик. «ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА: ВРЕД И ПОЛЬЗА».
- 6** Александр ШАГАЛОВ. «ОЛЕГ КУВАЕВ: ЖИЗНЬ, КНИГИ, МЕЧТЫ».
- 9** Рассказ Георгия БАЖЕНОВА «ЛЮБОВЬ МОЯ, ГИМНАСТИКА».
- 10** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Стихи югославского поэта Мирослава АНТИЧА.
- 11** Стихи Ирины ПАНОВОЙ.
- 12** «ЛЕСОРУБЫ». Фоторепортаж Андрея ФАРУТИНА и Сергея ВЕТРОВА.
- 15** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 16** НАУКА: МИКРОЭЛЕКТРОНИКА. «ЧУДЕСА НА ЛАДОНИ».
- 17** ФИЗКУЛЬТ-УРА! Елена ЧАЙКОВСКАЯ. «СВОЙ КОНЕК».
- 18** Игорь МИНУТКО. «ПЬЯНСТВО В ОСАДЕ».
- 20** ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ. Адель АЛЕКСЕЕВА. «РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЕРОМ ЦВЕТЕ».
- 22** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 24** МИР КАПИТАЛА: БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТЬ. Генрих ГУРКОВ. «МЭРИЛИН МОНРО: КРУШЕНИЕ СУДЬБЫ».
- 27** ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 28** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Роман Пьера НЕМУРА «НЕНУЖНЫЙ МАЛЬЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор А. В. Исаева.

новейших, самых эффективных фильтров сотни тысяч кубометров воздуха, зараженных примесями свинца или ртути, очень трудно и весьма дорого. А ведь избежать всего этого можно довольно просто. Надо организовать технологический процесс рафинирования свинца так, чтобы исключить вынос в атмосферу паров и аэрозолей с поверхности огромных ванн расплавленного металла. Это будет отнюдь не дорого и не очень трудно. Конечно, при условии, что задача будет понята и поставлена на стадии разработки и проектирования производственных процессов.

Я думаю, любому понятно, что у предприятия не будет никаких ненужных отходов, если оно само или же с чьей-то помощью полностью перерабатывает все поступающее на него сырье. И это один из путей, а скорее всего даже единственный путь, чтобы избежать упрёков со стороны наших не очень далеких потомков, которые бы вдруг обнаружили, что слишком многого на Земле не хватает, так как было полностью исчерпано да и выброшено в отвалы нами.

Приведу, скажем, такой пример. С огромным количеством отходов от процессов обогащения апатитов никто просто не знал, что делать. И вот над этой проблемой задумались специалисты харьковских инженерно-экономического и политехнического институтов. В результате проведенных ими исследований этим отходам нашлось применение: нефелиновый и згириновый концентраты сегодня уже используются в производстве строительных материалов.

В технологии изготовления строительных материалов, в частности керамических плиток, в качестве исходного сырья применяются различные глинистые материалы и так называемые интенсификаторы спекания, способствующие снижению температуры процесса (что позволяет экономить топливо), улучшению физико-механических свойств изделий. В харьковских институтах разработали составы масс с этими отходами и убедились в том, что по своим физико-механическим свойствам полученные изделия не отличаются от обычных, изготовленных на традиционных интенсификаторах спекания. А у фасадных плиток даже обнаружили большую морозостойкость и долговечность.

Полученные результаты позволили применить ранее никому не нужные нефелин-згирин-полевошпатные отходы в производстве керамических плиток на Мукачевском и Харьковском керамических заводах с немалым экономическим эффектом. В настоящее время эти отходы предполагают использовать также на Ленинградском и Славянском керамических заводах. Так что, как видите, и отходам, которые еще совсем недавно лежали в многочисленных отвалах, не только нашли применение, но и солидную экономическую выгоду из этого извлекли.

— Значит, в конечном итоге при переходе на производство без отходов можно будет почти не добывать новые полезные ископаемые, а пользоваться в основном лишь тем, что было получено раньше? Но возможно ли это? Не покажется ли такой подход утопией? Ведь человечеству постоянно будут требоваться все новые и новые тонны всевозможных металлов для изготовления все более совершенных машин, приборов, станков...

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов извечный и незыблемый закон: ничто в природе не появляется из ничего и ничто не исчезает бесследно. Однако все же не верится, что при переходе на безотходное производ-

ство удастся слишком уж резко сократить добычу полезных ископаемых.

— Закон сохранения материи незыблем. Любой элемент менделеевской таблицы не может бесследно исчезнуть. Другое дело, он способен перейти из одной формы в другую. Возьмите, к примеру, серебро. Человечество умудрилось израсходовать почти все его природные запасы. Люди рассеяли серебро совершенно бездумно, выливали в канализацию вместе с использованными фотореактивами. А если бы человечество задумалось над этой проблемой раньше, то вполне можно было почти полностью восстанавливать ценный металл. Но в свое время это никому не пришло в голову. И таких примеров я мог бы привести много.

А ведь куда выгодней не создавать свалки, бездонные сливные ямы, не выпускать в полном смысле на ветер сырье. Но для этого нужно уже сегодня создавать принципиально новые химические процессы, обеспечивающие полное комплексное использование всего, что содержится в природном сырье. И это всегда возможно, если такая цель ставится с самого начала. Тогда могут быть разработаны и технологические схемы безотходного производства, можно будет начать уже сегодня проектировать предприятия комплексного характера, нацелено перерабатывающие все те сырьевые потоки, которые к ним поступают. И такие проекты создаются. Однако далеко не ко всем видам производства. Возьмите, скажем, соду, цемент, чугун — они производятся сегодня почти так же, как и 50 лет назад.

Почему? Да скорее всего потому, что перед обществом не вставал вопрос: а что, существующее производство цемента, оно социально — не экономически, а именно социально — оправданно? Я был несколько лет назад на одном из крупных цементных заводов и своими глазами видел, как предприятие, считавшееся современным, выбрасывает в трубу до четверти продукции. А может быть, надо давным-давно перестроить технологию производства цемента так, чтобы это было невозможно. В основе, повторяю, должна быть комплексная переработка того богатства, которое мы у природы берем.

А создать ее может только технолог нового типа, способный разработать такой технологический процесс, который позволит использовать все богатства, заключенные в комплексном сырье.

А некомплексного сырья нет! Или почти нет.

Особая проблема — энергия. Она расходуется безвозвратно, ее потом не восстановишь. Но ведь и ее можно расходовать настолько экономично, что и она не будет исключением из принципа сохранения всего, что есть в природе. К тому же есть возобновляемые источники энергии, которые мы еще очень мало используем.

С позиции создания безотходного производства тепловые электростанции должны в ближайшем будущем преобразоваться в энерго-аграрно-химические комбинаты. Это будут комплексные предприятия, на которых станут не только, как сегодня, получать электроэнергию. Кроме этого, за счет сбросовой энергии, которая сейчас рассеивается практически бесполезно, будет создано большое парниковое хозяйство. В качестве удобрений в этих парниках может частично использоваться углекислота, в избыточных количествах полезная для растений. Из выбросных газов, содержащих сернистый газ, станут получать серную кислоту. Зола же пойдет на переработку — в ней содержатся в достаточных количествах почти все металлы, нужные обществу.

Как видите, все не так уж и сложно. Хотя технологи этого или нет, считают ли экономисты это дорогим или дешевым делом, но рано или поздно теплоэлектростанциям придется переходить на принцип безотходного производства. Ведь тогда мы опять же убьем сразу двух зайцев: и окружающая среда, как сейчас, загрязняться не будет, и много ценного сырья получим практически из ничего, из того, что сегодня многие считают бесполезными отходами. Так, например, кто может объяснить, почему на тепловых электростанциях, работающих на мазуте, регулярно сменяют с дымовых труб ванадий, драгоценнейший из металлов? Неужели ему не нашлось бы куда более полезное применение?

Да разве только на предприятиях и тепловых электростанциях наблюдаем мы такую картину безхозяйственного отношения к природным богатствам! Все мы знаем, что трудно, наверное, найти на земном шаре места богаче, чем Кольский полуостров. Свыше 90 минералов открыто на нем, в том числе и апатит. А апатит — это урожай на полях нашей страны. Но давайте разберемся, что мы сейчас используем из этих богатств. Из апатитовых руд мы используем примерно 95—96 процентов апатита, а остальное уходит в отвалы. Мы добываем не более 15 процентов нефелина, а остальное тоже уходит в отвалы. А если еще учесть огромные масштабы добычи руды, то нетрудно представить, какие горы отвалов получаются, сколько теряется богатства, какие затраты труда, энергии.

В минувшей пятилетке на Кольском полуострове было добыто 220 миллионов тонн апатитовой руды. А после переработки в отвалы ушло... 130 миллионов тонн. Не слишком ли много? Ведь при комплексном использовании сырья наше народное хозяйство, кроме удобрений, могло бы получить миллионы тонн окиси алюминия и окиси титана, миллионы тонн натрия и калия, миллионы тонн окислов редких земель и фтора.

И не подумайте, что это чисто теоретические расчеты. В Горном институте Кольского филиала Академии наук СССР действует опытная обогатительная установка с замкнутым режимом производства и оборотным водоснабжением. И практически нет никаких отходов. Отработанная на этой установке технология подтверждает, что нужное народному хозяйству сырье мы могли бы получать уже сегодня.

— Так в чем же дело, Игорь Васильевич, почему же пока действует только небольшая опытная установка, а не промышленная? Ведь каждому же ясно, что подобная безотходная переработка апатитовых руд выгодна во всех отношениях? Ладно, сегодня, может быть, и есть еще на нашей земле запасы глинозема, бокситов, быть может, можно дешевле и более привычным способом добывать натрий и калий. Но ведь рано или поздно, когда привычные источники полезных ископаемых начнут истощаться, человечеству все равно придется обратить свой взор к забытым отвалам, брошенным когда-то разработкам. Других источников сырья больше не останется, и примутся опять перерабатывать то, что сегодня считается невыгодным. Не проще ли уже сейчас начать комплексную переработку кольского сырья?

— Вопрос этот стал довольно сложным всего по одной причине — при комплексной переработке апатитовых руд получается сырье, продукцию из которого должны изготовлять предприятия различных министерств. Возьмите хотя

бы проблему с нефелином. Министерство цветной металлургии просто не хочет с ним связываться. Почему? Да потому, что при переработке нефелина на глинозем получается большое количество цемента, сода, поташ. Минцветмет они не интересуют. И невольно там возникает мысль: стоит ли тратить миллионы на комплексную переработку сырья, если потом половину продукции придется отдавать на сторону. Соду и поташ — Министерству химической промышленности, цемент — Министерству строительных материалов. Конечно же, куда проще потратить эти деньги на обычный завод по переработке бокситов.

Хотя, между прочим, такой подход Министерства цветной металлургии скорее всего объясняется боязнью отойти от привычного сырья для получения глинозема. А ведь известно, что один из алюминиевых заводов, работающий именно на нефелине, выдает великолепную продукцию, и стоимость глинозема на нем даже ниже, чем у получаемого из бокситов. Однако, по-видимому, иногда привычки бывают сильнее объективности.

В то же время Министерство химической промышленности рассуждает диаметрально противоположно. Раз нефелин — сырье для получения глинозема, а все остальное лишь побочно, то не лучше ли заниматься содовыми заводами на традиционных источниках? Зачем же отдавать половину своей продукции другому министерству? Примерно так же рассуждает, наверное, и Министерство строительных материалов.

Вот так иногда нужное дело тормозится межведомственными барьерами. Но узковедомственные интересы не должны быть выше государственных.

С вопросом комплексного безотходного производства очень тесно связана важнейшая проблема, заявленная впервые нашим великим ученым В. И. Вернадским. Я имею в виду проблему авторитетного человеческого общества, то есть общества, основанного на потребительском принципе. Которое только берет у природы и ничего ей не возвращает. Значит, образно выражаясь, современный человек просто бездумно выбросит заржавевший гвоздь, как совершенно ненужную и бесполезную вещь.

Но не надо забывать, что этот гвоздь изготовлен из железа, которое выплавлено из концентрата, который, в свою очередь, получен из руды. Руда же с огромным трудом добыта из рудника. Короче говоря, в этот начавший уже ржаветь гвоздь вложен колоссальный труд. И вместо того, чтобы этот гвоздь с легкостью выбросить, его нужно повторно использовать.

Кстати, если уж говорить о ржавчине, то нельзя не отметить, что она тоже становится большим злом в борьбе за более рациональное, безотходное производство. По оценке специалистов, коррозия ежегодно выводит из строя до 2 процентов имеющегося металлического фонда. На ремонт и замену испорченных ржавчиной конструкций уходит около 30 процентов выпускаемого проката. Думается, что это более чем много.

А сколько металла уходит в стружку! О каком же бережном отношении к металлу можно здесь говорить?!

А теперь давайте вспомним о таких прогрессивных методах изготовления деталей, как порошковая металлургия и гидроштамповка. Быстро, все точно по размерам и совершенно никаких отходов. Вот простейший пример безотходной технологии. И этот принцип может, а вернее, даже должен быть проведен последовательно до конца.

Из всего этого нетрудно сделать вывод, что проблема безотходного производства действительно имеет двойное значение. Первое — это комплексное

использование сырья. Второе — охрана окружающей среды, отсутствие вредного воздействия на нее. И разделить эти проблемы невозможно. Одна из них переходит в другую.

Нужно смотреть вперед и не забывать, что общий объем промышленного производства у нас, как и во всем мире, возрастает, удваиваясь каждые семь—десять лет. У нас уже нет права закладывать в проекты новых промышленных предприятий привычную, устаревшую технологию, которая, я бы сказал, преступно превращает 99 процентов драгоценного сырья, с огромным трудом извлеченного из истощающихся кладовых природы, в убивающие природу отходы. Ведь при таком росте промышленности и, следовательно, отбросов скоро на нашей маленькой планете не останется места для... нас, людей.

Поэтому я еще раз повторяю: нужна промышленность без отходов, другого пути у человечества нет.

— Все, о чем вы говорили, Игорь Васильевич, касалось в первую очередь промышленности и энергетики. А сельское хозяйство? Возьмем, например, создание животноводческих комплексов и расширение уже имеющихся. Невольно возникает вопрос: а как большие комплексы с тысячами голов скота станут воздействовать на окружающую среду?

— Я бы сказал, что все относящееся к промышленности в области безотходного производства, технологии с полным основанием нужно относить и к сельскому хозяйству. В противном случае придется ломать голову над тем, куда же девать сельскохозяйственные отходы, что с ними делать, чтобы они не отравляли и не заражали все вокруг.

На животноводческих комплексах образуется огромное количество отбросов, навоза. Человеку, мало знакомому с современным сельским хозяйством, может показаться, что никаких особых сложностей здесь нет. Существует же древний, как земледелие, способ: вывезти навоз на поля — и дело с концом. И от него избавившись и землю под будущий урожай удобрить.

Я сам в детстве жил в деревне. На дворе у нас были корова, коза, некоторое время и лошадь. Даже одному человеку не составляло особого труда вывезти навоз на поле, которое было неподалеку, и там его разбросать. Но когда животных в тысячи раз больше, то и стоимость вывоза на большие расстояния и всевозможные технические трудности, связанные с этим, делают подобную задачу практически неосуществимой. Легче, пожалуй, рассредоточить всех животных по небольшим скотным дворам, чем пытаться развозить навоз по полям. Но маленькие животноводческие фермы — это, конечно же, тоже не выход. Не думаю я, чтобы с ними можно было выполнить Продовольственную программу.

Значит ли это, что если навоз не вывезти на поля, то с ним просто нечего делать? Ни в коем случае. В нем заключено большое количество энергии, образовавшейся за счет оставшихся питательных веществ и белковых соединений. Это само подсказывает выход из создавшегося положения, который уже начали пользоваться в некоторых странах. С помощью метанообразующих бактерий из собранного на одной большой ферме навоза можно получить такое количество так называемого биогаза, которого вполне хватит не только для того, чтобы обеспечить энергией саму ферму, но и даже близлежащие населенные пункты. Да и сам навоз приобретает такую форму, которую гораздо легче потом вывезти на поля, и

никакой дополнительной переработки, как прежде, уже не требуется.

Этот же принцип вполне подходит и к овощеводству. Если бы мы сейчас решили подсчитать, какой процент из урожая овощей или фруктов попадает нам на стол, то многие бы наверняка просто в ужас пришли бы, настолько он мал. Как, скажем, строилось большинство из наших овощехранилищ? Да чаще всего дедовскими методами. Современные хранилища в несколько раз больше, но во многом все же походят на постройки прошлых лет. А ведь методы, пригодные для хранения небольшого количества овощей и фруктов, совершенно не подходят к современным масштабам. Нужен новый научно обоснованный подход к созданию современных овощехранилищ, и тогда мы не будем терять в них те десятки процентов урожая, которых не досчитываемся сегодня.

А если еще мы сумеем так же научно подойти и к методам транспортировки овощей и фруктов, то и этот этап сельскохозяйственного производства сможет стать полностью или почти полностью безотходным.

В заключение мне хотелось бы сказать, что как только принцип безотходного производства стал завоевывать признание не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, его применение сразу же стало давать хорошие результаты. Возьмите хотя бы опыт предприятий по производству яблочных соков.

Какое огромное количество отходов там оставалось! Все они гнили, заражая окружающую среду. И никто не знал, что же с этими отходами делать, как от них избавиться. А вот в Ставрополе над этой проблемой задумались серьезно. Из отбросов, скажем, яблочной выжимки стали изготавливать яблочный порошок. Оказалось, что он обладает целым рядом великолепных свойств, очень хорошо усваивается организмом. Порошок тут же стал необходим в кондитерской промышленности, где заменил сахар и соки. Нашлись для него и другие виды применения. Как говорится, хорошая вещь никогда не залеживается и сразу же становится всем просто необходима.

Теперь уже очень многим становится ясно, что будущее, конечно же, за безотходным производством. После подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе стали возможны межгосударственные отношения в деле охраны окружающей среды. В ноябре 1979 года в Женеве состоялось общеевропейское совещание на высоком уровне, где был подписан ряд важнейших международных документов. Один из них — «Декларация о малоотходной и безотходной технологии и использовании отходов».

Наша страна была инициатором созыва такого совещания. И это неудивительно: основные концепции нового подхода к вопросам природопользования зародились у нас — и учение В. И. Вернадского о биосфере, и идеи безотходного производства, лучшего способа борьбы с загрязнением окружающей среды.

У человеческого общества должно быть будущее. И обеспечить его должны мы с вами уже сегодня.

С этим призывом я обращаюсь прежде всего к молодежи, которая уже берет на себя заботу о нашей земле, обо всем, что на ней происходит. Этой молодежи предстоит завтра жить на той земле, которую мы создаем сегодня. Она должна знать все, что определяет облик планеты. Знать, чтобы работать успешно и верно. Вот почему именно в «Смене» и решил я поговорить обо всех этих проблемах.

Беседу вел
Геннадий МАКСИМОВИЧ.

Александр ШАГАЛОВ

Жизнь отмерила Олегу Михайловичу Куваеву до обидного мало — всего 40 лет. Недолгой оказалась и его работа в литературе. Имя О. Куваева стало известно всесоюзному читателю в 1962 году, когда в журнальных книжках «Вокруг света» были напечатаны его рассказы «Берег принцессы Льюски», «С тех пор, как плавал старый Ной» и другие, повесть «Не споткнись о Полярный круг». А еще через двенадцать лет в двух номерах «Нашего современника» за 1974 год был опубликован журнальный вариант его знаменитой «Территории», которая в следующем, 1975 году вышла в «Роман-газете», а потом отдельной книгой в московском издательстве «Современник». В апреле того же года О. Куваева не стало.

Сейчас бесполезно гадать, как бы в дальнейшем сложилась творческая судьба О. Куваева, останься он жить. Известно лишь, что в ящике его стола остались нереализованные сюжеты, наброски нескольких произведений, а также рукопись незавершенного романа «Правила бегства», который спустя несколько лет после смерти писателя вышел под одной обложкой вместе с «Территорией» в Магаданском книжном издательстве. Однако то, что мы знаем сегодня о Куваеве-человеке, о его неуемной тяге к новому, неизведанному, как можно больше увидеть, узнать, испытать на самом себе, помериться соостенной силой с наступающим днем, сегодня, сейчас, не откладывая на завтра, на будущее те заботы и планы, которые не отпускали его и о которых нам теперь известно, в частности, из опубликованной переписки О. Куваева с геологом А. П. Поповым, доктором геолого-минералогических наук, лауреатом Ленинской премии Г. Б. Жилинским, послужившим для писателя прототипом образа Катинского в «Территории», Б. Ильинским, с которым вместе ходил в экспедиционные маршруты и продолжал переписываться до последних дней жизни. воспоминаний Ю. Васильева, А. Мифтахутдинова, Вл. Курбатова, В. Смирнова и других — вся жизненная биография О. Куваева свидетельствует о том запасе прочности, который есть одно из необходимых условий серьезной работы в литературе.

«Совершенно убежден, — говорил в одном из сво-

их интервью Ю. Бондарев, — что никогда писатель не сделает даже мало-мальского открытия, если у него нет так называемого запаса биографии. Без художественных же открытий, без того, что принято называть «своим», пишущий — еще не писатель».

Литературная да и просто человеческая судьба О. Куваева как нельзя более отвечает смыслу этих слов. Произведения писателя неотрывны от его жизненной биографии. Они являются прямым следствием, непосредственным продолжением того пути, которым прошел О. Куваев — геолог по профессии и поэт в душе, человек неуемной энергии и скупого на внешнее проявление мужского товарищества, оставшийся до конца верным своей мечте о конечном торжестве добра и дружбы.

Казалось бы, какое дело сегодняшнему читателю до страданий и поисков жившего в прошлом веке какого-то капитана Росса? Можно констатировать, что и его самого и его мечту о розовой чайке погубила жестокая среда, — и это будет правдой. Но как в «Птице капитана Росса», потом в «Тройном полярном сюжете», так и в повестях «К вам и сразу обратно», «Азовский вариант», «Дом для бродяг», в ранних сборниках прозы «Зажгите костры в океане», «Чудаки живут на Востоке», «Весенняя охота на гусей», в лучших рассказах из увидевших свет уже после смерти автора книг «Каждый день как последний», «Через триста лет после радуги» писатель оказывается способным уловить общие болевые точки в нынешнем и минувшем. Он всегда увлечен событиями, происходящими в его повествованиях, вот почему ими увлечен и читатель.

Многие страницы написанных О. Куваевым книг — это еще, а вернее, прежде всего и жизнь, прожитая и пережитая им самим. Его рассказы, повести, романы свидетельствуют не только о реальности того или иного места действия, но и о том, что он сам пережил и прошел через все то, через что прошли его герои. «Он честно следовал правилу: сперва проверить на себе, — отмечал Ю. Васильев. — Поэтому прежде чем написать «Дом для бродяг», он решил довести до конца свой давний спор со злой и коварной рекой Омолон, по которой очень трудно в одиночку проплыть на самодельной деревянной лодке, он выиграл этот спор, спустился к низовью, вышел на берег и, наверное, сказал себе, что теперь, наконец, можно сесть за машинку. А раньше было нельзя...» «Природа и жизнь выковали его из одного цельного и благородного слитка. Никакая ржавчина жизни — делячество, расчетливость, корысть — не коснулись его. Он работал геологом, а жил для литературы», — скажет впоследствии старший друг О. Куваева геолог А. Попов об этом очень цельном и целеустремленном человеке.

В своем рассказе «Устремляясь в гибельные выси», посвященном памяти знаменитого альпиниста Михаила Хергиани, который погиб сорокалетним в сложнейшем скальном маршруте в итальянских Доломитовых Альпах и с которым он ранее встречался на снежных трассах Терскола, О. Куваев говорит о человеке, учившем когда-то его, «наивного суперполярника», падавшего на носки лыж и тем самым «ломать страх». О человеке «со странным взглядом, где смешивались печаль и ребячий азарт». Уже после смерти М. Хергиани, встречаясь с людьми, которые «знали его гораздо лучше меня, потому что вместе делили досуг и опасность, я, — признается О. Куваев, — столкнулся с тем, что не так уж часто бывает. Никто не кричал «я был его другом», никто не примазывался к его славе. Люди держали память о нем бережно, как держат в ладони трепетного живого птенца». И в этом он видел, быть может, «высший смысл» жизни человека, сердце которого «преобразовалось» в достижение цели. «В теперешнем цикле развития, — писал в заключение О. Куваев, как бы примеряя уже на себя то, что предстояло еще пройти ему самому, — я думаю, что надо жить так, чтобы люди держали память о тебе бережно, как держат в ладонях трепетную живую птицу. Если, конечно, ты это сможешь».

Зрелая и значительная мысль. И выношена она человеком, уже повидавшим всякое на своем пути.

Родился О. Куваев 12 августа 1934 года на железнодорожной станции Поназырево, что в Костромской области, в семье железнодорожника и учительницы. Детство и отрочество его, пришедшиеся

на трудные военные и послевоенные годы, прошли в довольно глухом в то время вятском крае, в одной из тамошних деревень. («...Считаю себя вятичем, — много позже скажет он, — ибо все время вплоть до института жил в Кировской области, вначале в деревне Кузьменки, потом на железнодорожном разъезде Юма».) В годы войны в местных школах размещались госпитали, а сами школы были рассредоточены по окрестным деревням. Никаких библиотек в этих разбросанных, разведенных по деревням школах не было. Появились они позднее, когда школы вернули в прежние места.

Детская память навсегда сберегла впечатление от первой «потрясающей» его книги. «Это был рассказ о нескольких поморах, застрявших на острове Малый Берун. Северная робинзолада» — так кратко формулирует уже взрослый О. Куваев суть захватившей его тогда вещи.

Читал он много, читал постоянно, везде. Читал все, что попадалось под руку и что можно было тогда прочитать. Постепенно, однако, читательские интересы его все более определялись, получали все большую целенаправленность, устремленность: в руках мальчика все чаще можно было увидеть книги о знаменитых путешественниках, землепроходцах, мореплавателях. В его детский мир входили, чтобы остаться в нем навсегда, образы и открытия, связанные с именами Ливингстона, Пржевальского и его последователей Козлова и Роборовского, других отважных и сильных духом людей. Будучи в пятом классе, О. Куваев прочитал «Путешествия по Южной Африке» Ливингстона. Эту первую книгу, самолично купленную им в районном книжном магазине, он бережно хранил, очень дорожил ею. О ней, кстати, он упоминает в повести «Тройной полярный сюжет» в эпизоде, связанных с детскими увлечениями Сашки Ивакина. Первым юношеским героем О. Куваева, по его собственным словам, был Н. М. Пржевальский. «Красные пустыни Тибета, подошвы верблюдов, стертые на черной гобийской шибенке», волновали воображение подростка, жившего на маленьком железнодорожном полустанке, быстрее гнали по жилам кровью, заставляли работать фантазию. Где-то к седьмому классу, — вспоминал много позже О. Куваев, — я уже твердо знал, «куда мне жить»: решил стать географом. Но сведущие люди вовремя объяснили, что профессия географа-путешественника давно отмерла или отмирает, и я, не растерявшись, решил стать геологом».

Литература, книги о путешествиях, с таким увлечением «проглатываемые» им, сделали свое дело, определили его выбор «куда жить» после школы. «Мне кажется, — говорил О. Куваев в сохранившейся записи последнего выступления на радио, — что мужчина, которому за тридцать, частенько задает себе вопрос: «Если бы все сначала? Что тогда?» Мне на этот вопрос легко ответить. Если бы все сначала, то, разумеется, был бы геологоразведочный институт и Чукотка. Вот эти два понятия — вуз и местность — помогли мне сформироваться. Кроме того, мне всегда везло на хороших людей».

Готовясь стать «правоверным» геологоразведчиком, он не терял времени даром. После окончания третьего курса института устроился на лето коллектором в партию, которая работала на Таласском хребте. Ведь это были те самые «пржевальские» места на Тянь-Шане, куда стремился когда-то! «Выносливые верховые лошади, долины горных рек Аспары и Мерке, перевалы, вершины» — для начинающего геолога это была хорошая школа, проверка на выносливость и прочность характера. «Тянь-Шань меня очаровал, — вспоминал О. Куваев. — Желтые холмы предгорий, равнинная степь, типичная высокогорных ледников. Кроме того, я прямо сжился с лошадьми и, ей-богу, ощутил в себе кровинку монгольского происхождения». И еще он дал себе твердое слово, что после института поедет работать именно в эти места. Он еще не знал, что все случится для него по-другому, что не знойный Тянь-Шань, а суровая Чукотка станет его судьбой...

Работа в геологической партии, тянь-шаньские впечатления для Куваева-студента не прошли бесследно. Он стремится теперь каждое лето использовать с максимальной целесообразностью для будущей профессии. После предгорий Тянь-Шаня, которыми продолжал восхищаться, О. Куваев побывал на Алтае, в верховьях Амура, где работал в одном из

Рекомендуем молодому читателю книги Олега КУВАЕВА:

«Зажгите костры в океане». Рассказы и повести. Магаданское книжное издательство. 1964.

«Чудаки живут на Востоке». Повести и рассказы. Молодая гвардия. 1965.

«Весенняя охота на гусей». Повести и рассказы. Молодая гвардия. 1967.

«Птица капитана Росса». Две повести. Магаданское книжное издательство. 1970.

«Тройной полярный сюжет». Повести. Современник. 1973.

«Территория». Роман. Современник. 1975; Советский писатель. 1982.

«Каждый день как последний». Повести и рассказы. Молодая гвардия. 1976.

«Правила бегства». Романы. Магаданское книжное издательство. 1980.

«Через триста лет после радуги». Повести и рассказы. Молодая гвардия. 1981.

ОЛЕГ КУВАЕВ

старых золотоносных районов с почти выработанными рудниками, а в 1957 году, уже будучи на последнем курсе, попал на Чукотку. Ему «просто» хотелось «ступить на коричневый угол карты, о котором даже в лекциях по геологии Союза говорилось не очень внятно».

Бухта Провидения, бухта Преображения, потом залив Креста — вот веки того маршрута, в котором участвовал О. Куваев. «Еще в бухте Преображения, — признается он, — я понял, что погиб. Ничего похожего мне видеть не приходилось, как не приходилось раньше ходить на вельботах за моржами с чучками, охотиться с резиновых лодок в море. Позднее начались нечеловеческие «десанты», когда все — от спальных мешков и палаток до примуса и керосина — люди несли на себе».

Судя по всему, экспедиция эта оказалась не из легких. Погибли оба трактора, попав в тальник, пришлось пешком выбирать к заливу Креста, где «ждали вельботы, потом в течение двух недель пережидать шторм, питаясь моржатиной. Над заливом каждый вечер повисали ужасные марсианские закаты на полнеба».

Все это «окончательно доконало» его, и в феврале следующего, 1958 года О. Куваев, проявивший при распределении настойчивость и упорство в хождении по «инстанциям», очутился на берегу Чаунской губы, в Певеке, этом «чукотском Клондайке». Так свершилась его заветная мечта попасть на работу на Чукотку. Незадолго до его приезда в Певек здесь открыли промышленное золото, так что жизнь бурлила, была ключом — и в геологическом управлении и в самом поселке. Попав в Певек, он почти сразу же уяснил для себя простую, но необходимую для каждого новичка истину: «система работы» здесь коренным образом отличалась от системы стolicных экспедиций. И что, скажем, тундра для тех, кто постоянно работал в Певеке, не была экзотикой, «люди просто жили в ней обычной и привычной жизнью». «Я, — пишет О. Куваев, — прожил там почти три года, даже научился ездить на собачьих упряжках, все это послужило отличной школой. В управлении царил дух легкого полярного суперменства, что только помогло работе. Работа, собственно, была основным занятием...»

В том, что О. Куваев избрал местом для будущей своей дипломной работы северо-восток страны, мне думается, определенную роль также сыграла литература. Уже в институте «книжные интересы» его «несколько расширились», наряду с любимыми Чеховым и Пришвиным появились Э. Хемингуэй, С. Фицджеральд, У. Фолкнер, книги Бредбери, А. Сент-Экзюпери, «Моби Дик» Г. Мелвилла. И еще: он стал «собирать книги по Северу, и появился новый кумир — Нансен». Нансен, Амундсен, исследователь Антарктиды Р. Ф. Скотт — имена этих неутомимых путешественников, отважных исследователей становились для него такими же привычными и близкими, как и ранее имена Ливингстона и Пржевальского. И хотя после третьего курса О. Куваев, повторю, отправился на Тянь-Шань, в страну, «где осталось мое сердце», как скажет он потом в «Чуть-чуть невеселом рассказе», и где «все желтое. Даже воздух желтый. С вершины видно желтую степь», несмотря на то, что, работая уже на Севере, он еще долго будет вспоминать «лица знакомых киргизов, названия речных долин», остро ощущать «запах лошадиного пота», именно Чукотка стала главным маршрутом в его жизни. «...За девять лет, — писал он Г. Жилинскому в январе 1971 года, — (я) излазил ее вдоль и поперек и проплыл на байдаре от Певека до Лаврентия вдоль всего побережья». «Если в какой-то год я на Чукотке не бываю, — говорил О. Куваев в уже цитированном выступлении на радио, — а летаю я туда почти каждый год, то позднее, всю зиму, весь остаток года бывает как-то неуютно жить. Чего-то не хватает. Чукотка — это как... «первая любовь». Там сформировался как личность, — не однажды повторял он, — и посему считаю ее родиной, не меньшей, чем то место, где родился».

Начинал О. Куваев коллектором в бухте Провидения — заливе Креста. Затем был начальником отряда на Ичувееме, а позже начальником партии на Чауне и острове Айон. «Сплавался с работой по Чауну, Эргувеему, Амгуэме, Палявааму, — отвечал писатель впоследствии на один из вопросов при-

сланной ему анкеты. — Морем из Певека плавал на Айон и на мыс Биллингса. На вельботе — от устья Амгуэмы, косы Двух Шилотов до Лаврентия». О том, насколько насыщенной и целеустремленной, насколько энергичной была жизнь и работа О. Куваева на Чукотке, можно судить хотя бы по письмам его к А. Попову периода 1959—1961 годов, писавшимся, конечно, без какого-либо прицела на возможную в будущем публикацию. Это горячий и непосредственный отклик на захватившую его реальность. Эти ставшие сегодня бесценными для выяснения биографии писателя документальные свидетельства как бы двойным светом высвечивают поистине подвижнический характер человека, для которого его профессия изначально не была чем-то замкнутым, стиснутым рамками непосредственных служебных обязанностей, а, напротив, средством и способом к постижению еще не разгаданного, еще не открытого, не пройденного им самим и, как всегда в таких случаях, требовавшего от него напряжения физических и душевных сил. По-иному ведь он не мог, просто не мыслил, если чему отдавался, то отдавался весь, сполна, на пределе. И этому правилу или, лучше, «образу жизни» он остался верен до конца.

Письма к А. Попову красноречиво подтверждают, что в своих действиях О. Куваев с самого начала руководствовался не только и не столько бездумным мальчишеским азартом, но трезвым расчетом, заранее выверенным им. А сама трудновыполнимость намеченных им обширных маршрутов, на первый взгляд чисто функциональных, была для него не поводом пощекотать себе нервы, не стимулом для «острых ощущений», до которых, по его собственным словам, охочи «всякого рода любители экзотики», «искатели приключений», а опять-таки объясняется стремлением хотя и сознающего тяжесть задачи, но уверенного в своих силах профессионала проверить ту или иную «хорошую идею» на практике.

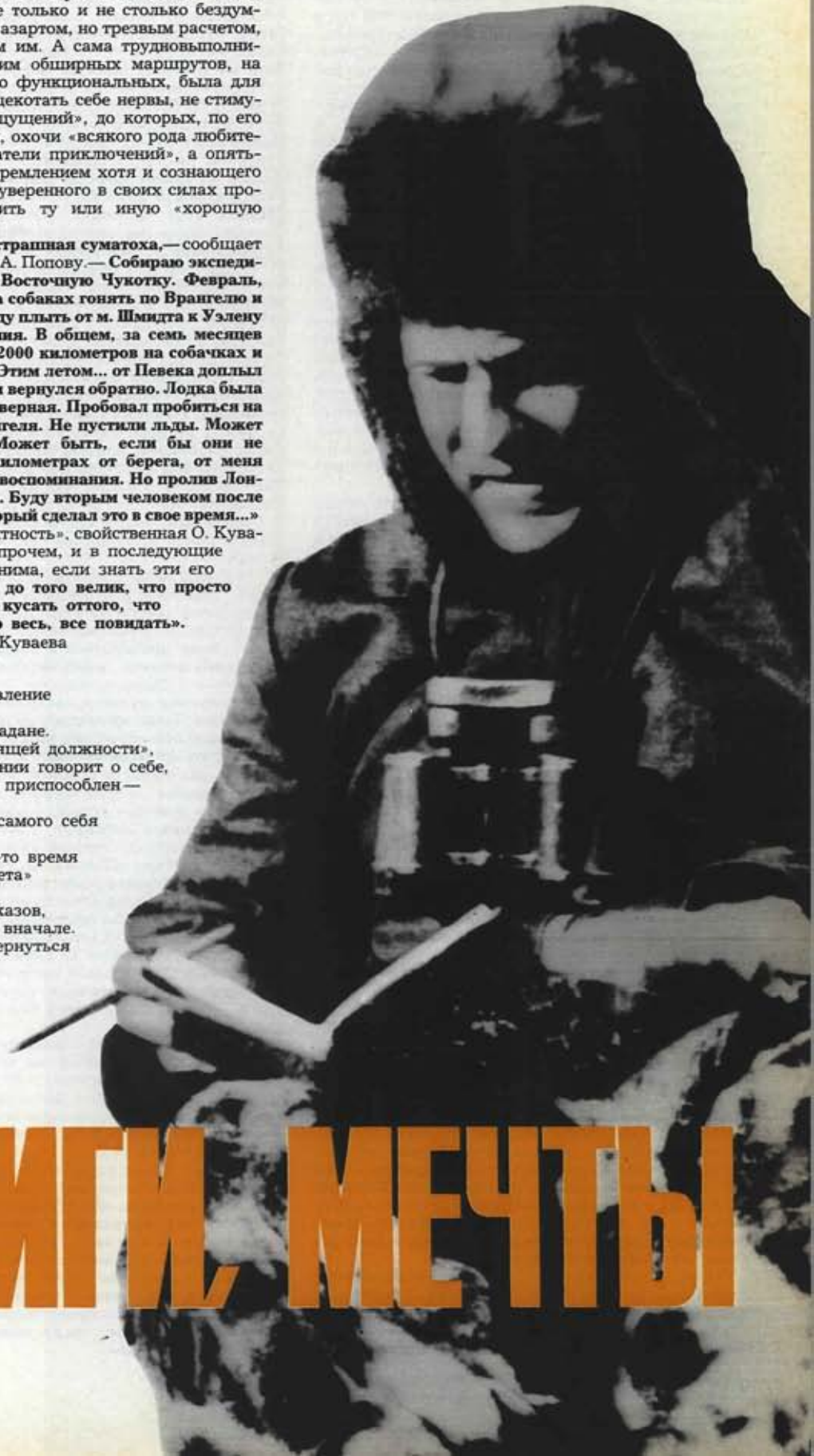
«...Сейчас у меня страшная суматоха, — сообщает он в одном из писем А. Попову. — Собираю экспедицию на Врангеля и Восточную Чукотку. Февраль, март, апрель буду на собаках гонять по Врангелю и от Врангеля, лето буду плыть от м. Шмидта к Узлену и потом в Провидения. В общем, за семь месяцев надо сделать около 2000 километров на собачках и 2500 на вельботах... Этим летом... от Певека доплыл до мыса Биллингса и вернулся обратно. Лодка была фанерная, погода скверная. Пробовал пробиться на этой лодке к о. Врангеля. Не пустили льды. Может быть, к счастью. Может быть, если бы они не торчали в десяти километрах от берега, от меня остались бы только воспоминания. Но пролив Лонга я все же пересеку. Буду вторым человеком после Боба Барлетта, который сделал это в свое время...»

Подобная «ненасытность», свойственная О. Куваеву тех лет, как, впрочем, и в последующие годы, вполне объяснима, если знать эти его слова: «Мир велик, до того велик, что просто хочется локти себе кусать оттого, что нельзя охватить его весь, все повидать».

После Певека О. Куваев перевели на работу в центральное геологическое управление Северо-Востока, находящееся в Магадане. Однако к «руководящей должности», как он с долей иронии говорит о себе, «я, видимо, не был приспособлен — затосковал и неожиданно для самого себя уехал в Москву». А еще через какое-то время журнал «Вокруг света» и опубликовал несколько его рассказов, о чем упоминалось вначале. Здесь придется вернуться немного назад.

Дело в том, что обилие впечатлений, самых неожиданных ситуаций, разнородных человеческих характеров и судеб, не однажды ломанных жизнью, с которыми О. Куваев столкнулся в годы работы на Чукотке, все настоятельнее требовало какого-то выхода. Пришла новая мечта, такая же сильная, как в детстве, когда он «отравился мечтой о тех странах, что лежат за горизонтом». И уже не отпускала. И он как-то сразу понял, что «даже профессия геолога или геофизика не дает полного удовлетворения этой мечте». И если тогда он и не сделал еще решающего для себя выбора, с этого момента жизнь его как бы раздвоилась. Он начал писать. «Сейчас я пишу интенсивнейшим образом, — сообщает он А. Попову в письме, помеченном 1959 годом. — Я вполне согласен с вашим тезисом о том, что не важно сразу печататься — важно научиться писать хорошо, так хорошо, чтобы в любом человеке разбудить дремлющую в нем душу кочевника. Вот что главное...»

И когда в тот приезд в Москву он попытался взвесить все, что произошло с ним — геологом, прошедшим хорошую школу практики, и начинающим литератором, — то пришел к ироничному, как он иронически говорит, «самостоятельно додумавшемуся до апробированного поколениями» выводу, что «глав-

ЖИЗНЬ, КНИГИ, МЕЧТЫ

ное — это работа, вернее, степень ее интересности. Все остальное — сопутствующие явления».

Из Москвы его пригласили во вновь созданный в Магадане Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт (СВКНИИ). Он проводил исследования на острове Врангеля, делал графическую съемку на льду Чукотского и Восточно-Сибирского морей («ловил» платформу Берингию). — напишет он потом в одном из писем Г. Б. Жилинскому, «сдружился с летчиками полярной авиации, с байдарными капитанами, каюрами». Внимание его все больше привлекали люди: то сильные и героические, то чудачковатые, но цельные, которые «руководствуют нестандартными соображениями и, во всяком случае, не житейской целесообразностью поступков». И которые потом «наседают» страницы его рассказов, повестей, романов.

Он продолжал писать. Писал и по-прежнему внимательно и обостренно вглядывался в бурлящую вокруг него жизнь, которая сама щедро подбрасывала сюжеты. Литература забирала все свободное время, обретала над ним все большую власть, становилась «чем-то вроде второй профессии». И когда в 1964 году в Магаданском книжном издательстве вышел первый сборник его прозы, «Зажгите костры в океане», а на следующий год в Москве в «Молодой гвардии» должен был появиться еще один — «Чужаки живут на Востоке», — противоречие, в плену которого он находился уже довольно продолжительное время и суть которого сводилась к альтернативе: «геология или литература», наконец, решилось в пользу последней. С весны 1965 года О. Куваев окончательно поселяется в подмосковном Калининграде, намереваясь посвятить себя целиком литературному труду.

Обратившись к северной тематике, О. Куваев сопрягал реализм видения с романтическим повествованием. Ступив на почву, столь же необозримую, как континент, столь же заветную, как мечта, и столь же неисчерпаемую, как его ненасытные желания, он создавал героев, которые менялись вместе с изменением его художественного сознания. Человек действия, ставший литератором не в силу стихийного стечения обстоятельств, а потому, что не мог им не стать, он собственный талант развил благодаря своей энергии. Это просто удивительно, как его хватало на все. И писать и ездить. А поездок, притом не развлекательных, а заранее выверенных и продуманных, с целью, с тех пор, как он обосновался в Калининграде, было много, и еще больше было самых разных планов, которые вынашивались им на будущее.

Вряд ли стоит много говорить о том, что стиль, образ жизни каждый выбирает сам. О. Куваев, к примеру, полагал, что «литератор, пока он молод и не таскает валодол в кармане, не хватается за сердце, должен жить очень активно. ... Должен много ездить, видеть, пробовать. И должен уметь рисковать. Уметь рисковать не так, как говорят, «дурью маяться», а уметь рисковать по-настоящему. Потому что, — по его мнению, — опасность, риск — они обостряют восприятие».

«Литературу надо делать честно», — не однажды говорил он и потому считал для себя обязательным сначала самому пройти теми маршрутами, по которым потом предстояло идти его энергичным и жизнелюбивым, жизнедеятельным героям. Так было раньше, так осталось и тогда, когда он занялся сочинительством и пришлось расстаться с геологией, когда вокруг, по его собственным словам, словно «образовался вакуум». Однако О. Куваев не был бы самим собой, если бы не заполнил этот вакуум. «... Я, — рассказывал писатель об этом периоде своей жизни, — очень много времени провожу среди профессиональных горнолыжников, альпинистов и различного рода «бродяг» в самом хорошем смысле этого слова... Был в Узбекистане, шлялся по Аральскому морю, за браконьерами гонялся на Азовском, был в Приэльбрусье, Белоруссии, на Памире. Но, конечно, главное — это Чукотка».

О том, чем были в его жизни Чукотка, Север, уже говорилось. И если вновь возвращаюсь к этой теме, то лишь для того, чтобы напомнить о тех документальных свидетельствах, которые лучше всяких слов показывают, чем дышал О. Куваев в калининградский период жизни. Вот, например, что он писал Б. Ильинскому в декабре 1966 года: «Думал сплавиться летом... по Алазее на каячке, или поехать... на Корьякское нагорье за медведями». «... Я в это лето думаю направиться на побережье Пенжинской губы и северную Камчатку, — из следующего письма тому же корреспонденту. — Искать таинственного медведя — кадьяка. ... Медведь — дело десятое, но надо там побывать».

Среди всех возможных проявлений человеческой активности у него преобладало одно — любовь к делу, к нему он подходил со всей основательностью. «Собираясь в экспедицию за Большим медведем, — вспоминает Ю. Васильев, — он написал пись-

ма двум авторитетнейшим людям, знатокам этого вопроса, канадскому писателю Фарли Моутзу и профессору Эвельмайсу в Париж, и оба они, обремененные делами, быстро и самым подробным образом ему ответили, потому что понимали: предметом интересуется не дилетант, а человек серьезный и сведущий». По словам Ю. Васильева, О. Куваев, сам старавшийся «изучать предмет, о котором собирался писать или который просто интересовал его, как можно глубже», был твердо уверен, что «для каждого человека есть одно незабываемое правило, которое не должно меняться с годами: кем бы ты ни был, чем бы ни занимался — шофер ты, плотник или литератор, в своем деле необходимо стремиться к высокому уровню настоящего профессионализма».

Как можно видеть из декабрьского письма к Б. Ильинскому, О. Куваев тогда не сумел попасть на Алазею, берущую начало на Алазейском плоскогорье и впадающую в Восточно-Сибирское море. Но чем-то, видно, она его привлекала, он настойчиво стремился туда. В мае 1974 года он пишет Г. Жилинскому: «Будущее лето я думаю провести на Алазее». «Будущим летом надеюсь быть на Алазее», — почти дословно повторяет он в августовском письме за тот же год. «... Желая, чтобы мы летом встретились на Алазее» — из письма, помеченного февралем 1975 года. «В мой алазейский план вклинивается Англия, — сообщает он Г. Жилинскому в апреле, — но все же я думаю быть на Алазее, а не в Англии».

В самом деле, как ни заманчива казалась Англия, однако не настолько, чтобы привести в жертву ей другие, более значительные дела. А они все оказывались как раз на северо-востоке. Еще в июле 1970 года он писал Б. Ильинскому: «Лечу в Магадан, далее — Омолон, вниз по Омолону, затем верховья Стадухинской протоки...». «Всего маршрут 900 км. Плыть буду на каячке. На «ветке». По протоке пройти интересно, она же необитаема почти на всем протяжении за землянкой Плахина».

В письме к Г. Жилинскому в мае 1974 года О. Куваев пишет о том, что до августа он, возможно, поедет «или на паруснике в Атлантику (Дания, Польша, Франция), или поедет «на Чукотку в верховья Петтымеля, далее по Петтымелю вниз и морем на Биллингс или в Певек». «Генеральный же мой план такой: купить яхту и пройти в течение двух-трех сезонов Северным морским путем. Не торопясь. Никаких туристских или там спортивных целей я не преследую. Главная цель — пользуясь этим плаванием, воздать должное хорошим мужикам, которые работали или даже погибли в Арктике». Воздать должное — помимо прочего, значило написать книгу или даже две книги под названием «Голоса издали» и напомнить тем самым о забытых и почти забытых именах, «о славных биографиях».

Ему как воздух нужно было ощущение новых мест, отражающих реально существующий мир, жизненные обстоятельства, налагающие отпечаток на духовный облик героев его будущих произведений. «Буду пробираться в Сванетию с двумя профессиональными альпинистами», — читаем в его письме к Г. Жилинскому от 13 сентября 1974 года, — «хорошие мужики, заслуженные мастера спорта, сваны. Давно я собираюсь о них написать, но для этого надо побывать с ними вместе в палатке, у костра и посетить их родовую сванскую башню». (Слово у него не расходилось с делом, и о «хороших мужиках» — членах «клуба шерпов» — высшего альпинистского ордена — которых всего было двое в Союзе — Михаиле Хергани и Иосифе Кахиани, он написал: рассказ «Устремляясь в гибельные выси» с подзаголовком «Памяти Миши Хергани» стал и его, Олега Куваева, собственной памятью.)

В нем как-то органично сочетались способность к риску и житейская целесообразность, страстный темперамент и рассудительность, трезвый расчет. В своих воспоминаниях Ю. Васильев рассказывает о посещении О. Куваевым выставки польских прогулочных яхт. «Парусники кокетливо охорашивались, трепетали на ветру белоснежными крыльями».

— Хороши бестии, — вздохнул Олег. — Порожденные лошади. Девочек на них по каналу катать — одно удовольствие... Только мне бы что-нибудь попроще. Мне бы шхуну, чтобы дизель стучал, чтобы соларки можно было бы взять на подгода, да сухарей, да воды пресной. Шхуну-работягу бы мне».

Как раз такой вариант он имел в виду, когда полушутливо-полусерьезно писал Г. Жилинскому: «К тому времени, как вы перейдете на пенсию, я надеюсь быть обладателем скромной яхты в северных водах. Может быть, это будет переоборудованный под парус и каюту вельбот, может быть, другой вариант. Судно мое будет постоянно находиться там, так как я думаю в течение четырех-пяти лет провести лето в полярных водах с заходом в устья рек. Как и Вам уже писал, надо поднять историю освоения Арктики».

Моральная цель или нравственный идеал в глазах О. Куваева имели настоящую цену только в случае их реализации в нравственных поступках. Такими делами для него являлись, к сожалению, так и оставшаяся не написанной «история освоения Арктики», где он хотел восстановить забытые имена первопроходцев Севера, или, например, задуманное в одиночку («На эскимосской лодочке», — как говорил он А. Алдан-Семенову) путешествие из Берингова пролива до моря Лаптевых. «Дом для бродяг» он тоже не успел построить — «большой бревенчатый дом, пронизанный солнцем — не для себя одного: для себя — это скучно и хлопотно, а для всех тех, кто возвращается и уезжает, кому хорошо живется под шум дождя по тесовой крыше, кому не лень по утрам колоть дрова и вырезать пыжи из старого валенка». Он многое не успел совершить, но все, что задумывал, было достойно мужчины и вполне реально.

Судя по издательским аннотациям к ранним книгам О. Куваева, считалось само собой разумеющимся, что они «о романтике дальних дорог» и что — это тоже стало общим местом — принадлежат они перу «неутомимого исследователя и романтика», и так далее. Они, безусловно, являются не более и не менее — конечно, ни при каких обстоятельствах не менее — как художественным свидетельством той достойной уважения человеческой активности, которая густо замешана на романтическом начале. Но — и это важно подчеркнуть с особой силой — на романтике не беззаботной, надуманной, а, если можно так сказать, деловой и очень конкретной. На романтике, в которой сочетались трезвый, честный, мужественный взгляд на действительность и неискореняемая вера в Приключенье. Не на юной, которой свойственно оперировать умозрительными символами, и часто живущей в царстве вымысла, а на романтике, так сказать, среднего возраста, когда мир воспринимается таким, как он есть.

Часто бывает так, что человек оказывается менее счастливым, когда имеет слишком много, чем тогда, когда у него нет самого необходимого. О. Куваев умел работать, радоваться, рисковать и «просто жить», умел быть счастливым, хотя и успел убедиться, что счастье само по себе весьма относительное. Черты его характера, определяющие его счастье, в значительной степени относятся к его первоначальной природе, его натуре, которую он принес с собой в мир, а обстоятельства жизни, в которых он впоследствии очутился, наполнили их конкретным содержанием. В значительной мере врожденным было то, что О. Куваев с детства хотел кем-то быть, что-то иметь или что-то чувствовать, а уже от реальных обстоятельств его жизни зависело, кем он стал в конечном счете, что имел, что и к кому чувствовал.

Однако сами эти жизненные обстоятельства воздействовали иногда так сильно, что создавали новые черты куваевского характера. Прежде всего их определяла среда, в которой он очутился в молодости, характер воспитания, который он получил, прочитанные им книги о людях, всю жизнь стремившихся к новым открытиям и заронивших в нем самом великую жажду к познанию мира. «... Не надо скучить жизнью, дорогу мечте и фантазии!» — не уставал повторять он, однако тут же прибавлял, что «всеческие розовые коллизии, надуманная чепуха — лишь бы пошлее — там, где сам повседневный труд схож с приключением, — такая трактовка «жизни» граничит с беспрецедентностью обдуманной лжи». Говоря о литературе, он ссылался при этом на собственный жизненный опыт, связанный именно с геологией. «Надуманные истории про последнюю спичку, трехпудовый рюкзак, закаты и «ахи» над месторождением... звучат чаще всего оскорбительно для геологии», — писал он еще до «Территории», где, по сути, повторил те же мысли, но в более выразительной форме в образе своего Бахлакова. «Все случается в силу жесткой необходимости», — подчеркивал О. Куваев, — но это нельзя возводить в ранг сугубо типического. Вот именно в этом я вижу на ближайшее время свой долг пишущего человека, это долг перед товарищами по профессии, с которыми вместе приходилось работать...»

Приведенные документы, как и все сказанное выше, — лишь малая часть того, что было намечено им в жизни и в литературе. Удивительно не то, что он так и не написал всего, что думал написать (ранняя смерть помешала этому), — скорее паразитен тот факт, что часть замыслов О. Куваева была все-таки блестяще доведена им до конца, и это в то время, когда обстоятельства не очень благоприятствовали этому. Каким же крепким должен был быть его талант, чтобы отличию утвердить себя в литературе, каким исключительно щедрым, чтобы создать те несколько книг, которые ему удалось создать и каким независимым по звучанию, по той вере в человека, в братство людей, основанное на общем деле.

ЛЮБОВЬ МОЯ ГИМНАСТИКА

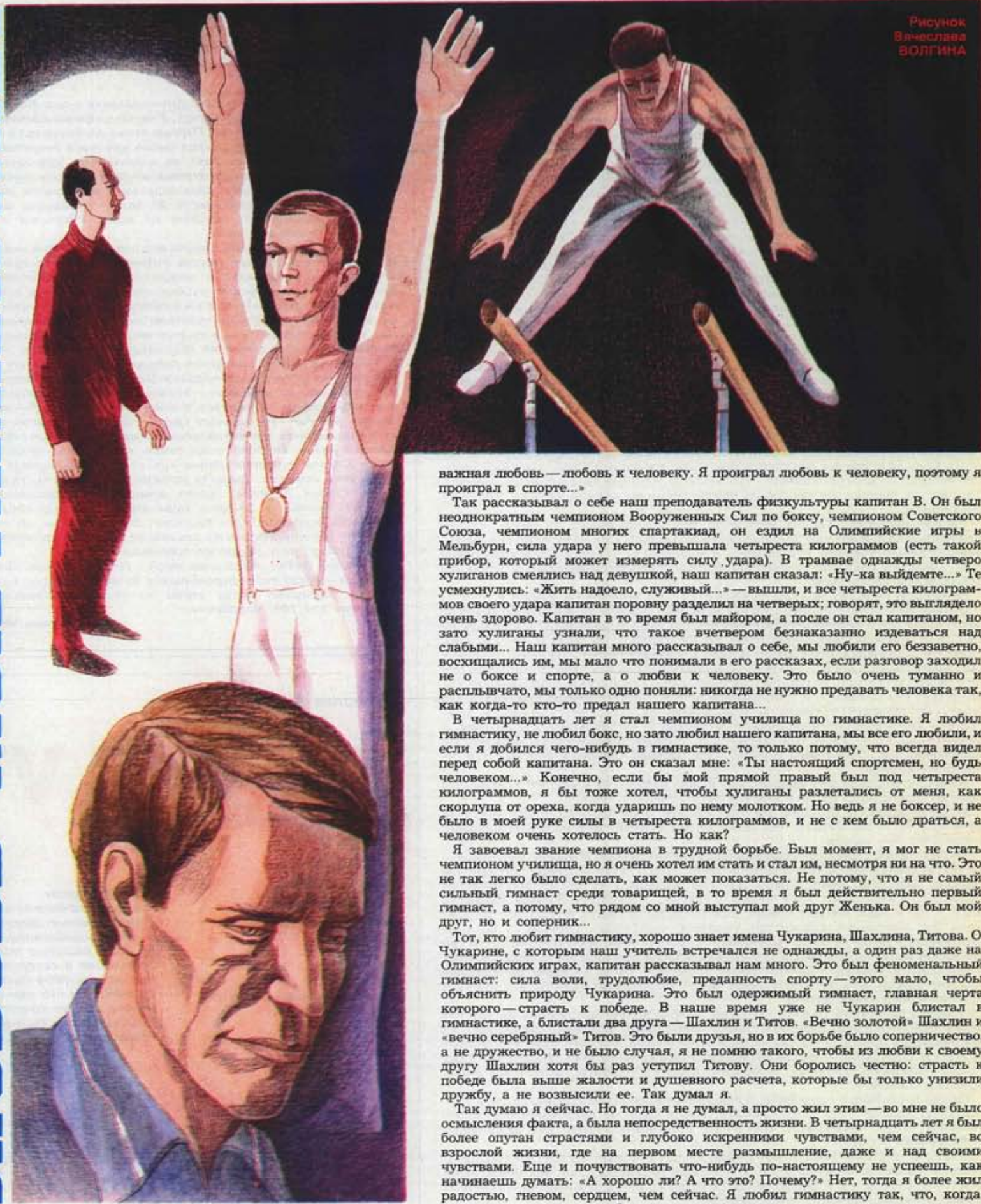

Рисунок
Вячеслава
ВОЛГИНА

важная любовь — любовь к человеку. Я проиграл любовь к человеку, поэтому я проиграл в спорте...»

Так рассказывал о себе наш преподаватель физкультуры капитан В. Он был неоднократным чемпионом Вооруженных Сил по боксу, чемпионом Советского Союза, чемпионом многих спартакиад, он ездил на Олимпийские игры в Мельбурн, сила удара у него превышала четыреста килограммов (есть такой прибор, который может измерять силу удара). В трамвае однажды четверо хулиганов смеялись над девушкой, наш капитан сказал: «Ну-ка выйдемте...» Те усмехнулись: «Жить надоело, служивый...» — вышли, и все четыреста килограммов своего удара капитан поровну разделил на четверых; говорят, это выглядело очень здорово. Капитан в то время был майором, а после он стал капитаном, но зато хулиганы узнали, что такое вчетвером безнаказанно издеваться над слабыми... Наш капитан много рассказывал о себе, мы любили его беззаветно, восхищались им, мы мало что понимали в его рассказах, если разговор заходил не о боксе и спорте, а о любви к человеку. Это было очень туманно и расплывчато, мы только одно поняли: никогда не нужно предавать человека так, как когда-то кто-то предал нашего капитана...

В четырнадцать лет я стал чемпионом училища по гимнастике. Я любил гимнастику, не любил бокс, но зато любил нашего капитана, мы все его любили, и если я добился чего-нибудь в гимнастике, то только потому, что всегда видел перед собой капитана. Это он сказал мне: «Ты настоящий спортсмен, но будь человеком...» Конечно, если бы мой прямой правый был под четыреста килограммов, я бы тоже хотел, чтобы хулиганы разлетались от меня, как скорлупа от ореха, когда ударишь по нему молотком. Но ведь я не боксер, и не было в моей руке силы в четыреста килограммов, и не с кем было драться, а человеком очень хотелось стать. Но как?

Я завоевал звание чемпиона в трудной борьбе. Был момент, я мог не стать чемпионом училища, но я очень хотел им стать и стал им, несмотря ни на что. Это не так легко было сделать, как может показаться. Не потому, что я не самый сильный гимнаст среди товарищей, в то время я был действительно первый гимнаст, а потому, что рядом со мной выступал мой друг Женька. Он был мой друг, но и соперник...

Тот, кто любит гимнастику, хорошо знает имена Чукарина, Шахлина, Титова. О Чукаrine, с которым наш учитель встречался не однажды, а один раз даже на Олимпийских играх, капитан рассказывал нам много. Это был феноменальный гимнаст: сила воли, трудолюбие, преданность спорту — этого мало, чтобы объяснить природу Чукарина. Это был одержимый гимнаст, главная черта которого — страсть к победе. В наше время уже не Чукарин блистал в гимнастике, а блистали два друга — Шахлин и Титов. «Вечно золотой» Шахлин и «вечно серебряный» Титов. Это были друзья, но в их борьбе было соперничество, а не дружба, и не было случая, я не помню такого, чтобы из любви к своему другу Шахлин хотя бы раз уступил Титову. Они боролись честно: страсть к победе была выше жалости и душевного расчета, которые бы только унизили дружбу, а не возвысили ее. Так думал я.

Так думаю я сейчас. Но тогда я не думал, а просто жил этим — во мне не было осмысления факта, а была непосредственность жизни. В четырнадцать лет я был более опутан страстями и глубоко искренними чувствами, чем сейчас, во взрослой жизни, где на первом месте размышление, даже и над своими чувствами. Еще и почувствовать что-нибудь по-настоящему не успеешь, как начинаешь думать: «А хорошо ли? А что это? Почему?» Нет, тогда я более жил радостью, гневом, сердцем, чем сейчас. Я любил гимнастику так, что, когда, например, подходил к любимому снаряду, ничего на свете уже не существовало для меня, ни о чем я уже не мог помнить, кроме того, что есть сейчас мой снаряд и нужно побеждать...

Не похоже ли, что я сегодня оправдываюсь? Надо разобраться.

Наш капитан говорил нам: «Я хочу, мальчики, чтобы, даже если вы станете знаменитыми спортсменами, вы любили и никогда не предавали друг друга». Об этом он говорил много раз, мы запомнили слова капитана. А ведь в тот день, когда я стал чемпионом училища по гимнастике, мой друг Женька сказал мне: «Предатель!»

...Первенство училища было открытым, посмотреть соревнования пришло много зрителей, среди них, конечно, и Аня — она болела за Женьку. Женька шел за мной следом, наступал мне «на пятки», очень хотел выиграть, это было важно для него, потому что в зале сидела Аня. Я знал об их отношениях и знал, что Аня сидит в зале, но мне не было дела ни до нее, ни до Женьки, со мной была моя гимнастика.

Перед последним снарядом я опережал Женьку на четыре десятых балла... Мы теперь уже взрослые, давно женат Женька, и сын у него почти такой, какие мы сами были в то время, и все-таки иногда Женька говорит мне: «Ну, что тебе

Георгий БАЖЕНОВ

РАССКАЗ

В четырнадцать лет я стал чемпионом Суворовского училища по гимнастике...

«...Я выигрывал бой за боем, я побеждал, я чувствовал в себе такую силу, какую ничто не могло одолеть, я мог в первом раунде послать противника в нокаут, а если он не сдавался, я посылал его в нокаут во втором, в третьем раунде, а если и в третьем раунде он не сдавался, я выигрывал по очкам, я всегда побеждал, я должен был побеждать и побеждал. Не было такой силы, какая могла меня сломить. И все-таки нашлась одна сила, мальчики, сила, которая сейчас вам непонятна, но которая заставила меня сложить оружие... Я проиграл один бой, потом второй, я вернулся из Мельбурна ни с чем, потому что, мальчики... Это вам непонятно сейчас, но запомните, мальчики: кроме любви к спорту, есть гораздо более

стоило проиграть тогда? Я потерял из-за тебя первую любовь...» Теперь он говорит об этом улыбаясь, все-таки рядом жена Люся, все давным-давно позади, но тогда... «Женя,—говорю я ему сейчас,—если бы вот теперь нас вывести к снаряду и если бы зависело, быть тебе сейчас с Люсей или не быть,—я искося поглядываю на Люсю,—я бы уж, ладно, так и быть, черт с тобой, проиграл. Но тогда, Женя...»

...Перед последним снарядом я опережал Женю на четыре десятых балла. Мы были в разных группах, наша группа перешла к брускам, его — готовилась к прыжку через коня. Мы все устали, у нас был последний снаряд, но я был впереди, я был спокоен, брусья — мой любимый снаряд, на брусьях я всегда уверен в себе, я чувствовал себя сильным. Женя прыгал первый. Сухой, жилистый, с длинными красивыми ногами, он выглядел более спортивно, чем я, но я был упорней. По вечерам он ложился на свою кровать, я — на свою, начиналась тренировка пресса, мы поднимали ноги десять, двадцать, тридцать раз, у меня не было сил, у Женю не было сил, он не мог, а я еще мог, он говорил: «Все!» — я тоже не мог, но я через «не могу» все равно мог, я поднимал ноги еще раз, еще, еще пять раз, но больше, чем Женя, так нужно, чтобы можно было побеждать. Пресс у меня был сильнее. Утром после обычной суворовской зарядки мы шли в спортивный городок, перекладину мы называли турником, начинались ежедневные подтягивания, мы подтягивались, пока в руках были силы, а когда мышцы отказывали, Женя выдыхал: «Все!» — и спрыгивал с турника. У меня тоже не было сил, но я говорил себе: «Надо еще, надо...» — и подтягивался — раз, или два, или три, но подтягивался, у меня была сильнейшая воля, у меня и руки стали сильнее. Вы умеете делать шпагат? Ты подходишь к коврику, садишься на шпагат и так сидишь, по миллиметру, по сантиметру прибавляя к заветной цели, просвет между ковром и распластанными в ножницы ногами уменьшается изо дня в день, нужно только терпение. Тому, кто не знает, сколько времени и сил ты отдаешь тренировкам, кажется естественной та легкость, с которой ты в конце концов выполняешь все, за что ни возьмешься, а это результат каторжного труда.

...Судья вызвал Женю к снаряду. Женя бледный. Отходит от коня метров на двадцать пять, топчется на месте, потирает смазанные магниези руки. От его прыжка зависит многое, хотя последнее слово все-таки за мной — мое выступление впереди. Я сижу на скамейке. Наблюдают за Женюй. Он слишком волнуется. Так нельзя, Женя. За секунду до выступления ты должен научить себя быть спокойным.

Первая попытка. Женя несколько раз подпрыгивает на месте, словно пританцовывая, и вот уже помчался вперед. Хорошо хоть не взглянул на Аню (я вижу боковым зрением, как сжались в волнении ее кулачки). Перед мостиком шаг у Женю слишком семенистый, толчок получается несильный, а как бы вскользь, по касательной.

За первую попытку Женя получает 9,2. Это еще много, думаю я. Он идет на вторую попытку. Аня шепнула ему: «Молодец». Женя взглянул на меня, наши глаза встретились. Женя отвернулся. Он хочет быть чемпионом, но ему стыдно передо мной — чемпионы так не прыгают. Он знает об этом, я тоже знаю. Он разозлился. Это хорошо. Я вижу в глазах его злость. Ну давай, говорю я ему. Мне нравится его бег. Его толчок. И ноги взлетели как надо. Это красиво, тут ни о чем не успеваешь подумать: просто красиво. Такое всегда завораживает. Да, это полет, это красиво — и приземление четкое, чистое. Женя улыбается. Он знает, он прыгнул отлично. А мне почему-то становится весело. Я чувствую — мне весело, не знаю почему, но весело. Я уверен в себе, как никогда. Я ничего и никого не боюсь. Ты улыбаешься, Женя, потому что ты молодец. Ты получаешь 9,8! Это очень хорошо. Это здорово. Никогда еще ты так не прыгал — молодец.

Теперь, чтобы победить Женю, мне нужно набрать не меньше 9,5 балла. Это нелегко. Достаточно сделать мне одну-единственную ошибку...

Меня вызывают к брусьям. На этом снаряде одна попытка. Я иду. Все-таки хочу взглянуть на Женю. Он сидит рядом с Аней. Для него соревнования закончены. Все позади.

Что он говорил мне перед соревнованиями? Он сказал: «Сегодня выиграю я». Когда он сказал так, я еще ничего не видел в его глазах. Я пожал плечами. Он сказал: «Мне это очень важно. Ты сам знаешь...» И что-то просительное мелькнуло в его глазах. Это я увидел. Я сказал: «Посмотрим, Женя. Давай без этих...» Да, я знал: сегодня придет Аня, пусть вы дружите, но при чем здесь я? Если ты выиграешь первенство училища, ты будешь первым, а если не выиграешь — разве от этого ты станешь хуже для Ани? А если станешь, то как это может быть так? Борись, и завоевывай, и не смотри на меня такими глазами.

Подхожу к снаряду. Покрипывает магниези, когда сжимаю прохладные гладкие брусья. Как это успокаивает меня! Испытываю радость, как будто от встречи с надежным другом.

Оттяжка, короткий разбег, и долгим, сдержанным, эластичным выхлестом делаю дугу — подъем разгибом, носки тяну вдоль и вверх, сдерживаю их напряжением пресса. Отмашка назад, а затем вперед, в «угол». Чувствую полную слитность с брусьями — это такая радость, такое удовольствие... Кажется, я даже слегка улыбаюсь. Начинаю выжимать стойку. Чувствую, делаю это легко, красиво, спокойно.

Слегка прогибаюсь в пояснице, делаю сильнейшее захлестывающее движение, отпускаю правую руку, рука взмывает вверх вслед за движением ног, делаю разворот на сто восемьдесят градусов... Это соскок. Четко, как вкопанный, приземляюсь на мат.

Проходит секунда. Миг. И вот я уже слышу — крики, аплодисменты. Да, я чемпион училища! Я верил в это. Я чувствую гимнастику так, как никто ее не чувствует. Потому что я люблю ее. Лишь когда я с ней, я забываю все на свете. Я и она — и больше никого. Такая любовь...

Мне кажется, не нужно больше ничего объяснять. Женя сказал мне в тот день: «Предатель!» Но что значит это слово перед правдой чувств, которые я пережил? Сейчас вы знаете эту правду. Вы тоже, наверно, догадываетесь: не потому Аня перестала дружить с Женюй, что он не стал первым в гимнастике, а потому, что он никогда не был для нее единственным, единственно нужным. Вот Люся и Женя — они единственные друг друга. Это любовь.

Что еще сказать в свое оправдание? Может, то, что в шестнадцать лет я стал абсолютным чемпионом по гимнастике на Всесоюзной спартакиаде суворовских училищ? А с Женюй мы до сих пор друзья, хотя изредка он с улыбкой упрекает меня. В этих упреках есть, конечно, некоторая горечь, но в них нет правды. Я не предал гимнастику, а значит, и не предал друга. Ведь так?

Сейчас я тренер по гимнастике, а Женя — преподаватель английского языка. Изредка мы встречаемся с нашим капитаном. Он постарел, но всегда говорит: «Ну, как, мальчишки, помните, чему я вас учил?»

Мы все еще для него мальчишки.

Литературный глобус

«Смены»

Югославский поэт Мирослав Антич родился в селе Мокрин (автономный край Воеводина) в 1932 году. Учился на философском факультете Белградского университета. Первые стихи опубликовал в 1950 году и к настоящему времени выпустил около тридцати поэтических сборников. М. Антич не только поэт, но и драматург, художник, режиссер. Сотрудничает в ряде литературных журналов, неоднократно за поэтические и драматические произведения удостоивался литературных премий. Широкою известность М. Античу принесла книга стихов «Русый локон» (1965), которая по праву считается в Югославии образцом поэзии для детей.

Тематика произведений Антича исключительно богата и разнообразна. Это и стихи о мире детства («Вторая сторона ветра», «Птица из леса», «Небо в глазах»), и сатирические стихи (сборник «Слова и краски»), и философские размышления о человеке в современном мире («Миф о птице»), это и наполненная патриотическим содержанием, проникнутая глубоким чувством любви к родине поэма «Воеводина». Однако главная тема в творчестве поэта, так или иначе представленная во всех поэтических сборниках, — тема любви.

Любовь для Антича не просто одна из сторон жизни, это сама жизнь, бесконечная в своем многообразии. Без любви немислимо существование человека, ее рождение — великое таинство природы. Возникнув однажды, любовь не умирает, и даже потеря любимой — частая тема в лирике Антича — не означает смерти любви. Оптимизм, вера поэта в неуничтожимость и неисчерпаемость жизни обладают огромной убеждающей силой. Поэтому даже самые тревожные, самые трагические стихи Антича воспринимаются как светлый, мажорный гимн.

Критика отмечает близость произведений Антича стихам русского поэта Сергея Есенина. Антич относится к поколению молодых сербских поэтов, в 50—60-е годы открывших для себя Есенина и творчески освоивших его наследие. Действительно, он по-есенински лиричен, мягок и искренен в стихах, не скрывает ни своих мыслей, ни своих чувств; поэт распахнут читателю.

Мирослав Антич очень популярен у себя на родине, знают его и за рубежом — стихи поэта переводились на многие языки. Предлагаемые вашему вниманию стихи взяты из сборника Мирослава Антича «Концерт для 1001 барабана».

Ирина ЧИВИЛИХИНА

Мирослав АНТИЧ

ДОБРОЕ УТРО,

Из цикла «Экспресс на юг»

Все же
Я должен сказать кому-то
«Доброе утро!».
Каждое утро
Новый прохожий,
Кем-то любимый —
Мимо.
Может.
С новой зарей
мир изменится тоже?

Молчанье невыносимо.
Девушка, здравствуйте!
Помните,
Вы здесь вчера проходили?
Значит, мы с вами знакомы,
Прошу вас, не надо
Мертвого взгляда,
Бесстрастного
И спокойного,
Словно море при штиле,
Поймите,
Я должен сказать кому-то
«Доброе утро!»
Только два этих слова,
Но снова
Хмурится и сутулится
Улица.
Улица задыхается,
И, как в палате больного,
Ни слова.

А на прилавках
Под целлофановой кожей
Ежатся южные фрукты,
В своей ненадежной скорлупке
На ваше безличье похожи.
Застывшие и осторожные,
Немые, как небо пустое.
Скажите, ну что вам стоит,
Отчего вам не хочется
Улыбкой, хотя бы одною,
Разрушить мое одиночество?

Из цикла «Колыбельная перед рассветом»

Поезда отправление.
И неизбежность прощания.
И невозможность прощания.
Мне станет легче, наверное,
Если почти нечаянно
Запомнишь мое дыхание,
Смутаешь в клубочек маленький
И спрячешь —
До возвращения.

Мне станет легче, наверное,
Если сердцем измученным
Поймешь, как много получено
За то, что тобой подарено
Или бесплатно отдано,
И как невысоко ценится
То, что, кем-то наученные,
Мы второпях разбазарили,
А после дорого продали.

Ты говоришь, с тобою
Были едва знакомы.
Ты говоришь, расстояние —
Выход из заблуждения.
Что же, давай поделим
Поровну все аксиомы,
Каждый получит достаточно,
Чтоб на последней станции
В оставшиеся мгновения
Не изменить решения.

Поезда отправление.
И бесконечность молчания.
Сжатое до побеления
Тонкой руки запястье.
Думаешь, что название
Следующей станции — счастье?
Ты ошибаешься,
К сожалению.

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

Дон Кихот

Вечны одни лишь скрипки.
Трубы теперь не в почете,
И, не скрывая улыбки,
Их переплавят на чайники,
Забыв обо мне — отчаявшемся
Последнем Дон Кихоте.

Мельницы старые сломаны,
С собою сраженья кончается,
Взорвать Донкихову комнату
Должен будильник утром.
Только будильник мудрый
Тикает — и не взрывается.

Из цикла «Посмертный марш клоунов»

...А перед смертью
Вдруг пожалею,
Что больше уже
не приснится птица,
И не придется в небе кружиться
С нею.
Разве хоть что-то
С этим полетом
Сравнится?

Вы засмеетесь
подле могилы
Вашего клоуна,
Похоронив его мир,
Усталостью нарисованный,
Который когда-то любили.

И крикнете: «Браво!» —
В последний раз,
Аплодисментами разбив ладони,
Комедианту,
игравшему только для вас,
Но вами не понятому.

Не зная,
что в вечер
Сжигал он по несколько лет,
Безжалостной сцены закон
Нарушая порой,
Хотя, как и вы, мог купить
На спектакль билет,
Чтоб равнодушно следить
За чужою игрой.

Перевод с сербохорватского
Ирины ЧИВИЛИХИНОЙ.

Ирина ПАНОВА

Под вечер небо опустело,
в нем нет ни снега, ни воды,
лишь там, где облако летело,
остались робкие следы.
Заката быстрое сгоранье
начнется в небе, а пока
ему даны воспоминанья,
позолоченные слегка.

Недолго длится эта встреча,
а к ней готовлюсь целый год,
когда, прослушав ледоход,
горят каштановые свечи,
когда гроза играет марши,
вполнеба радуга встает.
И все, что каждый день дает,
мне тем дороже, чем я старше.
Любить и все-таки встречаться
в году всего один лишь раз?
Но пожелать такого счастья
хочу я каждому из вас,
чтоб много лет при этом вместе
нам отмечать его приход,
и только радостные вести
дарить друг другу в Новый год.

Прекрасна графика зимы,
весне привычной акварели,
и те, что пишутся в апреле,
полны веселой кутерьмы.
Но вот одна: на ней вода,
как будто щурится от солнца,
спешит, не ведая, куда,
и все равно вздохом смеется.
А лето добрыми руками,
чтоб все под солнцем расцвели,
напишет щедрыми мазками
свои полотна для земли.
Но что же осени осталось?
Она одна сумеет все:
расскажет графикой усталость,
а маслом — празднество свое.
И акварельная мятежность
прольет на множество листов
такую грусть, такую нежность,
что объяснить не хватит слов.
Опять придет за ними следом
холодных мыслей череда.
И краски спрячутся под снегом,
чтоб не замерзнуть в холода.

Игра в слова, игра словами...
Такая старая игра!
И мы в нее играли с вами
вчера, а может, не вчера.
Там слово каждое творилось
и находило верный звук.
Оно впервые говорилось
и удивляло всех вокруг.
Какие добрые улыбки
ответом были на слова,
но только в детстве на ошибки
у всех имеются права.
Потом себя судили строже
и, перепутав «да» и «нет»,
всегда платили мы дороже
за необдуманный ответ.
Тут не отделаться испугом,
ведь все мы делом и мечтой
бываем связаны друг с другом.
А если слово — звук пустой?

Солнце светлое брызнуло в лица,
небо кружится над головой,
и сугробам пора становиться
разговорчивой талой водой.
И она разволнуется снова
всем понятно, о чем и о ком.
Разве можно сегодня ни слова
не понять в разговоре таком?
Ранним утром прислушаться если,
слышен капель залихватный смех.
Не они ли придумали песню
для тебя, для меня и для всех?
Звуки чистые громче и выше,
все, что есть,
отдаю им во власть.
Сколько раз
этот вальс ни услышу,
не сумею наслушаться всласть.

Весне всего лишь две недели,
ее открыться впереди,
но, маскируясь под капели,
идут несмелые дожди.
Вдруг появились там и тут
проталин робкие веснушки.
Звеня, как детские игрушки,
дожди несмелые идут.
Весна — веселая подруга
ручьев, смеющихся взахлеб.
И на реке не от испуга —
от смеха лопаются лед.

Стихи приходят как подарок?
От строчки к строчке напрямик
когда пишу их без помарок,
совсем не значит, что за миг
они сложились. Может, годы
я их держала при себе.
Не получавшие свободы
за слово каждое в борьбе,
они росли и ждали часа,
когда на волю отпущу.
Уж не поэтому ли часто,
поставив точку, я грущу.

Весною рассвету не спится:
зарю сочиняя, встает.
Веселая птица синица
об этом все утро поет.
О снеге, что ночью не выпал,
о лете, что скоро придет,
горошины смеха рассыпав,
веселая птаха поет.
Над улицей песни несутся,
врываються в мысли и сны.
Как славно бывает проснуться
от светлого звона весны!

Зачем сегодня ты напомнил
о том, что я хочу забыть?
Минуты памятью наполнив,
так далеко сумел заплыть,
что я почти что захлебнулась
воспоминанием твоим.
Но пошутила и вернулась.
Мы встречей только повредим
тому, что в памяти хранится,
тому, что вспомнил ты сейчас.
Ведь эта светлая страница —
давно законченный рассказ.

**СРУБИТЬ ДЕРЕВО — ПОДЕЛА.
МАШИНА ЕРУКОВА ДОЛЖНА
ОЧИСТИТЬ ЕГО ОТ СУЧЬЕВ.**

Яростное утреннее солнце обрушило водопад лучей на сонный лес. Новый день занимался по-праздничному неспешно, причёсывая гребнем ветерка непослушные вихри зеленых крон.

Чутко вдушиваясь в гудящую тишину, Володя Еруков полной грудью вдыхал плотный таежный воздух, крепко настоянный на свежести смолистой хвои и цветочного разно-травья, жадно пошедшего в рост после притозднявшихся весенних похолоданий. Нарушать спокойствие природы не хотелось, но что поделаешь — работа не ждет.

Вон сколько древесины заготовила бригада за время, пока он был в Москве на XIX съезде комсомола. Надо торопиться, товарищ делегат, иначе товарищей не догнать. Он еще раз смерил взглядом внушительный штабель ветвистых хлыстов и решительно сел за рычаги своей сучкорезной машины. На рев включенного двигателя эхом откликнулись из леса голоса трелевочных тракторов и пчелиное жужжание бензопил. С края деланки ухнуло на землю первое дерево,

**ФЕДОР АНИШУК — ОПЫТНЫЙ
ЛЕСОРУБ. ОН МНОГОМУ МОЖЕТ
НАУЧИТЬ МОЛОДЕЖЬ.**

**БРИГАДА НИКОЛАЯ ФАДЕЕВА,
В КОТОРОЙ ТРУДИТСЯ ЕРУКОВ,
ОСНАЩЕНА
СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКОЙ.**

разом стяхнув с окрестностей дремоту тихого утра...

Владимир Еруков, комсомольский секретарь лесозаготовительного цеха Поросозерского леспромхоза, родился и вырос здесь, в карельских лесах, на берегу маленького Юозера. Ему с братьями лес был лучшим другом беззаботного детства. Любили мальчишки с головой окунуться в его многоликий сказочный мир. Целыми днями готовы были резвиться на ягодном раздолье, пропадали на укромных грибных полянках. Особенно прирастались рыбачить, с удочками добирались до далекой порожиистой речки Семчи.

Иногда отец брал ребят на охоту. Пробираешься, крадучись, по едва заметной тропке. Кругом — тайна, неожиданность, открытие. И зеленый шум все глубже заманивает в глушь, где сквозь мохнатые лапы елей голубеет гладь тихой ламбушки, где пугливый обычно зайчонок смело выбивает барабанную дробь на крепком кряжистом сне.

Отец научил сыновей видеть удивительное в каждом корешке, в каждой

замысловатой веточке. Увлеклись братья поделками из корней, резьбой по дереву да берестяным плетением. Юрий пишет, что и в армии находит для этого время. Старший брат, Василий, тоже вернулся со службы с ворохом новых поделок. Ну, а Володю хоть вовсе хлебом не корми — дай малость с берестой почудачить. Одно слово — лесовики. Видать, не зря говорят в этих краях: карел без леса, что казак без степи. Заворожил их лес, опутал, притянул к себе накрепко.

Недолго поэтому думали братья Еруковы над выбором главного дела жизни. Отслужив в армии, Василий и Владимир сразу пришли в Поросозерский леспромхоз — по стопам матери своей, Зои Александровны. Еще в детстве доводилось им слышать от нее старую карельскую поговорку: «Лейккуа пуу иссчиз мюо» (руби дерево по себе). Вот они и выбрали дорогу по себе — быть лесорубами!

«Эка, куда хватил, — рассердится иной читатель. — Разве можно любовью к лесу объяснять выбор профессии, символ которой — безжалостный топор?!»

Можно. Можно потому, что лесоруб лесорубу рознь. Один приходит в лес этаким хозяйчиком и действительно изводит его на корню. На оставшейся после него вспаханной техникой пустыне вовсе не поднимется жизнеспособный подрост. Другой же рубить будет с умом, с заботой о будущем леса. И под-

**ЕЩЕ ОДНА ПАЧКА
ДРЕВСИНЫ
ГОТОВА К ОТПРАВКЕ.**

рост сохранит, и почву не попортит, и валеж подберет... Глядишь, на прежней вырубке через несколько лет весело зеленеет набирающий силу молодой.

Еще школьником видел Володя, что вытворяли в лесу некоторые сезонники, временно намербованные где попало легуны, по трудовым книжкам которых можно изучать географию страны. Вот уж кто не замечал за деревьями леса! В погоне за длинным рублем они брали только кубатурные стволы, оставляя незащитные хилые недорубы, которые рано или поздно рушились на землю ветры, превращая деревья в труху — прибежище лесных вредителей.

Да что там сезонники! Порой и местные заготовители ради выполнения сиюминутных планов забывают побережь здоровье своего зеленого кормильца. Однажды во время командировки в один из северных карельских леспромхозов я обратил внимание на обочинный камень с символической надписью: «Вперед, в бой за лес!» Поездка действительно напоминала путешествие по местам ожесточенных сражений. Только скорее не за лес, а с лесом.

По обе стороны дороги то и дело встречались огромные проплешины разработанных деланок. Кое-где скупно тянулись к солнцу слабые побеги, упорно пробивавшиеся сквозь не-

ДЕСО

ЧАЙ В ЛЕСУ.

МАШИНА МАШИНОЙ, НО И СИЛУШКУ НУЖНО ИМЕТЬ.

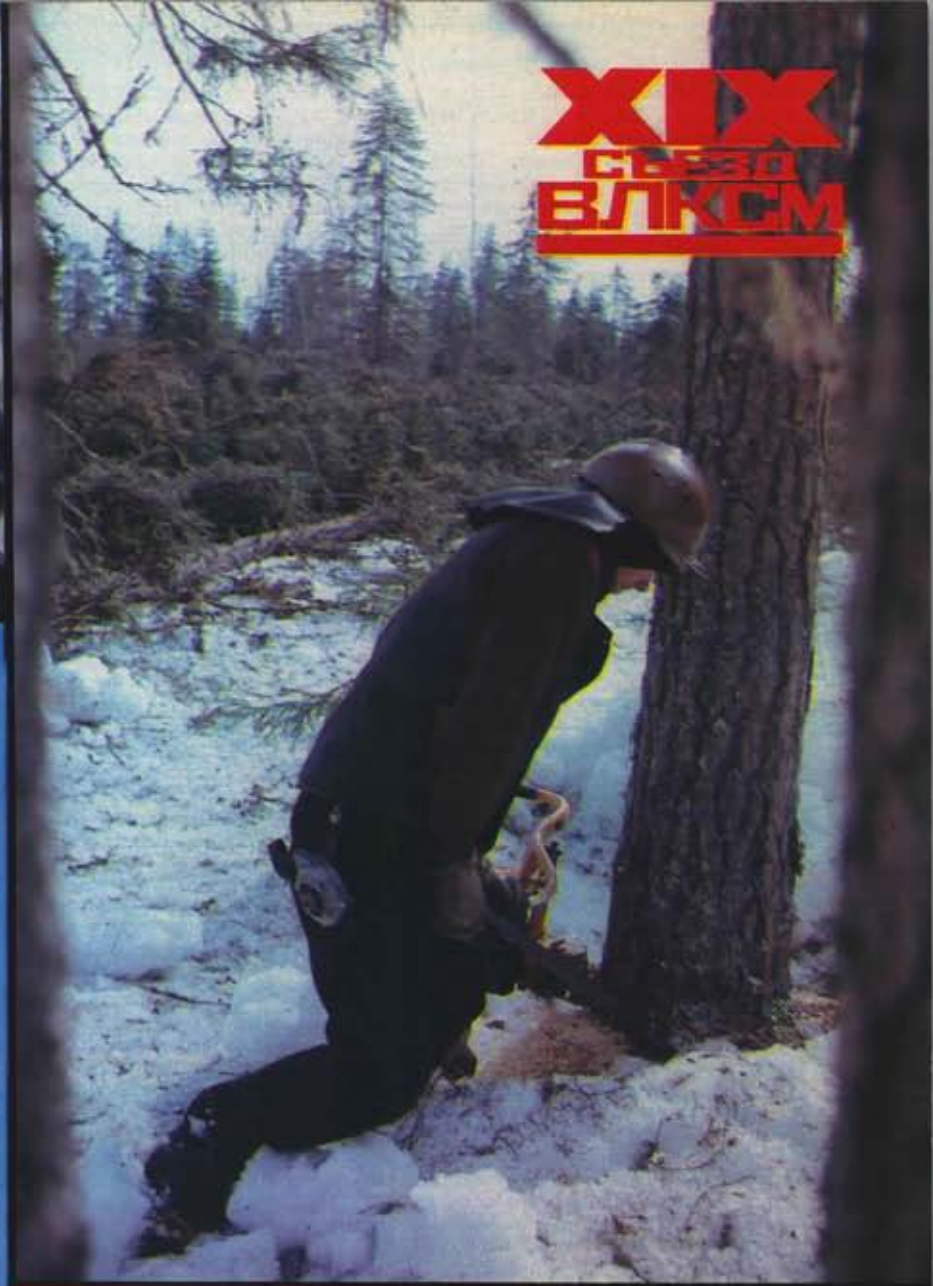
Кошкин.— Но когда рубишь, должен думать о том, чтоб ни одна ветка, ни одна хвостика у тебя даром не пропала. Отнял у леса дерево—используй его полностью, чтобы не потребовались тебе еще деревья, чтоб не срубить лишнего.

Увы, не всегда еще мы по-хозяйски обращаемся со своими лесными богатствами. Из-за бесшабашных рубок заметно оскудели в послевоенные годы леса Карелии. Вдоль и поперек исходили местные лесорубы некогда таежную глухомань «пристоличной Сибири», выхватили лучшие массивы и теперь добирают недорубы прошлых лет, с тревогой взглядываясь в будущее.

Подсчитано, например, что Поросозерскому леспромхозу при сохранении столь же интенсивных темпов рубки хватит существующего лесфонда лет на пятнадцать. Чтобы не оказаться у разбитого корыта, объемы лесозаготовок в республике постепенно снижаются до уровня расчетной лесосеки, основанного на самом приемлемом принципе хозяйствования: рубить леса столько, сколько его вырастает. Восполнить неизбежную разницу между тем, сколько рубишь и сколько нужно, призвано как раз ра-

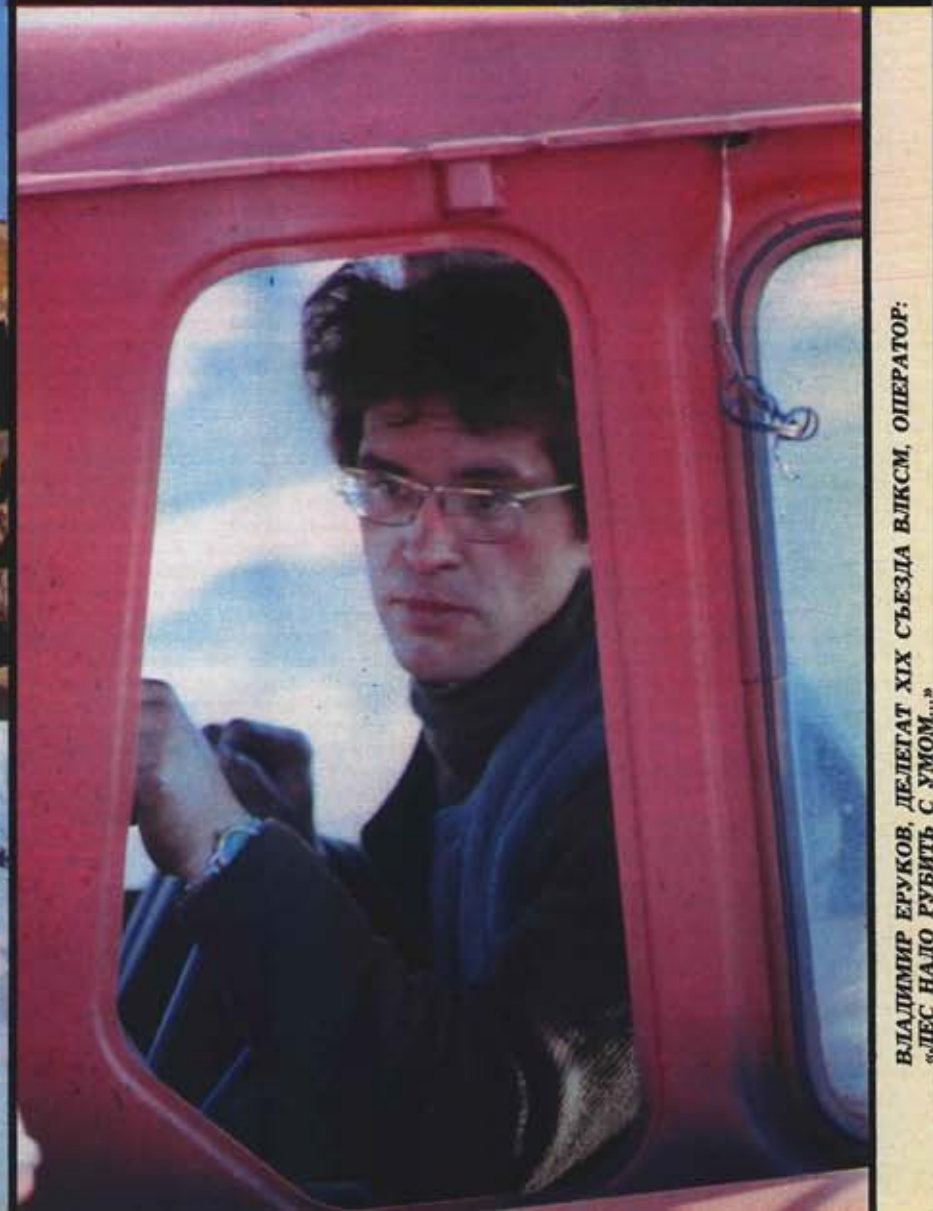
убранный бурелом. Впрочем, почему бурелом? Не буря же усердствовала над созданием столь удручающего пейзажа. Сотворил его человек. Он пришел сюда, до зубов вооруженный бензопилами и валочно-трелевочными машинами. Срубил и вывез отсюда стройные сосны, но забыл здесь то, что обычно называют лесосечными отходами: валеж, обломки деревьев, крупные сучья— все, что при рачительном отношении к лесосырьевым ресурсам могло пойти в дело. Например, на технологическую цепь для целлюлозно-бумажных комбинатов.

— Не в том соль. Если ты лесоруб, значит, ты лес рубишь не ради собственного удовольствия, а потому что он стране нужен. Дома строить, шахты крепить, бумагу варить,—вспоминал как-то наказ своего отца-плотника, знавшего настоящую цену дереву, знатный карельский лесоруб Федор

Андрей ФАРУТИН
Фото Сергея ВЕТРОВА

РУБЫ

ВЛАДИМИР ЕРУКОВ, ДЕЛЕГАТ XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ, ОПЕРАТОР:
«ЛЕС НАДО РУБИТЬ С УМОМ...»

циональное, комплексное использование древесины, ставшее ударным делом карельского комсомола.

Канули в Лету те времена, когда лесосечные отходы, что называется, небо грели. Костры на делянках леспромпхоза погасли лет десять назад. Сейчас отходы на лесосеках собираются, часть из них вывозится на биржу и перерабатывается. Вряд ли это было возможно, пока существовали маломощные, разбросанные на большой территории лесопункты. Для использования некондиционной древесины потребовалось серьезное техническое перевооружение, ставшее возможным с концентрацией сил. Теперь объединенный нижний склад леспромпхоза вместе с основным ассортиментом продукции выпускает из отходов производства технологическую щепу, пневый смол, тарную дощечку, еловое корье...

Хозяйское отношение к лесу по душе Владимиру Ерукову. Разве иначе подался бы он в лесорубы? Нет, не может он мириться с тем, что северный лес гниет кое-где, как на юге фрукты.

— Иногда, когда срывается поставка железнодорожных вагонов, даже спелый лес портится на нижних складах в ожидании отправки потребителю, — возмущается Володя. — Зачем тогда, спрашивается, собирать сучки, если на глазах у всех гибнут сотни кубометров заготовленной деловой древесины? Получается, что чья-то безхозяйственность перечеркивает результаты нашего труда, снижает моральное удовлетворение от работы у лесорубов.

— Это должно вызывать тревогу у комсомола леспромпхоза?

— Конечно. Нам еще немало предстоит сделать, чтобы собираемые на делянках лесосечные отходы использовались полностью. Во-первых, нужны удобные кузовные машины для вывозки некондиционной древесины на нижний склад. Во-вторых, потребуются новые мощности по переработке отходов, количество которых возрастает с внедрением бригадного подряда на лесосеках.

— Мне приходилось слышать мнение, что и современную технику не мешало бы научить более бережному отношению к лесу. Она, мол, как комбайн, «косит» не только спелый лес, но и жизнеспособный подрост, уничтожает растительный покров.

— Чего греха таить, бывает и такое. Работающая в лесу техника пока что далека от идеала. Но совершенствуется постоянно. Скажем, взять мою сучкорезку ЛП-30Б. Она устойчивее, производительнее, надежнее прежних машин. А валочно-трелевочная машина ЛП-17! Она и производительна и бережлива. Сама пилит лес, сама его трелюет. Чтобы не повредить подрост, может на пять метров выбросить стрелу с механическим захватом и пилкой-автоматом. Именно желание управлять такой мощной техникой приводит сейчас в лесорубы многих молодых парней.

Да, изменилось содержание древней профессии. Вместо могучего детины с тяжелым дедовским топором пришли на делянки автоматические машины. Лесорубы стали операторами, механизаторами, техниками. Не страшны им нынче в cabinaх машин ни тучи комарья, мошкары и гнуса, ни зимние холода. Разве что вальщики да чоке-ровщики еще чувствуют себя неуточно на лесосеке. В основном же Пороозерский леспромпхоз превратился в своего рода испытательный полигон, где проходят промышленную обкатку технические новинки, предназначенные для лесных предприятий.

Нынче даже лучшим бригадам лесорубов не под силу тягаться со звеном валочно-трелевочных машин ЛП-17. Да и немудрено. Одна такая машина в режиме «валка-трелевка» за смену заготавливает в среднем до сорока кубометров леса — столько же, сколько ма-

лая комплексная бригада из пяти человек на базе одного трактора.

Новые машины появились на участке в позапрошлом году. Их операторами стали молодые парни: Иван Шевченко, Павел Полякин, Виктор Жуков — лесорубы поколения автоматической техники. Валочно-трелевочные машины заготавливают на участке более половины всей древесины. В окором времени асам бензопилы останется, наверное, добирать лес лишь на труднодоступных местах.

Вот подползает эта грозная машина к богатырскому сосновому стволу, взметнувшись в небо бархатную зеленую крону. Вонзает в его смолистую пахучую плоть острый нож пилы-автомата. Брызнула струя опилок. Многовековая сосна затрещала, качнулась и, падая наземь, охнула тяжело, прощаясь со своими сестрами. Машина тут же подхватила поверженного лесного великана металлическими «руками» и аккуратно взвалила себе «на спину». Собрав пучок хлыстов, трактор быстро стрелевал его к штабелям верхнего склада, где, высоко вздымая деревья, ловко очищала их от ветвей сучкорезная техника.

Трудоемкая операция по обрубке сучьев в Пороозерском леспромпхозе полностью механизирована. Этот нелегкий труд, прежде выпадавший на долю женщин-сучкорубов, выполняют теперь автоматические машины.

Но и с «Лучами» — так ласково называют рабочие свои удобные производительные механизмы — работать непросто.

Даже Еруков как-то чуть было не подвел бригаду. В начале года его «Луч» захандрил: то двигатель покашливал, то стрела ломалась. Словом, в январе — феврале план Володя провалил. Каково было ему — комсомольскому вожаку, делегату съезда — ходить в отстающих? Казалось, все односельчане смотрят на него с укором.

Тогда-то он, спокойный, улыбкающий парень, и показал свой рабочий характер. Часами возился с машиной, добился своего — не подвела на финише квартала. Володя не только преодолел отставание, но и перевыполнил план. На съезд поехал с чистой совестью: срывов больше не было, фамилия Ерукова снова появилась в списках передовиков.

...Мы сидим с Володей за столиком удобного вагончика-столовой, пьем крепко заваренный сладкий чай, рассуждаем о том, что притягивает и что отталкивает молодежь в работе лесоруба. Очарование родной природы, хозяйское отношение к лесным богатствам, возможность работать на новейшей технике — об этих силах притяжения мы уже говорили. Что еще?

— Быт! Нормальный устроенный быт — вот что еще может удержать молодых в лесных поселках, — уверенно сказал Володя.

Мне сразу же вспомнилась другая беседа. Вот так же сидели мы весной прошлого года в передвижной столовой Матросского лесопункта с техноруком Виктором Волковым, единственным комсомольцем поселка Матросы, работавшим на основном производстве в лесу, и мастером леса Николаем Кузьмичом Попругой, тридцать лет отдавшим лесозаготовкам.

— Ну почему, объясните мне, почему все меньше местной молодежи остается работать на делянках? — настойчиво выспрашивал я своих собеседников.

За окном было не по-апрельски морозно, студеный ветер обжигал лицо. Не в мой бы куцей штормовке отправляться бы в ватник лесозаготовителя — другое дело! Враз согреться, а поработать, так, пожалуй, и вовсе холода не заметишь. К тому же всегда рядом жарко натопленные бытовки и спасительная столовая. От одной мысли о них тепло становится в самую злую стужу.

Работа, конечно, все равно не сахар.

Но послушаешь рассказ Николая Кузьмича о том, как он с товарищами валит лес сразу после войны, поймешь, что теперешние бытовые условия на делянке не укладываются ни в какие сравнения с прошлым. Бывало ведь, брали лесорубы из дома котомку с провизией и готовили себе обед сами, на костре. У костра же и грелись и сушились.

Теперь-то и техника все больше человеку помогает, и теплые бытовки у каждой бригады есть, и спецодеждой все обеспечены, и горячей пищей... А число желающих работать в лесу неуклонно сокращается. Старые лесорубы уходят, а сменяют им в Матросках нет.

Тогда мы пришли к выводу, что не только от улучшения бытовых условий на лесосеках зависит приток молодых кадров, что проблема коренится в обустройстве не только рабочего, но и домашнего быта. Молодежь Матросов не чувствовала заботу о себе со стороны лесопункта. Трудно было найти хотя бы одного молодого специалиста или молодую семью, которые получили бы к тому времени сносное жилье в поселке. Даже Виктор Волков, приехавший туда техноруком по университетскому распределению, вынужден был переоборудовать в жилую комнату свой служебный кабинет в конторе.

Трудности карельских лесопунктов понятны. Многие лесные поселки строились раньше с расчетом на временное пользование: пока, мол, есть, что рубить в округе. Однако нынешний курс на постоянство рубки в пределах расчетной лесосеки выдвинул новые требования к организации быта лесорубов: жить им отныне на одном месте постоянно, а значит, дома ставить добротные.

Где только взять эти добротные хоромы? Жилфонд временных поселков сплошь состоит из ветхих стандартно-щитовых сооружений, метко прозванных в народе «стандартно-щелевыми». Заботу об их капитальном ремонте администрации леспромпхозов не легко совмещать с выполнением напряженных планов по заготовке, вывозке и раскряжовке древесины. Однако предприятия, серьезно думающие о перспективах своего развития, не жалеют на жилищное строительство ни сил, ни средств.

В Пороозере тоже жилья нехватка, но молодые без квартир никогда не остаются. Леспромпхоз крепко держится за свои молодые кадры.

Володя Еруков о быте вспомнил не случайно. Когда был холостой, он об этом и не заикался. Но теперь жизнь его течет по семейному руслу. Два года назад у четы Еруковых родилась дочка Катя. А к осени молодое семейство уже перебралось из тесной четвертушки, как называют здесь уголщитового домика, в двухкомнатную половину нового жилого здания. Теперь Володя спокоен за свои тылы.

Правда, иные молодые ребята все-таки уезжают из Пороозера в другие места. Кто едет на новые ударные стройки, кто ищет, где климат помягче да работа полегче. Но потом многие возвращаются на родину, и снова появляются в списках лесорубов знакомые фамилии. Как знать, может, пополнит этот список и фамилия еще одного Ерукова — Юрия. Скоро младший брат увольняется в запас из армии. Завовет ли его домой лесное притяжение?

...За окнами маленького юркого автобуса мелькают разлапистые ели и краснеющие стволы ососен, кое-где светлеют веселые березняки и трепетные осиново-рошцы. Но скучных темно-хвойных красок все-таки больше. Поэтому, видимо, приезжие упорно величают карельские леса тайгой. Хотя нехоженых троп и непуганых птиц здесь уже не отыщешь.

А ведь была она — тайга. Да свели ее люди. От людей же зависит и будущее сегодняшнего карельского леса.

Будущее твоего леса зависит и от тебя, Володя Еруков!

Надежда ВЕСЕЛОВСКАЯ

*Сыр-бор. Корнями закольчужен.
Лежит, как витязь во степи.
Туман, затягиваясь ту же,
Его промозглостью кропит...*

*Внутри, в ветвях, играют духи:
Сплетаясь в тяжелый*

липкий ком,

*Дают друг другу оплеухи
И вниз слетают кувырком...*

Сыр-ыр бор.

Он сыр, как подземелье.

«Сыр-бор»

— решили с давних пор.

*Но почему ж огонь веселья
У нас порой зовут «сыр-бор»?*

*Как бывает здорово
У ворот Егорова!*

Волновало с давних пор:

Где же дедушка Егор?

*Где он нынче, тот, что ехал
Из-за леса, из-за гор?*

Ни ответа, ни следа.

Не страшась ли с ним беда?

Все ль рыжует на рубахе

Неседая борода?..

*Как окон резные створки,
Распахнулись поговорки.
В каждой что-нибудь свое
Про житье да про бытье.*

*А иные — вздох короткий,
Даже страшно, хоть не верь:
Дескать, голод нам — не тетка,
Муж, мол, — в Тверь,
Жена, мол, — в дверь...*

*Но о горьком забывая,
Вперевой твердит народ,
Что, мол, здорово бывает
У Егоровых ворот...*

Дрогнул запах

свежести весенней.

Невесомо в воздухе паря...

С понедельника

до воскресенья —

Словно до июля с января.

*Вечный ход имеющее время
Неторопкой катится волной.
Февралем подсиненная темень
Знаменует вторник затяжной.*

Дальше — больше.

Как всегда, бывало,

По неделям, в каждую из сред,

Переломной точкой, перевалом

Служит году

мартовский рассвет...

*Запоют в четверг ручьи апреля,
Вздогнет сверток*

первого листка...

А уж в мае ясно, что неделя

К завершенью скорому близка.

Праздник — да!

Но часто накануне

Нам бывает даже веселей.

Кто не любит

буйство трав в июне,

Колокольчик первый

среди полей?..

*А когда по-пышному цветасто
Возрастит окрепности жара,
Наконец сказать мы сможем:*

«Здравствуй,

Воскресенья жданная пора!»

АУТОУВАС?

Патриарх
таксомотора

Сады
Нового
Уренгоя

Зеленый
«противогаз»

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ
В ДОРОГЕ.

Познакомился с ним случайно. Как-то спешил домой и решил взять такси. У машины стоял невысокого роста дед с окладистой бородой. Лицо симпатичное, улыбочное, в прищуренных глазах веселые искорки. Поинтересовался у него: где водитель и не по пути ли нам.

— В вашем распоряжении, мой дорогой, старейший московский таксист.— певуче протянул дед и, хитровато подмигнув, вынул для знакомства руку.— Михаил Романович Юткевич.

Как потом оказалось, этот московский водитель отмечал в год 60-летия СССР и свой юбилей—ему исполнилось восемьдесят лет, шестьдесят из которых он провел за баранкой.

Так мы познакомились. — В Москве, где я родился,—рассказал мне позже Михаил Романович,—надежды отца на сытую жизнь не оправдались, и его потянуло в Забайкалье. Места те он помнил по службе в царской армии. Так я очутился в Чите. С босоногими читинскими мальчишками слонялся без дела по улицам. Увидел однажды автомобиль и влюбился, как говорят, с первого взгляда. Терся целыми днями возле машин, ста-

рался оказывать их водителям любую услугу.

Работая на подхвате, я добился своего: меня обучили вождению. Со временем я постиг тайны легковых автомобилей — «митчелов», «кадиллаков», «паккардов», «студебеккеров», «шевроле», «гудзонов».

Сейчас завидую молодежи: таксопарки приглашают юношей на курсы шоферов, дают им стипендии.

В 1922-м сел за руль. В 1929-м призвали меня в Советскую Армию. Полгода служил в стрелковой части в тех же местах, где и мой отец, в Забайкалье. Попал в Иркутск, спрашивают: «Нет ли среди вас шоферов?» Ну, я, конечно, шаг вперед. Так и стал штабным водителем.

...Как-то раз встречали в Улан-Удэ Климента Ефремовича Ворошилова. Кортж машин сопровождал его по направлению к Гусиному озеру. Ехали по Селенгинскому тракту. Подъезжаем к разлившемуся ручейку у самого озера. Все остановилось. Я тоже. Никто не решается переехать вброд—вода выше колен. Вышел из машины, осмотрел дно—галка. Ну и говорю: «Разрешите перевезти?» Посмотрели на

меня с недоверием, потом махнули рукой: «Давай!».

Выхлопная труба аж зашипела, когда въехал в воду. А я и глазом не моргнув, жму на газ и весело себе смотрю вперед. Вывез первого пассажира и задним ходом обратно в воду. На том берегу все разом замахали, закричали: «Мол, с ума сошел, залет трубу». А я себе газую, поспеиваюсь в усы, которые тогда уже отрастил. И выбрался благополучно на берег, всем на удивление. Так, как челнок, и перевез всех командиров. Ворошилов ехал в приподнятом настроении, и, когда пересекли водную преграду, миновав, между прочим, застрявший в этой луже такой же, как у меня, «студебеккер», похлопал меня по плечу: «Молодец! Хороший шофер!» И поинтересовался, не нужно ли что мне. Ну, я и с ходу: «Резины!»

Думал, так это сказано было, промежду прочим. И вдруг из Москвы, из Реввоенсовета телеграмма: «Какой и сколько нужно резины на «студебеккер»?» А потом прислали десять новеньких покрышек!

Много раз возил Блюхера Василия Константиновича, в те годы командующего Особой Дальневосточной армией. Он был грамотным военачальником и очень тактичным человеком. Ни разу не слышал, чтобы он грубо одернул подчиненного, повысил на него голос. Помню, как-то после учений, на разборе, думали, Блюхер из-за оплошности одного командира роты устроит всем грандиозный разнос. А он спокойно, обращаясь исключительно к виновному, произнес: «Вы объясните своему личному составу, что нельзя лезть под пулеметы. Криками «ура» их не заткнешь».

...Здесь, в Чите, я встретил и Отто Юльевича Шмидта. Командир части приказал мне доставить ему телеграмму к поезду, в котором он следовал из Владивостока в Москву. Весть уже облетела страну, и я знал, он возвращался с победой: впервые удалось пройти за одну навигацию Северным морским путем. Не предполагал тогда, что судьба надолго свяжет меня с теми краями.

Когда пришла пора демобилизоваться, мой сменщик Лешка Исаев предложил съездить в Москву, погостить у своей матери. Я подумал-подумал и отправился в столицу. Да так я и осел здесь. Работал шофером при управлении Главсевморпути, вроде бы московским «полярником» стал. Но ненадолго. Довелось Север и воочию увидеть. В 1935 году откомандировали меня в Игарку. И отправился я туда с машиной—сначала по железной дороге до Красноярска, а оттуда пароходом плыл одиннадцать дней.

Города Игарки еще не было—он только строился. Был порт да лесопильный завод. Поместили меня жить в порту. Первое время ездил в строящийся город по «макароннику». Так мы называли мелкие доски—отходы лесопильного производства. И смех и грех, а ездить было надо много. Достаточно сказать, что выезжал я «на линию» в три часа утра.

Со временем «макаронник» заменили настоящими досками, и стало легче. Но вот в зимние периоды приходилось частенько останавливаться и продувать замерзший бензопровод ручным насосом. Слишком сильные там морозы, автомобиль к ним не был приспособлен.

Но все эти трудности как-то легко переносились. Ведь

жили одним—строительством Игарки.

Вернулся в Москву спустя четыре года и встречал героев-летчиков, снявших челюскинцев со льдины. Это были счастливые дни...

И вдруг война.

Меня приписали к отдельному батальону автоцистерн. От оперативного подвоза горючего нашим танкам и мотопехоте многое зависело.

Так и мотался по фронтам. Был и на Сталинградском, был и на Дону, и на Курской дуге, а потом прошел на колесах по фронтовым дорогам Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии.

До сих пор в памяти трагедии войны—море людского горя. Да и сам потерял сестру, подорвавшуюся на mine, и мать, оставшуюся в осажденном Ленинграде. После победы вернулся на ту же автобазу Главсевморпути, а потом, когда ее упразднили, стал шофером 10-го таксомоторного парка Москвы.

Старался работать, не уступая молодым. План выполнял всегда. Четыре года назад был награжден медалью «Ветеран труда». Если я выхожу на линию, то работаю «до упора», без обеда. Я считаю, что за рулем голова должна быть чистая, а реакция быстрая. А поешь—клонит ко сну.

И жена и дочь вечно меня пилит. Мол, хватит работать. Но я не слушаю их. Ведь человек, как мотор. Если использовать его на малых скоростях, то он быстро изнашивается. Да и машину люблю до сих пор. Сейчас мне стукнуло восемьдесят, а медицинскую комиссию прошел запросто!

Слава ТАЙНС.

— Фото
Виталия СОЗИНОВА

ЭКСПЕРИМЕНТ

Ночью не вяжем

Отныне ни одна из вязальщиц ведущего цеха в Донецком трикотажном объединении не выйдет на работу в ночную смену. Перейти на более удобный для любой женщины двухсменный график работы позволила коренная реконструкция предприятия, где, кстати, занято около трех тысяч женщин. Теперь им станет значительно легче управляться с домашней работой.

Леонид КАПРАН

КРАЙ РОДНОЙ

Сердце мельницы—водопад

Не одно поколение жителей чечено-ингушского аула Фуртоуг кормила мельница, поставленная на водопаде. А появилась она так. Когда-то через провал горцы перекинули толстое бревно с выдолбленным желобом. По нему-то и бежит вода.

И сейчас к водопаду приходят жители Фуртоуга. Не за водой, нет—мужчины давно уже протянули от водопада в аул своеобразный водопровод. Приходят, чтобы полюбоваться.

Азамат ХОДЖАЕВ

ИСПЫТАННОМУ—ВЕРИТЬ

ЗЕЛЕНЫЙ ФИЛЬТР

Неожиданные таланты у совсем обычных деревьев открыли в Казани ученые Всесоюзного научно-исследовательского института охраны труда ВЦСПС. Полевой клен и белая ива, оказывается, отличные «пылесосы». Груша и дикая яблоня работают не хуже кондиционеров, а тополь и береза стойко выдерживают атаку вредных для других деревьев газов.

Елена ГОЛОВАНЬ

У НАШИХ ПОДШЕФНЫХ

Весть из Уренгоя

Все больше газа дает стране наш молодой приполярный город. Да и сам он растет не по дням, а по часам. В суровых условиях Севера особо важное значение приобретают объекты соцкультбыта.

Поэтому недавно молодые камешки встали на интернациональную вахту. Девиз ее: «Строительству детских объектов—комсомольскую заботу!». Представители пятнадцати национальностей нашей страны возводили детские сады, остро необходимые Новому Уренгю, в котором недавно, кстати, родился тысячный ребенок.

Дневная выработка участников вахты достигала ста двадцати процентов. Освоено капиталовложений на сумму в сто восемьдесят тысяч рублей.

По поручению участников интернациональной вахты
Тенгиз ШЕЛИЯ,
начальник зонального штаба ЦК ВЛКСМ
г. Новый Уренгой

Кто-то сказал однажды: «Понять — это привыкнуть и уметь пользоваться». Взять, к примеру, карманные калькуляторы. Кого удивили ими в наши дни? Мы сегодня настолько привыкли к научно-техническим чудесам, что завтра, пожалуй, и не удивимся, прочтя в газете: «Специалистам удалось создать компьютер, который по своим размерам, функциональным возможностям, сложности сравним с живой клеткой...»

А между тем рядом с нами живут и работают настоящие чудесники. Например, в одной из лабораторий Института электронных управляющих машин.

На первый взгляд это самая обычная лаборатория. На столах микроскопы, разноцветные блоки электронной аппаратуры, кипы отчетов. И все-таки эта лаборатория особенная. Здесь специалисты впервые вместо слова «радиолампа» стали говорить «транзистор». Здесь разрабатывали новые конструкции транзисторов и делали первые в Союзе малые, средние и большие интегральные схемы, изобрели бесконтактный детектор для обнаружения неисправностей в них, занимались устройствами машинной памяти.

— Интегральная схема, — говорит руководитель лаборатории доктор технических наук В. Ф. Дорфман, — это полупроводниковый кристалл, который содержит в себе сотни тысяч, а порою и миллионы активных элементов — триодов, диодов, конденсаторов... Все эти элементы благодаря методам современной технологии удается сделать настолько крошечными, что их и в микроскоп не всегда разглядишь. Ведь сам-то

кристалл — видите? — не больше ногтя на мизинце...

Особого впечатления этот кристаллик не произвел. На вид весьма невзрачен.

— Пользуйтесь случаем, — сказали мне в лаборатории. — Можете, что называется, воочию увидеть потоки информации.

Я принял к окулярам микроскопа и увидел... мыльные пузыри, гонимые ветром.

— Вот эти, как вы их назвали, «мыльные пузыри», есть домены — одинаково ориентированные магнитные области гранатового кристалла, — объяснили мне. — Изменение границы каждого домена, его перемещение — следствие переработки информации в электромагнитном поле. Таким образом, вы действительно имели возможность как бы видеть информацию...

Микросхемы магнитной памяти — лишь один из примеров микроинтеграции электронной техники. Те же ЭВМ, что вчера занимали огромные машинные залы, завтра мы будем искать, как пропавшую иголку: «Ведь только что тут была...»

Однако ничто не дается даром. Запах жасмина оплачен химической энергией растения, журчание ручейка — энергией бегущей воды, голубизна неба — фотонами солнечного света. Это же утверждение справедливо и для процессов переработки информации искусственно созданными электронными устройствами. Чем быстрее мы хотим обработать полученные данные, тем выше должна быть плотность электронных элементов — их количество на единице площади.

Уменьшение размеров электронных

приборов имеет двоякую цель. Компактность хороша не только сама по себе, но еще и тем, что повышает быстродействие устройств. Но, уменьшая размеры электронных устройств, мы должны сохранить их мощность. Существуют минимальные порции, как бы кванты энергии, ниже которых мы опуститься не можем, поскольку они соответствуют порогу восприятия наших чувств. А сохранение мощности, в свою очередь, приводит к повышению плотности энергии, выделяемой в единице объема.

То есть, говоря проще, здесь мы сталкиваемся примерно с такой ситуацией. Представьте себе толпу гуляющих по площади людей. Сквозь эту толпу нужно проехать группе велосипедистов. Если площадь велика, толпа не очень густа, велосипедисты проезжают без особого труда. Но если площадь уменьшать, толпа станет гуще, и в какой-то момент времени задача велосипедистов станет просто невыполнимой.

Теперь заменим пешеходов атомами твердого тела, велосипедистов — электронами, и мы получим примерное представление о процессах электромиграции. С уменьшением размеров проводящих путей наступает момент, когда ионы металла или полупроводника, атомные «электронный ветер» — потоками электронов, — покидают свои места и начинают двигаться в ту же сторону, куда «текут» данные. А в итоге информация — понятие, казалось бы, нематериальное — разрушает своими потоками и тугоплавкий вольфрам и золото, которое в толще горных пород успешно выдерживает термические и химические воздействия в течение миллионов лет!

Впрочем, ситуация не так уж удивительна, если мы обозначим ее языком цифр. Проводники современных интегральных схем имеют ширину в 100, а толщину в 1000 раз меньше челове-

ского волоса. По ним течет ток в тысячные доли ампера. Но если мы поделим величину тока на площадь поперечного сечения проводника, по которому он течет, то получим, что плотность тока — миллионы ампер на квадратный сантиметр! Понятно, что такая мощь «сдувает» атомы с такой же легкостью, с какой ветер гонит по улице тополиный пух. И проводник через несколько недель, суток, а то и часов выходит из строя.

Что делать? Неужели микроэлектронные приборы сегодня достигли таких размеров, что меньше быть уже не могут? Нет, выход из положения есть. И не один.

Во-первых, уже сегодня в некоторых микросхемах часть кристалла занимает система, контролирующая «самочувствие» всех элементов. При необходимости в дело вступают резервные элементы, ток начинает течь обходными путями. А это, конечно, продлевает срок службы микросхем.

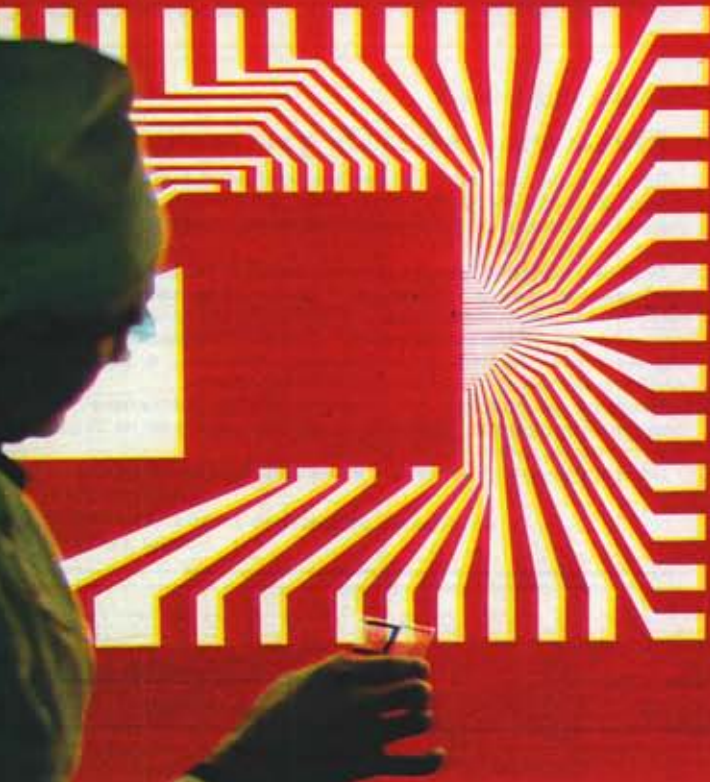
Во-вторых, на смену привычным электронам в ряде случаев приходят другие частицы, например, фотоны света. Голография, волоконная оптика, оптические вычислительные машины — вот еще один путь совершенствования умных машин.

В-третьих, успехи генетической или геноинженерии позволяют надеяться, что в будущем элементы для микроЭВМ будут не делать, а... выращивать! Уже вовсю в употребление новый научный термин — боника. Ученые предлагают использовать патенты живой природы для создания новых полупроводниковых материалов, для изготовления микросхем — методы, которые подобны процессам сборки живых структур в клетке. Такие структуры весьма малы. Так, например, «устройства» живой природы, отвечающие за фотосинтез в зеленом листе, имеют размеры порядка 10 нанометров. То есть на одном квадратном миллиметре помещается более миллиарда таких элементов. Еще плотнее — до 3000 миллиардов! — упакованы элементы внутри нервной клетки — нейрона...

Вот какие сложности стоят за словами: «... Компьютер размером в живую клетку». Но они будут, несомненно, преодолены. Тридцать лет назад никто, верно, себе и представить не мог, что громоздкие шкафы электронной аппаратуры можно «упаковать» в крошечный кристаллик размером в ноготь мизинца. Так что же принесут нам следующие десятилетия? Поживем — увидим. Творцы повседневных чудес покажут нам и это.

ЧУДЕСА НА ЛАДОНИ

Станислав ЗИГУНЕНКО.
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

К ТАЙНАМ
МИКРОЭЛЕКТРОНИКИ.

В ЛАБОРАТОРИИ,
ЗАНИМАЮЩЕЙСЯ
САМЫМИ
ПРОГРЕССИВНЫМИ
РАЗРАБОТКАМИ,
МНОГО
МОЛОДЕЖИ.

ТАК ВЫГЛЯДЯТ
ПОД МИКРОСКОПОМ
ИНТЕГРАЛЬНЫЕ
СХЕМЫ.
КОЛИЧЕСТВО
ИХ АКТИВНЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ
ИЗМЕРЯЕТСЯ
СОТНЯМИ ТЫСЯЧ,
А ТО И МИЛЛИОНАМИ.

Начнем с ботинок для фигурного катания. Они имеют высокие голенища — сантиметров на двадцать выше, чем у обычных. Такое высокое голенище появилось не случайно, ведь сложные движения на льду требуют, чтобы ботинок, конек и нога составляли как бы единое целое. Словом, подбирая ботинки, нужно проследить за тем, чтобы голенище было по меньшей мере на восемь-девять сантиметров выше лодыжек.

Приложите коньки к подошве ботинка, окончание передней площадки для крепления коньков должно совпадать с краем ранта. Если при этом нижний зубец тоже находится на одном перпендикуляре, значит, все правильно. Задняя площадка на каблучке должна занимать «центральное место» и ни на миллиметр не уходить за каблук. Если нет коньков необходимого размера, то лучше выбрать коньки на номер больше, чем на номер меньше.

Спортивный костюм у начинающего фигуриста может быть самым простым: шерстяной свитер или пуловер, легкая нейлоновая куртка, брюки из плотной ткани, зауженные книзу.

Если мороз невелик, маленькие фигуристки, пройдя первоначальную школу, могут тренироваться в специальном для занятий фигурным катанием платье (покрой, не сомневаюсь, всем хорошо известен), плотном трико, шерстяной шапочке и в перчатках.

К первому выходу на каток надо готовиться тщательно, проделав целый цикл подготовительных упражнений дома перед зеркалом. Ходить по полу в коньках несложно. Одновременно надо привыкать и к правильной стойке: руки разведены в стороны и подняты чуть выше талии, ладони повернуты вниз, спина прямая, голова немного приподнята.

Выполняя цикл подготовительных упражнений, необходимо освоить правильную стойку, у вас должно появиться ощущение, что конек, ботинок и нога составляют единое целое.

Через какое-то время, когда походка в коньках на полу окрепнет, задание надо несколько усложнить. Попробуйте, стоя на одной ноге, удерживать равновесие. Для поддержки можно использовать спинку стула. Когда и ходить научитесь в коньках и стоять на одной ноге, можно начать имитировать простые толчки. На то, как это нужно делать на льду, как правило, отводится целый урок. А на полу сначала упражнения выполняйте в тапочках, а потом уже в коньках, но обязательно перед зеркалом. Стойка в третьей позиции: ноги соединить, поставить левую ногу сзади, правую впереди под углом 90 градусов к ней. Толчок производится левой ногой. Центр тяжести переносится на правую ногу, и она скользит вперед. Затем левая нога подводится к правой. Снова третья позиция, но теперь уже впереди левая нога — под углом 90 градусов к правой. Толчок правой, скольжение на левой и так далее. Двигаться таким образом по комнате надо многократно, чередуя толчки с разных ног, пока движение не станет почти автоматическим.

Не хочу запугивать ребят, только прошу с первых же шагов запомнить, что «звезды» воспитываются на льду холодном, скользком и очень твердом во время падений. Он у нас единственная опора — надежная, если ты к нему привык и знаешь его повадки, и коварная, если ты относишься к нему легкомысленно, если видишь только его сверкание.

Любой тренер фигурного катания учит юного фигуриста с первых же шагов не только правильно держаться на льду, но и падать на этот лед, падать так, чтобы не получить серьезного ушиба, чтобы не было вывихов или переломов.

Если фигурист переносит тяжесть туловища чрезмерно вперед, то он автоматически нажимает на зубцы, которые при скольжении вперед превращаются в тормоз, препятствие. Происходит довольно опасное падение. Как правило, начинающие спортсмены падают в этой ситуации на колени, на локти и умудряются даже иногда стукнуться о лед подбородком.

Вначале обучение «мастерству падений» лучше проводить на полу, на коврике или матрасе.

Встаньте около коврика (лучше с короткой его стороны) и поднимитесь на носки. Падая вперед, поверните тело в воздухе так, чтобы соприкосновение с ковриком приходилось на всю наружную часть голени и бедра.

Но этого мало. При приземлении, чтобы смягчить удар, согните кисти и руки в локтях. Если приземляться на жесткие руки, можно повредить и локтевые и плечевые суставы.

Это упражнение напоминает обычные отжимания от пола. Именно на руки приходится значительная доля удара о лед. Поэтому, чтобы рука выдержала этот удар, а не ушла в сторону, подставляя под удар плечо и голову, не расслабляйте руки.

Теперь о положении головы. У каждого фигуриста, который занимался в секции, автоматически срабатывает навык: при падении вперед голова резко откидывается назад. И, что самое главное, удерживается, фиксируется в этом положении...

Кривая лезвия конька изогнута и спереди и сзади. Когда фигурист скользит, центр тяжести его находится над серединой конька. Если фигурист «завалил» туловище назад, происходит естественный перенос центра тяжести тоже назад, и конек — поскольку он закруглен — просто выскакивает из-под спортсмена.

При такого типа падениях чаще всего страдают голова, затылок. Нужно очень быстро среагировать и резко наклонить голову вперед, прижав подбородок к груди. Это особенно важно при так называемых молниеносных падениях, когда не успеваешь в воздухе повернуться и приземляешься на спину.

Подстраховать здесь также должны руки, но опять-таки напомню, руки «упругие». Они обязаны принять часть удара на себя и не соскользнуть при этом. Чтобы появился навык, проделаем следующее упражнение. Встаньте около коврика (так же с короткой его стороны). Чуть согните ноги в коленях. Падайте назад. Падение внешне напоминает перекат. Важная деталь: нельзя сразу садиться на копчик. При этом голова резко идет вперед, подбородок намертво «приковывается» к груди. Необходимо помнить, что при любом падении тело должно быть предельно сгруппировано.

Елена ЧАЙКОВСКАЯ,
заслуженный тренер СССР

ЛИХАЯ
ПЛЯСКА
НА КОНЬКАХ.

СВОЙ КОНЕК

Советы начинающим фигуристам

НЕЗАБЫВАЕМО ИСКУССТВО
ЛЕДЯНЫХ ТАНЦОРОВ
ЛЮДМИЛЫ ПАХОМОВОЙ
И АЛЕКСАНДРА ГОРШКОВА.

ОХ, КАКОЙ
ОН СКОЛЬЗКИЙ,
ЭТОТ ПЕРВЫЙ ЛЕД!

Фото Анатолия БОЧИНИНА
и Владимира ЧЕИШВИЛИ

ПЬЯНСТВО В ОСАДЕ

Игорь МИНУТКО

Речь пойдет о прекрасном юном городе, который как в сказке вырос за тринадцать лет на берегу Камы. Да, это город Брежнев, КамАЗ. О строительстве города, о сооружении Камского автомобильного комплекса, о людях, чья судьба неотделима от этих воинственных исторических лет, уже написаны сотни очерков и десятки книг, сняты тысячи метров пленки, которые сохраняют для потомков реальную картину подвига молодых строителей на Каме.

Но сегодня разговор о другом...

АТМОСФЕРА

Нет, не один воздух, не только голубой беспредельный океан над нашими головами. Атмосфера города... Аура. Да, город Брежнев приезжего человека поражает многим: великолепной планировкой, где все подчинено главному тезису — чтобы людям было удобно, радостно жить; широкими проспектами, рациональными транспортными развязками; комплексами спортивных сооружений; любовно оформленными детскими городками; четкостью и продуманностью всех служб быта.

Но есть что-то еще удивляющее в городе Брежнев. Что?

Как оказывается, мы привыкли к этому: пьяные, или, скажем мягче, «выпившие», на улицах наших городов. Они, увя, привычны, особенно в вечерние часы. Выработался даже некий стереотип отношения к ним. Над пьяным незлобно поиронизируют, если он задремал в автобусе или трамвае, растолкают, заботливо спросят, где выходить, а то и провожатый найдется: сердобольные женщины посетуют: «Вот ведь как напился, родимый. А завтра, поди, с утра на работу. С больной-то головшкой...» Встречается и безразличие, равнодушие: «Алкаш? Да провались он...»

Я прожил в городе Брежнев неделю. За семь дней на улицах города — во все часы суток — мне встретились четыре человека в разных стадиях опьянения. Но это были не «наши» привычные пьяные. Никаких выкриков и ругани, явное стремление поскорее убраться с глаз долой. Лишь один из этих четырех — парень лет двадцати — ввалился в автобус, обращая на себя внимание. И надо было видеть, какую встречу оказали ему пассажиры! Презрение, брезгливость, несколько ядовитых, уничтожающих реплик; двое мужчин вроде бы между собой, но достаточно громко заговорили: не оказать ли, мол, юноше услугу? Вырезатель недалеко... И через несколько минут поклонник спиртного, забившись в угол, был тише воды, ниже травы.

Именно так: в городе создана общественная атмосфера нетерпимости к пьянцам. Здесь появиться на людях в нетрезвом виде — это как выйти на улицу голым. Примерно такое же отношение к пьяным среди уличной толпы я наблюдал в Финляндии.

Ну, а как выглядит печально знаменитый «час волка» — одиннадцать пополудни, когда открываются специализированные винные магазины и соответствующие отделы в гастрономах? Когда «питухи» с трясущимися руками и лица-

ми, которыми только детей пугать, штурмуют прилавки, а ближайшая подворотня превращается в мрачную забегаловку, где пьют и не закусывают...

В «час волка» вместе с секретарем горкома комсомола Ренатом Каримовым мы объехали «пивные» точки города. Свидетельствую: да, все эти магазины и отделы открылись ровно в назначенный час. Но не было очередей, пьяного, вернее, похмельного ажиотажа; у прилавка пять-шесть человек, да и те ведут себя странно: разговаривают тихими голосами, никаких вызывающих дискуссий на алкогольную тему, вроде бы стесняются...

Я не видел пьяных в ресторанах и кафе, на вечерних сеансах в кинотеатрах; работники горкома комсомола говорили: появление пьяного или драка в нетрезвом состоянии на молодежном вечере в любом Дворце культуры города — у нас это не принято...

Таково одно из достаточно сильных впечатлений от города — его здоровая атмосфера, не отравленная бациллами пьяного дыхания.

Но чистая атмосфера не создается сама собой.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

В 1969 году, когда началось сооружение нового города и промышленного комплекса КамАЗ (кстати, строительная площадка обоих объектов заняла сто квадратных километров), жителей в старых Набережных Челнах было 30 тысяч. Сейчас в городе — 380 тысяч, то есть за тринадцать лет население увеличилось почти в тринадцать раз. Средний возраст горожан — 27 лет. По комсомольским путевкам за эти годы в город приехало 50 тысяч человек. Каждый год в городе регистрируется 10 тысяч браков. Но тут же заметен, разводов на эту цифру в следующие год-два приходится до 40 процентов. Запомним эти сорок процентов... Здесь живут люди семидесяти национальностей.

Вывод? Город Брежнев — город молодых. И город в точном смысле слова интернациональный.

МОЛОДЕЖЬ

И «СУХОЙ ЗАКОН»

Итак, город молодых. Десятки, а потом и сотни тысяч юношей и девушек начинали тут самостоятельную жизнь, сами для себя строили город, возводили корпуса гигантских заводов, чтобы уже через несколько лет с конвейера сошли первые красавцы «КамАЗы», которые известны во всей стране и далеко за ее пределами. Этим молодым людям предстояло здесь обрести профессию, найти призвание и в конце концов каждому создать семью. Надо добавить: прочную, счастливую семью... К этому наверняка стремился (и стремится) каждый из них, вернее, все эти десять тысяч молодых пар, которые каждый год приносят свои заявления в загс.

Да, комсомол по путевкам посылал сюда лучших. Всесоюзная ударная познакомила, объединила в профессиональных и человеческих интересах сотни тысяч людей. Не только комсомольцы оказались на строительных площадках... Со многими из прибывших перекочевали сюда и некоторые привычки и «традиции». Злом номер один могло стать пьянство. Но первые же месяцы работы на камском берегу показали: нет, такое дело, как сооружение крупнейшего в мире автомобильного комплекса, возведение города будуще-

го, с таким спутником, как бутылка водки, попросту несовместимо.

Буквально с первых дней строительства и заводов пьянству была объявлена беспощадная война. Именно война — ежемесячная, ежедневная и ежечасная: водка была объявлена злым стным врагом.

И первая мера в войне с этим врагом, введенная, кстати, по требованию самих жителей, была чрезвычайная, многие ее называли «сухим законом»: семь лет, до 1977 года включительно, в городе не торговали водкой. Только сухие и крепленые вина появлялись на прилавках магазинов.

Главные «фронты боевых действий» проходили не в отделениях милиции, не в залах народных судов, а на заводах, в цехах, в молодежных общежитиях, во дворцах культуры, на улицах города. Именно эти фронты интересны нам.

Но надо здесь сделать одно краткое отступление. Итак, семь лет «сухого закона» показали: подавляющее большинство жителей горячо поддержали запрещение торговли водкой и всячески способствовали борьбе с нарушителями этого запрета. Есть о чем подумать!

Многотысячный молодежный город, ударная Всесоюзная комсомольская стройка, где вместе с основной экономической задачей стояла не менее важная задача, нравственная, моральная: ответственность за судьбу — она должна сложиться счастливо! — сотен тысяч молодых людей, которые приехали сюда. Да, только в атмосфере трезвости, только при условии, когда пьянство объявлено врагом номер один, можно успешно решать эти две грандиозные задачи.

«Сухой закон» вводился как временная мера. Это было оговорено с самого начала. А пока он действовал, велась неустанная работа по созданию той атмосферы нетерпимости к пьянству, о которой говорилось выше. Так бывает всегда: у страстного борца за праведное дело появляются такие же страстные единомышленники. И если не ослаблять борьбу, неустанно вести ее изо дня в день, единомышленников становится все больше и больше.

Так что же было сделано? Попытаемся понять антиалкогольный феномен через отдельную судьбу.

«СЧАСТЬЕ В НАШИХ РУКАХ»

Есть на прессово-рамном заводе в цехе по изготовлению штампов комсомольско-молодежная бригада из десяти человек, все молодые люди, русские и татары. Старшему, бригадиру, — 36 лет. Бригада эта — гордость не только цеха, но и всего завода: высокие производственные показатели (изготовление крупных штампов — дело и творческое и многотрудное); никаких нарушений рабочей дисциплины; почти все ребята учатся, общественики и спортсмены. А в целом бригада — дружная семья, в которой коллективно празднуют дни рождения, проводят в армию — собираются с женами и детьми (естественно, у кого они есть), и, надо заметить, на этих веселых застольях не бывает водки. Насыщенная, интересная, творческая, разнообразная жизнь, в которой, естественно, на первом месте — труд. Центр этой жизни маленького коллектива — сам бригадир, энергичный, напористый, всегда в бодром настроении, начиненный новыми идеями и предложениями. Есть у лидера коллектива страсть, которой он заразил членов своей бригады, — он возглавляет заводской туристический клуб «Пилигримы», в котором

более семидесяти человек: в отпуск — походы на байдарках и плотах, в обычное время — подготовка к походам, обсуждение маршрутов, кинофотосекция, клуб самодельной песни. И, как, впрочем, во всех туристических клубах города, железное правило — «сухой закон». Ребятам весело, интересно без спиртного и в походах, и на тренировках, и на всевозможных торжествах. Например, туристическая свадьба... Она празднуется в лесу, у костра, разработан веселый и неожиданный ритуал. «Напутствуют» молодых леший и Баба Яга, вручают им лесные дары, символы семейного счастья. За крепким чаем — туристические песни у костра, танцы. Именно такой была свадьба у самого бригадира.

Однако непросто складывалась его судьба, нелегко был путь к тому месту в обществе, которое он занимает сейчас.

Родился бригадир в большом городе на Урале, и были на заводской окраине, где он жил, свои, увя, весьма распространенные «традиции», связанные с частыми выпивками, с представлением о том, что любой праздник, включая выходные, без злополучной бутылки не праздник. Среда — могучий фактор в жизни человека. И хотя он по натуре был человеком деятельным, любознательным — после восьми классов пошел в вечерний механический техникум, освоил профессию слесаря-инструментальщика по штамповке, одновременно работал на заводе, — среда с ее «традициями» засасывала: стал пить, распалась первая семья, в пьяной драке получил тяжелую травму... В один прекрасный момент понял: будет идти по этой дорожке и дальше — пропадет, проиграет жизнь. Именно тогда — начался 1973 год — парень прочитал в газете о строительстве КамАЗа. У него в руках — профессия, которой он владел в совершенстве. «Там, — сказал он себе, — есть где приложить силы, и там я начну новую жизнь».

Однако на строительстве КамАЗа он приехал с укоренившейся привычкой к спиртному. А собутылники, как говорится, всегда найдутся. Но вот с первых же дней новичок ощутил на новом месте ту атмосферу борьбы с пьянством, которая в грохоте и напряжении гигантской стройки, несмотря ни на что, уже создавалась в городе. Он увидел «черные» списки у проходной: такие-то попали в медвытрезвитель, такие-то задержаны при попытке пронести спиртное на завод и т.д.; все желающие приглашаются на общественный суд, где предстанут перед собравшимися самогонщики. На заводе вводился бригадный подряд, значит, за прогул по пьянке будет отвечать вся бригада. Парень понял: перед ним ставится выбор — или принять те условия труда и жизни, которые ему предлагают завод и город, или покинуть стройку. Еще понял: здесь обрести новый образ жизни ему помогут все — коллектив завода, цеха и бригады, те возможности, которые предоставлены ему во дворцах культуры города, в спортивных залах и на стадионах, в библиотеках. И он сделал выбор.

В семьдесят пятом году он стал работать слесарем-инструментальщиком по изготовлению сложнейших штампов. А в семьдесят седьмом в заводском комитете ВЛКСМ ему предложили возглавить комсомольско-молодежную бригаду. Подумав, он согласился. Та сплоченная, дружная бригада, которая существует сейчас, сложилась нелегко и не сразу. Но был один критерий (надо особо подчеркнуть — он действует во всем городе): в бригаде не задерживались пьющие люди. Вспоминают сейчас ребята одного человека, калужанина по имени Анатолий. Был он подлинным мастером, виртуозом в деле штамповки. Но пил... И достаточно часто прогуливал после очередного запоя. Бригаде с горечью пришлось расстаться с ним: ушел с завода, уехал из города.

Я спросил у бригадира: — Что вы считаете главным для создания антиалкогольной атмосферы?

— Отсутствия старых «традиций», — сказал он. Подумал и добавил: — И создание новых, своих.

«ТРАДИЦИИ» И ТРАДИЦИИ

Да, эти «традиции», к сожалению, всем знакомы... Новоселье? Счастливые обладатели ключа от новой квартиры еще и дух не перевели, а в передней уже сумка с бутылками, вместо скатерти на полу газеты: «Садитесь, гости дорогие, обмоем, окропим углы жилища!» Или ребенок родился, первенец, молодая мама, еще не окрепшая, выходит из роддома, бережно, неумело держа в руках драгоценную маленькую ношу, а у подъезда — машина с уже развеселым папой, с дружками и родственниками: «Скорей, дорога, садись. Гости ждут, водка на столе стывает!»... А обмывание первой полочки, когда великовозрастные дяди влекут подростка в ближайшую пивную: «Положено, парень. Ты же теперь рабочий человек».

Так вот: этим «традициям» в городе Брежнев с первого дня было сказано решительное «нет»! Им взамен тут же, в грохоте рабочих будней, создавались новые, свои, камазовские традиции. Одни не удерживались, другие приживались, совершенствовались, и теперь их знают все жители, их ритуалу и проведению на специальных семинарах обучаются комсомольские пропагандисты, общественники, работники культуры.

Традиции, рожденные в городе Брежнев... Вот, к примеру, вы можете попасть на обряд вручения ключей от новой квартиры. У молодого человека первая зарплата? Так это же праздник! Вот несколько семидесятилетних рабочих, они стоят на почетном месте в цехе под лозунгом «Добро пожаловать в нашу рабочую семью!» Каждому первую зарплату вручает бригадир вместе с цветами, под туш оркестра. Потом с напутствием обращается парторг цеха. А начальник цеха говорит: «Всем вам я даю на сегодня легковую машину. Вы объедете магазины города, и каждый найдет то, что ему надо». Гремят аплодисменты, опять оркестр исполняет туш. Забудется ли такой день?

Вручение первого рабочего инструмента; проходы на пенсию; вручение паспортов; проходы в армию прямо в стенах цеха, где для молодого человека началась рабочая биография... Да, их много, этих новых, камазовских торжеств, ставших хотя и молодой, но уже традицией.

Но особенно хочется сказать о массовых, всенародных праздниках, которые тоже родились здесь и стали традиционными. Их каждый год с нетерпением ждут жители города.

«Сабантуй»... Не правда ли, с этим словом у нас связано представление о шумном хмельном застолье или с пикником на лоне природы с неизменными бутылками. Так вот. «Сабантуй» в переводе с татарского звучит примерно так: «Свадьба плуга». В городе Брежнев старинный праздник завершения уборки урожая соединили с современностью: теперь «сабантуй» — праздник плуга и индустриального труда. В этом году уже десятый раз его праздновали камазовцы.

Мне показали кинохронику, запечатлевшую этот массовый веселый праздник. Десятки тысяч нарядных, веселых людей собираются на зеленом поле, на нескольких эстрадах идет праздник искусства: песни, танцы, демонстрируют свое мастерство самодеятельные коллективы; на большой арене — выступление спортсменов; рядом — импровизированные соревнования, в которых может принять участие каждый. Кто станет батыром «сабантуя»? Кому вручат главный приз — барана с загнутыми рогами? А вокруг поля, на котором шумит и переливается красками веселый, шумный праздник, — ряды разноцветных палаток: идет бойкая торговля сладостями, прохладительными напитками, фруктами; тут же ряды с кипящими самоварами, с румяными булочками и пирогами. И ни одного пьяного, ни одной — даже как-то нелепо об этом говорить — драки. Впрочем, как мне сказали в милиции, в этом году во время «сабантуя» были задержаны и изолированы семеро пьяных, ими оказались приезжие из других городов...

ЕЩЕ ОДИН АРГУМЕНТ

Так что же, нет в городе Брежнев проблемы пьянства? Увы, этого сказать нельзя... Поэтому «линия фронта» проходит здесь, в городе, она незримо тянется по улицам, проходит через цеха заводов, через комнаты общежитий, потому что протвинулся окопался рядом: на винном прилавке в магазине.

Теперь необходимо повториться: в городе ведется с пьянством именно борьба, ежемесячная, ежедневная и ежечасная. И если брать на вооружение опыт этой борьбы, он заключен, казалось бы, в простой формуле: борьбу надо вести постоянно, не ослабляя ни на минуту, а оружие в ней всем известное и давно испытанное — наше законодательство против пьянства, все средства пропаганды, работа милиции, общественности, комсомола. Важно, чтобы весь этот арсенал борьбы действовал всегда и неотвратимо. И тут есть чему поучиться у камазовцев.

При горисполкоме создана комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом (такие комиссии предусмотрены нашим законодательством и есть во всех городах и районах страны). Возглавляет комиссию Гульсабира Махмутова Хакимова. (Кстати, ее пригласил в город первый секретарь горкома партии Р. К. Беляев, узнав Гульсабира Махмутову как страстного борца против пьянства и умелого, творческого организатора массовых праздников под девизом трезвости.) Комиссия эта — боевой, постоянно действующий штаб. На каждый месяц — конкретный план работы, все пункты его неукоснительно выполняются. За тем, как выполняются, жесткий контроль осуществляет специальный координационный совет при горкоме партии. Действует комиссия в тесном контакте с горкомом комсомола, профсоюзами, районными Советами, милицией, гороно, у нее постоянная связь с комиссиями по борьбе с пьянством и алкоголизмом, которые есть на всех заводах КамАЗа. Задача: ни один случай антиобщественного поведения в нетрезвом виде, ни один выход на работу в похмельном состоянии не должен быть оставлен без последствий. Ни один! Это надо трижды подчеркнуть. Опыт показал: пьяницы больше всего боятся общественного осуждения, суда коллектива. Раз так — каждой комиссии предоставляется свобода действий именно в этом направлении. Важен результат.

Приведу один пример. В первые годы на прессово-рамном заводе сложилось тяжелое положение с пьянством, к сожалению, объяснимое просто: заводу требовались квалифицированные рабочие; на работу брали не только молодых, но и людей среднего возраста, с опытом, но и с «традициями»... Вот тогда-то к привычным формам борьбы с пьянством прибавились новые. На проходной изъять бутылки с «бормотухой» — кое-кто пытался пронести «продукцию» на завод; пойманы с поличным самогонщики. И вот прямо в цехе организуется «выставка»: бутылки «бормотухи» и самогонные аппараты разных систем, а под каждым «экспонатом» — фамилия владельца. В прошлом году на прессово-рамном провели необычную «встречу» (ядовито и шуточно назвали ее рабочие «слетом алкашей»): в зале собрали пьянчи и нарушителей трудовой дисциплины на почве пьянства. Естественно, шли они на свой «слет» не по собственной воле — их сопровождали представители бригад и цехов. Собиралось такое урюмое людя около ста тридцати человек. Развернули перед ними целую программу: письмо-исповедь человека — его звали на заводе, — которого погубила водка; выступление заведующей детским садом (кто, как не дети, первыми страдают от отцов-пьянчиц?), заводского нарколога, городского прокурора; показали собравшимся впечатляющие антиалкогольные фильмы. Об этом «слете» знал весь завод. Теперь подобные «встречи» стали традиционными, два раза в год, и надо сказать — участников этих тягостных «слетов» становится все меньше и меньше.

...Формы подобной работы (так и вертится на языке слово: «творческой») на каждом заводе свои, а опыт обобщается, суммируется в комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом при горисполкоме.

А тем временем идет каждодневная, непрекращающаяся деятельность в самой комиссии: каждый месяц — рейды по проверке режима продажи спиртных напитков; проверка соблюдения «сухого закона» в общежитиях — там он продолжает действовать: бутылка водки на столе в любой комнате — ЧП, и каждый случай разбирается комиссией.

Надо особо сказать о деятельности

боевой комсомольской дружины, детища горкома ВЛКСМ. Возглавляет БКД Александр Банников, человек, бесстрашный, хладнокровие, справедливость которого знают в городе многие. В дружине 450 человек, главный штаб в Новом городе, он связан телефоном с линейными штабами семнадцати комсомольских отрядов, разбросанными по всем районам города. За дружиной закреплено семь специально оборудованных машин с радиями, которые работают на волне УВД, и, если возникает экстремальная ситуация, мгновенно на помощь вызывается милиция. Каждый вечер с семи часов начинается дежурство: выходят по своим маршрутам, как минимум, шесть отрядов: в дни зарплат и в праздники (как это ни печально звучит) — усиленное дежурство в «горячих точках»: у винных магазинов, у ресторанов и кафе, у общежитий.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ

БУДУЩЕЕ?

Ответ может быть только один: будущее принадлежит молодым. Белый город на берегу Камы показывает нам достойный пример ответственного отношения к молодому поколению. Да, здесь есть поле деятельности для приложения молодых сил, поле творческого труда, а труд — главное призвание человека на нашей земле. Здесь делается все возможное, чтобы исключить из жизни молодого поколения пьянство, которое нессовместимо с понятием «творческий труд».

Но, кроме работы, для человека, особенно молодого, важны и те области жизни, которые вмещаются в определение «отдых», «свободное время», «досуг» и «учеба».

Так вот, ведя неустанную борьбу с пьянством, руководству города и КамАЗа, комсомольские организации делают все, чтобы понятия «отдых», «свободное время», «учеба» были наполнены живым конкретным содержанием.

Сейчас в городе три крупных кинотеатра, три прекрасных дворца культуры, в календаре которых не бывает пустых дней: тут почти 600 самостоятельных коллективов, одно перечисление которых заняло бы страницу; важно, что их творчество, их конкурсы чрезвычайно популярны у горожан.

В 1977 году в городе было 77 библиотек, в 1980-м — уже 105, причем книжный фонд в них увеличился в два раза. Огромное значение придается спорту: в городе действует два плавательных бассейна, построен величественный стадион на десять тысяч мест; спортплощадки — в каждом жилом комплексе; начато сооружение Дворца спорта на пять тысяч мест — он вступит в строй в 1985 году.

А вот еще несколько цифр, помогающих понять, за счет чего в городе идет пусть медленное, но все же реальное снижение потребления алкоголя на душу населения: в 121 молодежном общежитии, в которых проживают 50 тысяч человек, работают 145 лекторов и 86 клубов по интересам. В городе действует 16 народных университетов, причем горожане с особым интересом посещают 47 факультетов правовых знаний и здоровья.

В ближайшие годы запроектировано построить Дворец бракосочетания и Дворец пионеров, Дворец культуры КамАЗа на тысячу двести мест.

Город Брежнев уже сейчас стал студенческим городом: три года идут занятия в Камском политехническом институте, в филиале Елабугинского пединститута, в Камском автомеханическом техникуме, училищах медицинском и педагогическом, училище искусств, в филиале Нижнекамского энергетического техникума.

Да, много сделано тут для жизни, труда, учебы и отдыха молодого поколения под девизом «Да здравствует трезвость!».

И все-таки...

Безусловно, опыт камазовцев по борьбе с пьянством достоин и изучения, и пропаганды, и применения в других городах страны. Подчеркиваю: в городах. Ибо пьянство в сельской местности и борьба с ним — особая тема...

Ну, а в самом городе снята ли с повестки дня проблема пьянства и алкоголизма? Нет, конечно, другое дело, что в городе — повторяю еще раз — создана

атмосфера нетерпимости к пьянцам, и в этом состоянии непрерывной трудной войны идет снижение потребления алкоголя на душу населения. Результат? Он налицо: если взять для сравнения два года — 1979-й и 1980-й, — то потери рабочего времени на предприятиях города снизились на 18,7 процента, прогулы — на 8,2 процента. И что самое отчаянное — на 10,6 процента сократилось количество преступлений, совершенных в нетрезвом виде.

Но значит ли это, что враг номер один не наносит своих каждодневных ударов? Сорок процентов разводов — помните? Что это такое? Судебная практика и медицина хладнокровно свидетельствуют: причина подавляющего большинства разводов — водка, пьянство, чаще всего, естественно, мужа. А десятки дефективных детей, родившихся здесь, — что это такое? Та же медицина утверждает: такие дети в девяносто восьми случаях из ста рождаются у родителей-алкоголиков или злоупотребляющих алкоголем. А двенадцать тысяч молодых людей в нетрезвом состоянии, задержанных дружинниками? О чем это говорит? Вот еще несколько цифр, которые получены в УВД города: за восемь месяцев 1982 года привлечено к ответственности работников торговли за нарушение правил торговли спиртными напитками 73 человека; удельный вес преступлений, уголовно наказуемых, совершенных в состоянии опьянения, составляет по городу 46,7 процента; на принудительное лечение направлено хронических алкоголиков 110 человек...

Но довольно!

О чем говорят все эти цифры и факты? Во-первых, о том, что «враг» отнюдь не собирается сдаваться. Да, явных пьянчиц на улицах города стало значительно меньше. Да, после работы здесь не берут приступом винные прилавки, как в некоторых других городах. И все-таки зло не исчезло и не растворилось совсем. Количество самогонщиков, выявленных милицией, говорит о том, что оно просто приспособилось к изменившимся условиям. Ведь никто же не будет варить самогонное зелье просто так, от нечего делать. Варят потому, что есть на него спрос. И пьют его, естественно, не прилюдно, в кафе или в закусокных, а чаще всего при закрытых дверях, то есть дома. Значит, пьянство продолжает пока процветать в отдельных семьях, в кругу знакомых или родственников. Вот здесь с ним бороться гораздо труднее. Но бороться надо, не жалеть ни сил, ни средств.

Если подсчитать — правда, потребуются долговременная калькуляция, например, годичная, — в какие убытки обходится пьянство? Тут и весь комплекс потерь, связанных с транспортными происшествиями, и результат прогулов по пьянке, и выход из строя оборудования, и воровство (чего пьяница не украдет, лишь бы опохмелиться), и преступность, и финансовые затраты на принудительное лечение алкоголиков, и содержание школ-интернатов, где живут дети — жертвы алкоголизма... А моральные потери? Разбитые семьи, ранние смерти, прежде всего среди мужчин... Все это имеет, как это ни жестоко звучит, материальную цену. Наверняка устранение пьянства и его последствий из жизни общества принесло бы государству и всем нам в конечном итоге огромную экономическую и нравственную пользу.

Нуждаются ли все приведенные выше факты в каком-либо комментарии? Конечно, при желании можно было бы на эту тему сказать еще немало, но только вряд ли это принесет успех без реальных, конструктивных, действенных шагов в борьбе со злом. Пример тому есть: город Брежнев — город, названный уже сейчас городом XXI века, который в многотрудном деле борьбы с пьянством и всеми последствиями, вытекающими из него, может служить и достойным примером и стать всесоюзной школой опыта.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СЕРОМ ЦВЕТЕ

Этюды о художниках

Адель АЛЕКСЕЕВА

Есть многие, не всегда разгаданные тайны мастерства, благодаря которым творчество художника оказывается неповторимым и... узнаваемым. Цветовая гамма, колорит, манера видения и чувство... Чувство прежде всего! Тогда угадывается почерк, лицо, чувство определяет и колорит.

Осталось понятие — «серый, мешковский цвет»... Василий Васильевич Мешков, художник тонкой одухотворенности и большой живописной силы, оставил нам картины, полные грусти по уходящей русской деревне с ее сараюхами и амбарушками, покосивши-

мися жердяными изгородями, бурьяном по краю полевой дороги и стадом — по деревне, гармонически слитой с природой, добавляющей свои краски в сложившийся издревле пейзаж, а к голосам лесов, полей, речушек — свой теплый приветливый голос.

— Серое, — скажут иные, — это нечто неопределенное, невыразительное, серость — синоним безликости, «серятины».

У Мешкова это понятие оборачивается своей противоположностью. Его серый цвет звенит, тонко и нежно выпевает, притягивает и завораживает. Один широкий мазок Мешкова, небрежный на первый взгляд, едва не в три пальца шириной, — и в нашей взволнованной душе рождается видение отраженного в воде неба.

Это какая-то магия! Серое неощутимо переодит в туманную синеву, нежной трелью переливаются размытые мазки; несколько, казалось бы, случайных

прикосновений кисти — и тонкие осинки в пасмурный день трепещут на ветру.

В юности Мешкова увлекали Псков, лодки на Волхове, господин Великий Новгород, мост с хитро устроенными опускными решетками супротив злых врагов — историческая пейзажная живопись. Потом он был долгие годы упоен грустной красотой уходящей деревни. Перелески, разливы Оки, деревенька на косогоре, все такое привычное, сотни раз виденное, а смотришь на картину, на этюд Мешкова, и сердце щемит от какой-то непережитой, неизведанной еще грусти... В третий период творчества создан «Сказ об Урале» — вещь суровая, немногословная, героическая по духу, а за ней циклы эпических полотен, посвященных Карелии, Каме...

И везде, едва ли не во всяком этюде — верность однажды избранному серому цвету.

«Летний день. Сокольники». Не знаю почему, но хочется выделить эту вещь. Ни веселой зелени, ни

ГУСИ.

ярких туалетов. Как бы смазанные, призрачные силуэты женщин. Легкая жем-ужная дымка сглаживает и обобщает, делает все грустно-желанным, как уходящее и не покидающее нас прошлое. Какое точное, какое проникновенное мастерство! Какое умение найти новые неразгаданные возможности и с тихой нежностью рассказать о том, что дано лишь живописи.

Впрочем, почему опять о нежности? Вот суровые разливы свинцово-серых тонов Баренцева моря. А Сибирь!.. «Входишь в эти северные пейзажи, подчиняешься им и, насыщаясь, крепнешь сам».

Художника уже нет среди нас, и он есть. Во всем написанном им осталась его душа, его лирическое и мужественное восприятие. И любовь его к земле, на которой он жил, становится нашей любовью.

ПРИЛИВ.

КАМА.

— Хорош. Очень хорош! Может быть, его и определите?

Мешков тихо засмеялся:

— Не могу. Я для своего племянника берегу ко дню рождения. А вот тот?

— Прекрасно! Ваш, мешковский колорит, предгрозное небо... Его и дайте. Вон у вас почти такой же еще.

— Да, да. Пожалуй. Я подумаю. А скажите, кто в этой лотерее участвует? Кто покупатели?

— Как кто? Все! Всякий, кто купит билет, может выиграть.

— Гм,— Василий Васильевич поправил свои круглые старомодные очки в железной оправе, потерев бородку и растерянно махнул рукой: — Ладно, что с вами делать, забирайте.

— Вот и хорошо. Завтра наша машина будет объезжать художников, и к вам заедут. Хорошо?

А назавтра Василий Васильевич с утра все ходил по своей мастерской и никак не мог приняться за работу. Перебирал этюды, наброски. Останавливался перед полками, где расставлены были горшки обливные, плоские, фигурки разные из глины, из дерева. Чернильница-пузырек в перегородчатой эмали. И даже медный кувшинчик с вязью, из которой явствовало, что сделан для царевича Алексея, сына великого Петра. Все с Севера, из Архангельской губернии, из Пскова, куда не раз ездил и подолгу жила в молодые годы Василий Васильевич. И опять он ходил по мастерской и рассматривал занавес у входа — холст обычный, на нем кокошники, обрывки едва ли не самых перах на Руси кружев, лоскуты старинной парчи, вышивки монастырские, — словно спрашивая у них у всех совета, как быть, как, не погрешив против совести, выйти из затруднительного положения. А потом сел в кресло напротив приготовленного к отправке пейзажа.

ВЕНЕЦИЯ.

ОСЕНЬ. КАРЕЛИЯ.

...Тогда входили в моду всяческие лотереи. Организовали и художественную. В качестве выигрыша должны были фигурировать эстампы, гравюры, живопись маслом и акварели разных художников. А приманкой, главным призом решили дать в лотерею несколько работ крупных мастеров. Пришел один из организаторов и к Василию Васильевичу.

— Пожалуйста, не отказывайтесь,— упрасивал он.— Это создаст успех нашему предприятию. А вам, Василий Васильевич, принесет немалую сумму.

— Да, да,— растерянно улыбаясь, согласился Мешков.— Надо что-нибудь подобрать. Да вы садитесь... Как, на ваш взгляд, этот пейзаж?

«Лотерея! — думал он. — Слепой случай... Что тут общего с искусством? С любовью к искусству и подлинным собирательством? Хорошо, коли попадет вещь к понимающему человеку. А ну как к профану, а то и похуже...»

Тут как раз позвонили. Нехотя, с понурой головой пошел открывать. Давний приятель хирург Агапов стоял на площадке. Обрадовался Василий Васильевич, провел его в мастерскую. Посадил в свое кресло. Слово за слово пошел, полетел разговор. Об общих знакомых, о выставке недавней прекрасного живописца Василия Васильевича Крайнева. Жарко, трепетно говорил Агапов, а сам все смотрел, щуря глаза, на пейзаж, и лицо его светлело, расправлялось...

«Что за штука, — думал Мешков, слушая своего друга. — Известный хирург, и голова в серебре, а взлхорадило, ровно юношу. Вот ведь какая штука — настоящая любовь к живописи!» И вдруг хлопнул его по плечу:

— Понравилось? Вижу. То и славно! Бери себе на память. И мне — камень с души.

«Белое море» — тяжелые волны, тяжелое небо, угрюмый край. Край одиночества, который либо губит, либо заставляет быть сильным...

Не влекли Мешкова лазоревые просторы, не манил девятый вал, кораблекрушения и прочие чрезвычайные происшествия. Не только Север, но и Черное море он любил и писал в осеннее время будничным, суровым. Труд природы, труд человека, а не лихое ликование, которое, если бывает, так потому, что работа сделана. Будни составляют ее, не праздники.

Сильнее звонкогласного пения труб, блеска молний и грохота небес притяжение будней, незримое притяжение людей к земле, друг к другу, обыденная, каждодневная жизнь, будни. В них видеть красоту — вот задача. Мешков Чехова-то любил за сердечнейший лиризм обыденности, за мягкую сочувственную грусть. Любил Блока вот за эти, так много говорящие сердцу строки «...мне избы серые твои, твои мне песни ветровые, как слезы первые любви...» До боли любил есенинские стихи о деревянной, ситцевой России...

В жизни Василий Васильевич был веселым, легким человеком. Насмешлив, беззаботен — душа общества! Но «душа» не потому лишь, что говорун и весельчак, а потому прежде всего, что полон интереса, радовался едва ли не всякому приходящему. Он умел спрашивать, умел разговаривать и умел слушать. Появлялся в доме — и все приходило в движение.

Есть его портрет, рисованный Малявиным. Дивный набросок карандашом, по-пушкински небрежный и бездумно, безошибочно точный: изящная фигура в перехваченной ремешком рубашке навыпуск, маленькая бородка «Анри катр», как тогда говорили, живой блеск веселых острых глаз... Малявин (так же, как и Архипов, Коровин, Шаляпин) был частым гостем в их доме, доме известного художника-передвижника, академика живописи Василия Никитича Мешкова.

Был он человек крутого, даже деспотического нрава — сказал как отрезал, второй раз повторять не будет, — и с учениками и с сыновьями. Как правило, дети у таких отцов бывают тихие, легко применяются к обстоятельствам, ярко выражена в них и душевная деликатность — это уже напрямую о Василии Васильевиче. (Не тут ли и один из источников его скромного и удивительно емкого серого цвета?)

Огромная квартира с мастерскими Василия Никитича Мешкова размещалась в двух верхних этажах углового дома на Моховой. Там же, внизу, после революции находилась приемная Михаила Ивановича Калинина. Они познакомились. Тяга М. И. Калинина к живописи, интерес к художникам да и чисто человеческие особенности способствовали тому, что между ними установились добрые, дружеские отношения.

...Властный, упорный, до конца державшийся своих правил отец (он, например, всегда писал собственную фамилию через «ять» и с твердым знаком на конце, не признавая новой орфографии) — и мягкий, покладистый, с открытой и ласковой душой сын. Маститый реалист-передвижник, создавший галерею превосходных портретов сангиной, строгий рисовальщик — отец. И сын: лирик, тончайший пейзажист, ни в чем не повторявший отца, склонный при начале к импрессионизму (кто в те годы не восхищался Коро, Мане и другими великодушными французскими), а потом — то ли под воздействием времени, то ли из проснувшейся внутренней потребности — повернувшийся к суровой монументальности (ограниченная цве-

товая гамма причала к сдержанности и вызывалась, в свою очередь, сдержанностью и сосредоточенностью).

Но оба — и отец и сын — одержимо служили искусству. Работать — так в полном самозабвении по многу месяцев кряду и, само собой, без всяких выходных. Не замечая холода и неудобств, не поддаваясь на насмешки и непонимания многочисленных поклонников новомодных, не скоро выказавших свою пустопожность течений и течений... И как работать! Как любить и почитать основу основ живописи — натуру! Благоговеть перед нею и ею одною вдохновляться.

...Ранним-ранним утром Мешковы отправились на машине в дальнюю поездку в Крым. Ольга Владимировна собрала все еще накануне, так что оставалось лишь уложить вещи в машину и довериться водителю. Через час-полтора остановились ненадолго, что-то подрегулировать в моторе. Ольга Владимировна дремала на переднем сиденье. А Василий Васильевич вышел на обочину дороги, спустился, прошел еще несколько шагов к лесу и, зачарованный тишиной и прелестью начинающегося утра, замер.

Набухшие почки на ольхе. Каждая оканчивалась тускло мерцавшей водяной каплей, готовой вот-вот сорваться. Всклотившее солнце косыми лучами пронизывало влажный неподвижный воздух, и было такое чувство, будто в воздухе невесомо реет жемчужно-серая ткань, придающая всему очарование, неповторимый колорит...

А шофер сделал нужное в моторе, закрыл капот, сел на свое место и поехал. Ольга Владимировна, устав от предотъездных хлопот, дремала.

Проехали уже не менее часа, как вдруг Ольга Владимировна обнаружила, что ее мужа в машине нет. Ох, и досталось водителю! Как мог уехать, почему не посмотрел?

Повернули назад. Шутка ли, сколько проехали, и холодно, сыро на улице...

Что же увидели они, вернувшись на старое место? Неподалеку от дороги на пенек сидел Василий Васильевич в своей старой домашней куртке, воротник подняв, и работал! Карманный этюдник всегда при себе, и вот он увлеченно писал, не повернувшись даже на шум мотора.

Раннее утро, дымчатые березы, не опушенные еще листвою ветви, такие трогательные, обнаженно-беззащитные; мягкий, теплый серо-коричневый тон по холодному серому... Кое-где, чуть тронув пальцем, растирал положенную краску, и чудо — настоящая утренняя дымка. Выбрал кисть потоньше...

— Подожди, Леля, минуточку, — сказал он, когда рядом увидел жену, — еще чуть-чуть... Погоди, не торопи меня... Такой тон, самый-самый, ты же знаешь...

Отчего так трогательны, так доверчиво беззащитны и дороги нам ничем вроде бы не примечательные уголки природы на этих Мешкова? Оттого еще, может быть, что он умел сочувствовать, сострадать, не отделяя себя от природы, не отделяя себя от человека, ведь живой отклик на природу — это и продолжение живого отклика на человека.

Он писал до самых последних дней своих. На даче в Звенигороде его выводили на террасу, и он набрасывал буйно цветущие в то лето кусты сирени, и потом розы, которые жена ставила у его постели...

В больнице, еще до отъезда на дачу, Василий Васильевич сказал своему племяннику:

«Жил — куда работалось, а теперь... Горит — понимаешь меня? — горит в человеке душа, и когда горит, ты живешь ярко, сильно, и все, что ты делаешь, освещено этим огнем. А подкрадется болезнь, что ты можешь? Лекарства пить, тратить силы на процедуры? Превращаешься в растение, в неодушевленный предмет, хуже — в свою собственную тень. Лишенный смысла, радости и мук созидания, без полета, без счастья соприкосновения с красотой... Взыскующей...»

«Дядя Васенька, что бы ты хотел сейчас?» — пробовал развеять его грусть племянник.

«Помнишь, в Карелию ездили, поздней осенью... Сыро, холодно и такие долгие жемчужно-сиреневые сквозь хмары и дожди закаты?.. Помнишь? Сидеть бы так же у этюдника, прикрываясь волглым плащом, и видеть это...»

...Потух наполненный тончайшими отсветами и переливами окружающего мира, редко какому глазу раскрывавший удивительные свои возможности серый цвет. И остался на его полотнах, в сотнях этюдов, этот столь безыскусственный и поэтический серый, мешковский цвет...

ПУБЛИЦИСТИКА

Свет Комсомольска

«Если бы свершилось чудо и можно было повторить свою молодость, я начал бы с того же — снова стал бы строить Комсомольск» — так пишет в книге «Годы сближаю разные...» ее автор Павел Сафонов (Хабаровское книжное издательство, 1982 г.).

Комсомольск-на-Амуре недавно отметил полувековую юбилей. И тем дорожке для нас сегодня живое слово очевидцев, тех, кто закладывал фундамент «города на заре». Павел Сафонов рассказывает о рождении Комсомольска, о своих товарищах, таких же, как он, первостроителях. И личные, казалось бы, эти воспоминания вырастают до обобщения, становятся отражением судеб целого комсомольского поколения, ибо жизненный путь автора книги — это путь многих и многих его сверстников, биографии которых неразрывно связаны с комсомолом, с освоением Сибири и Дальнего Востока.

Девятнадцатилетним ленинградским паренком с первым десантом добровольцев прибыл Павел на берег Амура. Рубил лес, строил первые временки, закладывал фундамент будущего авиазавода. В двадцать два года (!) ему было доверено руководство крупным цехом. После войны Павел Сафонов — на ответственной дипломатической работе. Знакомя читателя со своими зарубежными впечатлениями, автор оценивает действительность капиталистического мира с позиций человека, прошедшего разностороннюю школу жизни, в которой главным университетом был город на Амуре. Говоря о том, что ему довелось объехать, можно сказать, весь земной шар, он выразительно заключает: «...Но жизнь мою освещали не неоновые рекламы, не огни небоскребов — Комсомольск. Его свет согревал меня...»

Герои книги — это люди, выращенные Комсомольском. Город рос сам и растил своих строителей. Тысячи парней и девушек прошли в Комсомольске настоящую школу становления характеров. Об удивительных судьбах этих энтузиастов рассказывает автор.

Нельзя без волнения читать строки воспоминаний о самом начале строительства, о неимоверных трудностях, которые пришлось преодолеть комсомольцам. Но и наводнения, и тяжелые бытовые условия, и перебои со снабжением не вызвали растерянности, не заслоняли главного — беззаветного революционного энтузиазма, влюбленности в труд. Преданность идеалам и творческий подход к делу — вот что харак-

В традиционной рубрике «Смены» мы предлагаем на книжную полку молодого читателя литературные произведения разных жанров. Вот и в этот раз рецензируются книги: о первостроителях Комсомольска-на-Амуре, сборник рассказов о детях разных стран, двухтомник старейшего фантаста Вл. Немцова, «Альманах библиофила» и прозаический сборник писательницы Марии Корякиной, пишущей о женщинах России.

теризовало первостроителей Комсомольска. И что характеризует их наследников — бойцов ударных отрядов одиннадцатой пятилетки.

Что же помогало комсомольцам выстоять, несмотря ни на какие преграды, построить свой город? Лучше всего отвечают на этот вопрос слова из книги: «Главной причиной наших побед, на мой взгляд, был не только общий политический фон в стране, но и присущее нам в те годы чувство высокой личной ответственности за состояние дел на стройке и во всем государстве. Мы, двадцатилетние парни, хорошо понимали, что все находится в наших руках, от нас зависит. Понимали, что являемся участниками принципиально нового строительства: ведь Комсомольск был первой чисто комсомольской стройкой. И за все мы спрашивали с себя. Все дело в том, что нам доверяли и не баловали излишней опекой. А на основе своего жизненного опыта я убедился, что чем больше мы доверяем людям, особенно молодым, тем ответственнее они относятся к порученному делу».

Комсомольск продолжается. Город и сегодня в лесах новостроек. А его героическая история остается символом мужества для новых и новых поколений советской молодежи. Именно молодым прежде всего и адресована книга «Годы сближаю разные...».

Николай ТОРБЕНКОВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Похвала книге

Так называлась первая статья в первом номере «Альманаха библиофила», вышедшего в 1973 году. Автором ее был главный редактор нового издания — известный писатель, исследователь книги Евгений Иванович Осетров. Тогда предполагалось, что «Альманах библиофила» будет продолжаться изданием, рассчитанным на читателя, любящего и знающего мир книги. К счастью, эти скромные предположения не только оправдались, но и превзошли все ожидания почитателей альманаха. Интерес к нему широкой читающей публики сейчас настолько велик, что каждый новый выпуск расхватывается почти мгновенно, а небольшой первоначальный тираж — 30 тысяч был увеличен до 50 тысяч. В 1983 году альманах будет выходить уже тиражом в 100 тысяч экземпляров.

Продолжая лучшие традиции своих предшественников, среди которых не следует забывать выходящих в дореволюционное время номеров «Русского библиофила» и изданного всего только раз в 1929 году «Альманаха библиофила», современный альманах стал истинным выразителем идей, увлечений многочисленной армии советских книголюбов.

Сейчас многих современных читателей интересует не только книга, но и все связанное с ней. Страницы истории русского книгоиздательства, жизнь выда-

ющихся мастеров книги, библиофилов, известных коллекционеров, библиотекарей, букинистов... Забытые фотографии, портреты, иллюстрации, эскизы, рассказы о «делах минувших и современной жизни книголюбов в разных концах нашей страны и других стран» — все это можно найти в «Альманахе библиофила».

Сейчас вышел в свет уже двенадцатый номер этого популярного издания. Можно представить, с каким интересом будет читать истинный книголюб этот номер. В нем — странички из жизни И. Бунина, С. Есенина, материалы о библиотеках А. С. Пушкина и М. Володина. В этом же номере содержится обширный, различный по своему диапазону материал: ведь характерной чертой альманаха с момента его создания стало стремление предоставить страницы как можно более широкому кругу авторитетных в различных областях знаний авторов. В «Альманахе библиофила» в различные годы печатали свои произведения и такие выдающиеся ученые, как Д. Лихачев, И. Петрянов-Соколов, такие популярные писатели, как В. Шкловский, П. Проскуряков, С. Баруздин, Арсений Тарковский... А сколько здесь известных библиофилов, книговедов, мастеров книжной графики, эскизистов... Много в альманахе публикуется также материалов о заседаниях различных организаций любителей книги.

«Подлинная любовь к книге непреходяща, — читаем мы на страницах двенадцатого номера альманаха, — помнится, Н. П. Смирнов-Сокольский сказал, что эта любовь имеет древние корни, неиссякаемые истоки».

Владислав МАТУСЕВИЧ

ПРОЗА

Воспитай себя

Название сборника рассказов Андрея Сахарова — «Бамбино» («Детская литература», 1981 г.), что в переводе на русский язык означает «мальчишка», напоминает шум утреннего пригона или ласковый смех ребенка.

Книга эта написана для детей и подростков, но и взрослому было бы интересно познакомиться с ее героями. Они очень разные: по характеру, по национальности, по образу жизни. Это индийский мальчик Ракиш и сын типографского рабочего из Флоренции, чернокожий бойскаут Джим и потомок викингов Уле. Но их родит чистое, детское восприятие мира, непримиримость к жестокости, лицемерию, несправедливости. В центре каждого рассказа — судьба ребенка из далекой азиатской или западноевропейской страны, резко отличающаяся от судеб советских детей.

Этим мальчикам с раннего детства приходится трудиться наравне со взрослыми, иногда быть единственным кормильцем в семье, а порою и сражаться с врагами революции, как это делает маленький Исхак из Аф-

ганистана в рассказе «Конец Хаджи Гуляма». Предводитель одной из банд душманов Хаджи Гулям убивает дядю мальчика, самого его пытаются и угрожают убить, если его семья будет помогать революции. Но мальчик не останавливается перед трудностями, рискуя жизнью, помогает справиться с бандой, с оружием в руках сражается с басмачами.

Не меньше мужества проявляет и маленький житель Вены Питер из рассказа «Крысы», когда узнает, что фашисты хотят помешать праздникам международного студенческого фестиваля. Питеру грозит расправа, но он счастлив, что сумел сохранить людям праздник.

Все эти мальчишки из бедных семей, некоторым приходится самим добывать на пропитание, но души их не тронули унижение и нищета, царящие вокруг, они по-детски чисты и ранимы, но по-взрослому отважны и непреклонны, когда это потребуются. Типографский рабочий-коммунист (рассказ «Футбол по-флорентийски») говорит своему сыну Джулиано: «Добивайся своего, воспитывай себя, деньги делают человека богатым, но сеньором делает его лишь воспитание». У героев рассказов Андрея Сахарова есть все данные, чтобы стать гражданами в самом высоком смысле слова, — это честность, гордость, доброты, любовь к людям.

Автор интересно и достоверно описывает страны, в которых происходит действие его рассказов; перед читателем предстают красочные картины национального индийского праздника, театрализованные спортивные игры во Флоренции, празднества фестиваля молодежи и студентов в Вене. Так наряду с глубокими нравственными проблемами книга «Бамбино» несет в себе и много познавательного для юного советского читателя.

Герои книги А. Сахарова — подростки, но это уже сложившиеся характеры, способные на решительные и смелые поступки, которые могут служить достойным примером для молодежи.

Анна БАБИНА

Есть женщины в русских селеньях...

Эти строки из поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос» начинают неповторимый образ русской женщины, начертанный в стихах великого поэта. Когда читаешь новую книгу Марии Корякиной «Пешком с войны» («Современник», 1982 г.), ее лирическая героиня видится так же, как и некрасовская крестьянка. Пусть она живет в другое время, занята другим делом, но она по-прежнему прекрасна, сильна, значима, по-прежнему «во всякой одежде красива, ко всякой работе ловка». Героиня повестей, рассказов, очерков (а именно так сформирована эта книга) все вместе и каждая в отдельности — яркий тип рус-

ской женщины, от которого неотделима и сама писательница.

В книге разные женщины — дочери, сестры, жены, матери... Матери напоминаются особенно. Сколько любви и понимания вложено писательницей в их портреты! Чтобы так рассказать о матерях, нужно не только очень любить свою мать, нужно и самой пережить великое чувство материнства, родить и вырастить детей, передав им все самое дорогое и светлое, чем обладает женщина сама. И матери в книге М. Корякиной именно такие: «Моя мать часто повторяла пословицу: «Не та беда, что позади, а та, что впереди...» Мать постоянно помнит о ней потому, что на ее долю бед всяких выпало — больше некуда. Но, как тяжело и трудно ни бывало, она находила в себе силы одолеть беду... Где она их брала — я уж и не знаю. Знаю только, что она всегда любила жизнь, какая бы она ни была, любила нас, и потому, наверное, не давала себе сломиться...» — эти слова Даньки («Данька Елохов») с полным правом можно отнести ко всем женщинам-матерям, о которых рассказано в книге.

Известно, что писателю наиболее удается в его произведениях то, что пережито им самим. Видимо, немало пришлось пережить художнику, сумевшему так ясно и правдиво рассказать о детстве, юности и взрослой зрелости своей героини через многие образы. Страницы книги «Пешком с войны» рисуют перед мысленным взором трудное деревенское житье детей глубинной России, переживших и голод, и суровые испытания Великой Отечественной, и послевоенное время. Посчитаешь и видишь, как мало по-настоящему радостных и счастливых дней было в их жизни. Но, наверное, потому, что их мало, они и переживаются острее, от всего сердца. Перо мастера сумело передать эти яркие моменты детской жизни так, что они запоминаются надолго, реально ощущаются.

Повесть «Пешком с войны» дала название и всей книге. Она завершает образ русской женщины-современницы. Наверное, судьба Тони во многом схожа с трудными судьбами женщин, переживших войну, те лишения и невзгоды, с которыми война вошла в жизнь каждого человека. Война — это проверка на прочность. Прочность физическую, чтобы преодолеть трудности, прочность духовную, чтобы не погибнуть как личность, и это особенно важно. Важно не растерять в нескончаемой веренице переживаний и невзгод самое главное человеческое качество — доброту и сопричастность к тяготам других людей. Испытание страхом, голодом и холодом с честью выдержала Антонина Егоровна, и не просто выдержала, а осталась до конца женщиной-матерью для всех, с кем сводила ее судьба. Ее редкий по драматизму путь пешком с войны, полный смертельной опасности, когда на чашу весов ставилось самое главное для человека — его жизнь, не смог все-таки загасить великое чувство ответственности за то, что вокруг происходит, за тех, кто живет рядом.

Книга Марии Корякиной несет в себе народный говор, уклад жизни, яркие картины средней России. Русские песни, стихи органично вписываются в нить повествования, украшают и дополняют его, пробуждая в человеке «души прекрасные порывы», а это главное, для чего нужно писать книги.

Геннадий АЛИФАНОВ

ФАНТАСТИКА

1

Заглянуть «всевидящим взглядом»

Вышел двухтомник одного из старейших советских писателей-фантастов, Владимира Ивановича Немцова («Молодая гвардия», 1982 г.). В «Избранное» вошли три повести и два романа. Напомним, что первое крупное произведение писателя увидело свет еще в 1945 году. Оно называлось «Незримые пути». С тех пор книги Немцова неизменно привлекают внимание читателей, особенно молодых. Занимательная фабула, научная проблематика, близкая к реальности, и все же — фантастическая, смело устремленная в день завтрашний.

В его рассказах, повестях, романах, многочисленных публицистических очерках — богатый, разносторонний жизненный опыт. О себе он пишет: «...Я бы никогда не набрался смелости рассказывать о своем творческом пути в литературе, если бы не было у меня другой жизни в технике, изобразительном искусстве, на сцене...»

Всего того, что привело меня к теперешней профессии».

Конечно, жизненный опыт писателя — это фундамент творчества. Но в его основе, наверное, должно всегда лежать глубокое знание предмета, о котором писатель рассказывает. Владимир Немцов пришел в литературу как инженер-изобретатель. У него более двух десятков авторских свидетельств в радиотехнике. А книг, вышедших из-под его пера, свыше тридцати.

Писатель и изобретатель. Это тот самый редкий пример, когда в творчестве сливаются две сферы познания — художественная и научная.

Писатель устами героев думает о будущем. Героиня повести «Тень под землей» заявляет: «Я хочу посмотреть «всевидящим взглядом» на то, что будет через десятилетия лет».

Вспомним Жюль Верна. Его романы, в частности «С Земли на Луну», «Вокруг Луны», опередившие на целое столетие реальные возможности техники, конечно, захватывают наше воображение и сегодня. В. Немцов живет и работает в веке научно-технической революции. Ее участник. Хорошо знает, что в стране минуты регистрируются рацпредложения и изобретения; что ученые своими открытиями в корне меняют технологию производства; что социологи размышляют над тем, как быть человеку, который должен все время учиться, уметь работать по-новому, осваивать новые виды продукции, которые пока еще только в проекте.

В его фантастике, в его повестях и романах, населенных людьми науки и техники, в обостренных ситуациях раскрываются огромные возможности человеческого ума и сердца. Действуют люди реальные, наделенные лучшими чертами современника.

Владимир ЛУЦКИЙ

Генрих ГУРКОВ

уткий фильм довелось мне однажды посмотреть. Называется он «Убийство Америки» — «The Killing of America». Вероятно, более точным был бы перевод «Убиение Америки» — не как единовременный акт, а как процесс, процесс трагический и нескончаемый. Лента документальная, и показано в ней много страшного, жестокого — и порой непо-стижимого. Мир сегодня живет под наблюдением кинокамер и телевизионных камер, и фильм собрал леденящую душу коллекцию убийств — убийство президента и убийство его убийцы, убийство кандидата в президенты, убийство гангстера, готового сдать полицию, массовое убийство религиозных фанатиков и убийство случайных прохожих из снайперской винтовки, убийство, убийство... Самое кошмарное во многих из них — какая-то поразительная иррациональность, вопиющая бессмысленность, отсутствие внешней логики и распознаваемых мотивов. И все же логика есть. Она — в тех метастазах насилия, которые проникли во все поры американской жизни.

После выстрелов в Рональда Рейгана, произведенных неким Джоном Хинкли, 25 лет, сыном миллионера и неонацистом по политическим убеждениям, владельцем пяти пистолетов, «типичным американским парнем», согласно характеристике, которую ему дал один из его школьных учителей, газета «Вашингтон пост» писала: «Акты насилия повторяются настолько регулярно, становятся такой неотъемлемой чертой американского образа жизни, что последние выстрелы — даже несмотря на то, что жертвой их стал президент, — оставили многих равнодушными в течение долгого дня, когда по телевидению показывалось покушение на Рейгана. Дело просто в том, что в стране произошло слишком много других актов насилия... Реакция американцев на все происходящее была самой разной — от обращения к богу до фатализма, от гнева до признания своего бессилия перед болезнью, которая вырвалась из-под контроля, и чувства горечи, накапливающейся, когда недопустимое происходит слишком часто... Хинкли стрелял в Рейгана, чтобы, как он заявил на следствии, привлечь внимание одной юной киноактрисы, которую осаждал экзальтированными посланиями. В Америке чтят кинозвезд. Чтят — и иногда убивают. Как и простых смертных.

С начала века в США от руки преступников и психически неуравновешенных людей погибло более 800 тысяч американцев — на 150 тысяч больше, чем во всех войнах, в которых участвовали Соединенные Штаты за свою 200-летнюю историю. По данным институтов, изучающих общественное мнение, каждый четвертый американец живет в постоянном страхе быть убитым.

В статистике убийств, совершенных в последние десятилетия, не учтена трагедия, которая произошла осенью 1962 года и о которой вновь и вновь, несмотря на прошедшие двадцать лет,

которую он назвал «Кто убил Норму Джин?». Пройдет двадцать лет, и нью-йоркский журналист Джордж Карпоззи выпустит книгу «Кто убил Мэрилин Монро?», и книга эта станет сенсацией, ибо сильна она не эмоциями, а фактами, и если эмоциям свойственно с годами блекнуть, то фактам это реже угрожает — особенно таким, о которых рассказал Карпоззи.

Пит Сигер пел о том, что бывшую девочку из бедняцких кварталов Лос-Анджелеса убило людское равнодушие, упрямое за шумными восторгами, убили «правила игры» того общества, в котором она, похоже, добилась всего, не найдя, однако, самого важного, без чего невозможно жить, — тепла, участия, понимания. Он называл самоубийство убийством. Что касается Джорджа Карпоззи, то он утверждает: никакого самоубийства не было, было убийство, — и приводит документальные доказательства своей версии.

Что же произошло в ночь на 5 августа 1962 года и что предшествовало трагедии? Кто виноват в гибели актрисы, которую талант, судьба и реклама сделали чем-то неизмеримо большим, чем тривиальной кинозвездой «номер Икс», превратив в кумир целого поколения американцев?

Прокурору Лос-Анджелеса в августе 1982 года было дано указание возобновить следствие по делу о смерти Мэрилин Монро. Попытаемся и мы заполнить некоторые страницы «дела ММ»...

Итак, анкетные данные: имя, фамилия — Норма Джин Бэйкер; родилась 1 июня 1926 года в Лос-Анджелесе, Калифорния; отец — неизвестен; воспитывалась в сиротских приютах и у многократно сменявшихся опекунов, от которых шестнадцатилетней пыталась убежать в раннее замужество, оказавшееся неудачным и недолговечным; первая работа — на военном заводе; затем — фотомодель, в основном — для «легких» журналов; позднее — киноактриса.

«Мона Лиза Голливуда» — так ее назовут в годы славы кто-то из кинокритиков. После того, как модный художник Энди Уорхол изобразит актрису с загадочной улыбкой на красивом лице...

В капризное море восхищения и поклонения Норма Джин, разумеется, окунулась не сразу. Договор со знаменитой фирмой «XX век — Фокс», подписанный в 1946 году, принес ей вначале весьма скромные роли и на довольно-таки длительный срок — репутацию этаким смазливой и бесталанной дурочки, каких в павильонах голливудских студий бесчисленное множество. Норме Джин Бэйкер, в замужестве Доузэрти, перед восхождением в звездные высоты — весьма для нее в ту пору проблематичные — пришлось обрести новое, звучное имя — Мэрилин, новую фамилию — Монро. Фамилия Бэйкер («пекарь» на английском языке) оказалась для жрецов рекламы чересчур заземленной, примитивной, простонародной, а с фамилией Доузэрти, сказали ей, можно разве что продавать в антракте ириски. Монро, фамилия одного из прежних президентов США, вот что подходит!

Не только отказа от собственного имени — отка-

Больше ролей не предлагали. Английский журналист Чарльз Хэмблет: «Голливуд всегда был клеткой, клеткой, куда запирают мечты»...

В те времена среди некоронованных королей Голливуда своей напористостью, выходящей за все рамки беспринципностью и непомерными амбициями выделялся продюсер и режиссер Дэррил Занук, руководивший фирмой «XX век — Фокс», — он сыграл свою роль в трагедии Мэрилин Монро, дирижируя ее превращением в экранную секс-куклу. В пору «охоты за ведьмами», разгула маккартизма в Голливуде, когда за порог киноимперии вышвыривали всех, кого провозглашали «левыми», когда травили даже великого Чаплина, Занук выпустил фильм «Железные занавес» — грязную антисоветскую фальшивку, потерпевшую полный провал и вызвавшую резкую критику всюду, где его демонстрировали.

Свое «кредо» Занук не скрывал. Вот отрывок из его статьи в лондонском журнале «Фильм энд фильминг»: «Американские послы со своими официальными досью не более могущественны в приобретении друзей и укреплении международной дружбы, чем тысячи путешествующих по всему миру жестяных коробок с плотно намотанными катушками целлулоидной пленки, на которой запечатлены мысли, фантазия и творческий талант работников американского кино... Я уже неоднократно заявлял, что считаю американские фильмы лучшим средством, какое мы должны предложить миру для нанесения ущерба коммунизму».

Еще в 1930 году основополагающие принципы Голливуда были сформулированы в так называемом «Производственном кодексе», в преамбуле которого говорилось: «Каждый американский фильм должен утверждать, что образ жизни Соединенных Штатов — единственный и лучший для любого человека. Так или иначе каждый фильм должен быть оптимистичным и показывать маленькому человеку, что где-нибудь и когда-нибудь он схватит за хвост свое счастье».

Следуя этим постулатам, Голливуд прочно и основательно забарикадировался от реальной действительности — и вступил в полосу затяжного кризиса. В книге «50 лет упадка и крах Голливуда» журналист и критик Эзра Гудман дал такую оценку американскому кинорынку: «90 процентов картин, показываемых в Америке, настолько вульгарны, неумны и скучны, что о них просто нельзя говорить серьезно».

Формула «трех С» — страх, секс, сила — вела голливудское производство в тупики творческой примитивности и духовного убожества.

Один за одним упаковывались в жестяные коробки и рассылались по Америке и по всему свету фильмы, одинаковые в своей дешевой элементарности, как пластмассовые стаканчики.

«Техника в соединении с пошлостью — самый страшный враг искусства» — эти слова Иоганна Вольфганга Гете, произнесенные задолго до рождения кинематографа, как нельзя точнее относятся к голливудской стряпне, рассчитанной на мас-

К УШЕННИЕ

Мэрилин МОНРО:

вспоминает мировая пресса. Случившееся полицейские компьютеры тогда приплюсовали к впечатляющей хронике самоубийств — тоже одной из симптоматичных примет «американского образа жизни».

Речь идет о гибели Мэрилин Монро.

Ее настоящее имя — Норма Джин Бэйкер, и когда 5 августа 1962 года ее нашли в постели мертвой, а на столике стояла пустая склянка из-под шампанского — сильнейшего снотворного, и она сжимала в руке телефонную трубку, будто хотела кому-то позвонить, кого-то позвать на помощь, и когда было объявлено, что она покончила с собой, и были опубликованы соответствующие заключения врачей, когда Америку взбудоражила и потрясла эта новость и искреннее сострадание некоторых оттеснил на задний план истерический фейерверк демонстративной скорби многих, когда происходил очередной тур превращения человека и актрисы в «идола нации», певец Пит Сигер впервые исполнил грустную и горькую балладу,

за от собственной личности требовал Голливуд. Эту трагическую истину лишь позднее поймет Мэрилин Монро.

Свидетельствует французский писатель Сильван Ренер, один из биографов Мэрилин Монро: «Крупные компании заключали десятки аналогичных контрактов, не придавая им ни малейшего значения. Они ангажировали разных мальчиков и девочек, но это вовсе ничего не значило. Коллекционирование «звездочек» — один из элементов фетишизма, свойственного голливудской кинопромышленности. Она действует так же, как колдун, манипулирующий возможно большим числом амулетов в расчете, что какой-нибудь из них вызовет дождь».

Прошел год после подписания контракта. За это время Мэрилин получила одну крошечную роль — в фильме «Скудда Ху! Скудда Хей!» она должна была отделаться от группы статисток и сказать «здравствуйте» актрисе Джон Хейвер. Она все проделала. Но эпизод выпал при монтаже...

сового потребителя. От режиссеров, пропущенных через мясорубку маккартистских допросов, требовалось послушание, как от солдат на параде, от актеров — истовость в воплощении по-пороссячи розовой иллюзии о существовании безбедной, добропорядочной, всегда улыбающейся Америки, в которой каждому предстоит схватить за хвост свое счастье. В жизни такой Америки не существовало — ее пытались создать на экране...

Если что и выделяло Мэрилин в массе голливудских дебютанток, так это неукротимое желание учиться актерскому мастерству — шлифовать движения, отрабатывать дикцию, обретать легкость, естественность, непринужденность.

Но ведь надо как-то зарабатывать на жизнь — и Мэрилин вновь становится фотомоделью. Сюжеты те же, что и раньше. Главное — минимум одежды.

...На зеркале она выводит губной помадой то ли вычитанное, то ли придуманное изречение: «Не волноваться, а волновать».

СУДЬБЫ

АМЕРИКА ГОРЬКИХ И СТРАШНЫХ РЕАЛИЙ И ЭКРАННАЯ АМЕРИКА, ТВОРИМАЯ ГОЛЛИВУДОМ, В КОТОРОМ МЭРИЛИН МОНРО ПРЕДОСТАВИЛИ ЗАРАНЕЕ ОПРЕДЕЛЕННУЮ И В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ НЕВЫНОСИМУЮ ДЛЯ НЕЕ РОЛЬ. — ОБЕ ОНИ ПРИВЕЛИ ЧЕЛОВЕКА И АКТРИСУ К ТРАГИЧЕСКОЙ РАЗВЯЗКЕ.

скором времени фильм принесет доход, в шесть раз превышающий затраты... Теперь Мэрилин обступали на улице, от нее добивались автографа, улыбки, слова. Она притягивала толпу... Мэрилин делалась дурию от криков незнакомых людей, когда ее узнавали. Эти крики не были выражением любви. То была скорее мрачная ярость, будто эти люди хотели растерзать ее на части. Слава не принесла желанного облегчения, а, наоборот, наваливалась на несчастную, словно еще одна кара...

Премьера 1953 года в кинотеатре на Уилширском бульваре Голливуда кинокомедии «Как подцепить миллионера» открывает очередную страницу легенды ММ. В Мэрилин Монро начинают с беспрецедентной интенсивностью культивировать «секс-богиню века». Газеты неистовствуют, восторгаясь ее «эротическим излучением», иллюстрированные еженедельники посвящают ей многостраничные фотоочерки.

Индустрия сотворения популярности работает в Соединенных Штатах с конвейерной четкостью. «Джентльмены предпочитают блондинок» — название одного из фильмов, в котором снялась Мэрилин Монро. И с неистовой неумеренностью, характерной для американской манеры рекламы, под аккомпанемент двусмысленных комментариев «журналов для мужчин» и под протесты женских организаций (которые травили ММ при ее жизни и приняли весьма деятельное участие в превращении ее в фетиш после смерти) начинает-

А как-то ночью, стуча зубами от страха, звонит знакомой: «Меня преследуют... Помогите...»

За шторой не было никого...

Она в конце концов все же получает роль в фильме Фрица Ланга «Демон просыпается ночью». На съемках Мэрилин кажется парализованной. «Мне до того страшно, — признается она, — что кажется, будто у меня обе ноги левые».

Фильм катастрофически плох. Не в последнюю очередь — из-за нее.

Рождается мысль о том, чтобы уйти из жизни. Уже написаны прощальные письма.

Еще один удар: вызов в дирекцию.

— Вы знаете, что загубили этот фильм?

— Да, я в этом фильме ничего не стою, но это моя первая роль героини...

— Вы лучше получились в некоем календаре.

И на стол швыряется календарь с теми самыми снимками...

— Сейчас вас можно увидеть совершенно обнаженной в любом гараже. Это скандал...

И тут неожиданный поворот событий. Вмешивается один из продюсеров:

— Вы считаете, что этот календарь нас разорит? Я думаю, совсем наоборот. Этот скандальный календарь сделает из мисс Монро кинозвезду! Пусть себе его распродают, и не отрицайте, что она позировала для него, а трубите об этом на всех перекрестках!

Так разворачивала коммерческая логика Голливуда актерскую и человеческую судьбу актрисы по имени Мэрилин Монро. Она мечтала о роли Грушеньки в «Братьях Карамазовых». Ей определили амплуа секс-красотки.

Первым успехом стал фильм «Ниагара», снятый в 1952 году режиссером Генри Хэтсуэем. Мэрилин Монро, отметят потом многие критики, сумела внести в традиционную схему истории о «любви-ненависти» необычную щемящую нотку горестной обреченности.

Сильвэн Ренер пишет:

«В «Ниагару» вложили миллион долларов. В

ся грандиозная распродажа типа Мэрилин Монро. Парикмахерские и салоны красоты штампуют «под Мэрилин» миллионы американок — ведь джентльмены предпочитают блондинок, не правда ли?

Дни и часы жизни Мэрилин Монро расплывались биографами с протокольной точностью — так, например, обращают внимание на следующее обстоятельство, усматривая в нем некую символику: на свою триумфальную премьеру на Уилширском бульваре Мэрилин опоздала. Опоздала потому, что шесть часов накладывала косметику и одевалась. Когда после фильма ее представили публике и мужская часть зрительного зала овациями и свистом встретила новую суперзвезду Голливуда, Мэрилин, несколько минут подвигавшись по сцене со своей кошачьей грацией и поскревав улыбкой в огнях лампы, идет в гардероб, снимает грим и, не дожидаясь приема по случаю премьеры, одна едет домой, где, приняв порцию таблеток — в этот раз несмертельную, — засыпает. Критик из западногерманского журнала «Шпигель» Гельмут Карасек усматривает в этом эпизоде с его «блеском, бесстыдством и безнадёжной пустотой и одиночеством» своего рода слепок всей сумбурной и горькой судьбы актрисы.

О Мэрилин Монро говорили, что она была своего рода «манекенной смесью хаоса и дисциплины». Билли Уайлдер, который в 1959 году снял с ней фильм «Некоторым это нравится погорячее» (у нас в прокате он шел под названием «В джазе только девушки»), утверждал, что заслужил медаль «Пурпурное сердце», которой в Америке награждают раненных в войне, — такие муки ему пришлось принять. «Раньше она приезжала на съемочную площадку в четверг, когда ее ждали в понедельник, — сетовал режиссер. — Теперь она появляется осенью, когда снимать надо было весной».

И все же никому не приходит в голову углядеть во всем этом аллюры суперзвезды, холодно и расчетливо выжимающей капитал из своей популярности. Беспорядочность — то слово, которое напрашивается, когда заходит речь о стиле поведения ММ. Беспорядочность, путаница, метания из крайности в крайность, внутренняя неуверенность и нестабильность. Черты характера? Или производные той двойной жизни, на которую ее обрекла голливудская «фабрика иллюзий»?

Для боссов «ХХ век — Фокс» она не была актрисой. Она была ставшей дохода. Как написано в одной из статей о Мэрилин, от нее требовали веселить и забавлять Америку, у которой не очень-то много причин для веселья...

В Голливуде часто цитируют фразу какого-то продюсера, так определившего положение кинозвезды в США: «Если ей захочется поджечь студию, я сам подам слички». Что ж, возможно, и подаст, если та или тот, о ком идет речь, обеспечивают очереди возле кинотеатров и соответствующие цифры на банковских счетах фирмы. Более того, любые экзальтированные выходки героини или героя экрана смакуются с бескомпромиссной настырностью, и чем скандальнее эти выходки, тем лучше. Обыватель ищет в кинозвезде не личность, не человека идей и мыслей, не человека гражданственности, а некий символ вседозволенности, экранный суррогат того, что средствами массовой информации капиталистического мира продается как апофеоз «сладкой жизни», весьма далекой от перегруженных заботами и проблемами реальных будней.

Но есть некая черта, переходить которую кинозвезде не дано. Непроходимый цасток стол неприятия и отчуждения вырастает перед теми, кто позволяет себе вольнодумство самоутверждения. И тут не помогут никакие лавры — налаженный механизм рекламы не допускает срывов и случайностей: те, кто не соблюдает законов игры, кто отстаивает право на собственное мнение, на достоинство человека и художника, кто вознамерится сбросить маску, в которой он зарегистрирован в инвентарной описи Голливуда, теряет все шансы, все возможности. Немногие за историю Голливуда исключения лишь подтверждают это жестокое правило. Марлон Брандо — в какой-то степени одно из таких исключений — в интервью журналу «Ньюсуик» говорил: «Успех — странный американский феномен, который появляется на свет, когда вас можно продать, как ручные часы. Если вы не хотите продаваться, вас не хотят нанимать. Эксплуатация заложена в нашей культуре. Личность и шарм — все идет на продажу. Ежедневно вы просыпаетесь в меркантильном обществе».

Брандо суммировал свои размышления обескуражившей многих фразой: «Я в лабиринте. Если бы я был честнее и смелее, я бы покончил с собой».

«Это говорит актер, достигший наивысших вершин не просто по обывательской шкале престижности, но и по самому серьезному счету киноискусства, актер, которого знают во всем мире, которого

го награждает овациями кинозритель и всевозможными призами кинокритика. Известны мужественные выступления Брандо в защиту американских индейцев, раздавленных капиталистической цивилизацией, его участие в гражданских инициативах в защиту демократических прав. Но много ли в Голливуде удалось найти путь из тупиков отчаяния к социальному протесту?

Пытаясь вырваться из заколдованного круга утвердившихся представлений о ее возможностях и данных, Мэрилин предпринимает шаги, которые вроде бы вовсе не к лицу уже признанной всеми кинозвезде: она записывается на курсы Михаила Чехова, который проповедует в Голливуде систему Станиславского и обучает своих учеников в духе традиций Московского Художественного театра, занимается в Актёрской студии Ли Страсберга.

— Чему еще учиться, вы же на вершине успеха? — удивляются на голливудских приемах этому решению.

— Искусству! — отвечает Мэрилин. — Я не хочу больше выставляться на съемке, словно демонстрируя купальные костюмы!

Но все остается по-прежнему.

Чувствуя себя бессильной преодолеть то, что кажется ей всеобщим разговором против ее личности, ее подлинного «я», Мэрилин то замыкается в себе, то становится безудержно агрессивной. Бессонница терзает ее, изматывает, бесит...

В феврале 1961 года, неделю спустя после премьеры «Неприкаянных», она оказывается в психиатрическом отделении клиники «Корнелл медикал центр» на Ист-Ривер.

Развязка приближается.

В начале 1962 года ей предлагают сниматься в фильме «Что-нибудь обязательно случится» — название, которое воспринималось после смерти Мэрилин как некое зловещее пророчество. Вначале она отказывается, она не вышла из состояния депрессии, и ей кажется, что все ее презирают, что никто не хочет работать с ней, она много раз повторяет, что не может видеть свои фильмы, что они ей ненавистны, потому что она совсем другая, совсем, совсем другая, чем в них...

Потом она соглашается, но внезапно, когда работа уже началась, отказывается от всех съемок. И никакими средствами не удается запеленать ее в павильон.

Она уже нигде не выходит из своего дома в Брентвуд-виллидже.

В полночь 5 августа наступает финал.

Все представляется настолько однозначным, что вопрос о причинах смерти никто и не ставит: совершенно ясно, Мэрилин Монро добровольно ушла из жизни, обманутая и растоптанная той улюлюкающей толпой, которая провозгласила ее «секс-идолом нации», не признав за ней простого и естественного права на человеческое достоинство и актерское самоутверждение.

Пит Сигер исполняет балладу «Кто убил Норму Джин?», а те, кто знал Мэрилин, формулируют свои ответы.

Режиссер Генри Хэтзуэй: «Мэрилин убило именно то, что никто не давал ей возможности расти в профессиональном отношении. Она хотела доказать всем, что ей по плечу и серьезные роли. Ей это не позволили»...

Мэрилин Монро, пишет Морис Золотов, один из самых добросовестных и доброжелательных ее биографов, «стала жертвой собственной борьбы за то, чтобы утвердить самое себя. Ее время принадлежало ей, как и она сама не принадлежала себе самой. Даже личную жизнь у Мэрилин отняли... Мэрилин продалась безымянной массе зрителей, заставила ее себя обожествлять, сотрудничала с рекламной машиной, чтобы потом та перемолола ее. Она сама не понимала, что осталась в ней естественного, а что навязано окружением».

Индустрия сотворения идолов отличается в том числе и тем, что не терпит вакуума. «Король умер, да здравствует король!..» Ушел кто-то, но на его место уже заготовлены новые претенденты. Так, собственно говоря, должно было случиться — по всем канонам «массовой культуры» — и в том, что касается Мэрилин Монро. Не случилось. Уже в 1973 году она появляется на обложке журнала «Тайм» — верный признак того, что интерес к личности актрисы переживает непостижимый ренессанс. Она снималась в комедийных фильмах — теперь о ней пишут в трагических тонах. Бестселлером становится книга о Мэрилин, написанная одним из самых ярких литераторов Америки — Норманом Мейлером (его роман «Нагие и мертвые» переведен у нас, знакомы советские читатели и с его документальным репортажем «Армии ночи» — о походе на Пентагон). Мейлер рассуждает об «эмоциональной магии» Мэрилин. «По своей способности привлекать внимание всего мира она была Наполеоном», — констатирует он.

Мэрилин Монро была героиней на экране, но она

отнюдь не была героиней в жизни. И во времена своих бедствий и во времена триумфов она оставалась жертвой той бесчеловечной системы, которая изобрела неисчислимое множество способов калечить человеческую личность — одних добивать безысходной нищетой, других — крушением идеалов, третьих — опустошающим душу одиночеством. Сильные находят выход в борьбе. Слабые нередко ищут выход, протянув руку к крану газовой плиты, к таблеткам снотворного, к пистолету.

...Каждый год 5 августа по городам Америки проходят ночные шествия: люди со свечами в руках, с портретами Мэрилин чествуют своего кумира. Множество девушек в этот день гримируются, причешиваются, одеваются «под Мэрилин». Массовый психоз? Или искренняя привязанность к актрисе обаятельного таланта и роковой судьбы, к человеку, с такой обидной неумелостью распорядившемуся собственной жизнью, оказавшемуся бессильным в этом жестоком, жестоком, жестоком мире?

«Мэрилин Монро не убивала себя. Ее убили». Этот вывод, поразивший Америку, Джордж Карпоззи сделал на основании тщательно проработанных документов и свидетельских показаний.

Вот факты...

Томас Ногуци, патологоанатом, производивший вскрытие, проконсультировавшись с крупнейшими токсикологами США, пришел к заключению: смертельная доза снотворного была введена путем инъекции.

Лионел Грэндисон, судебно-медицинский эксперт, подписавший свидетельство о смерти Монро, сообщил Карпоззи, что никогда не верил в версию самоубийства и поставил подпись под документом в результате страшного нажима сверху. Вот его слова: «Меня вызвали и приказали подписать сертификат, где в качестве причины смерти значилось самоубийство. Но в деле не было ни результатов полицейского расследования, ни заключения патологоанатома, ни доклада специального следователя по делу о самоубийстве. Я спросил доктора Керфи (шеф Грэндисона — Г.Г.), где эти документы... Он сказал, что, если я не соглашусь с представленным заключением, мне придется тугу»...

Известно, что шеф полиции Лос-Анджелеса немедленно после смерти Мэрилин Монро конфисковал ее телефонные счета — и они бесследно исчезли. Так была навсегда похоронена возможность выяснять, с кем в последние дни разговаривала Мэрилин.

Глава частного сыскного агентства в Лос-Анджелесе Мило Сперильо, занимавшийся в течение десяти лет изучением обстоятельств гибели Мэрилин Монро, сообщил журналистам, что актриса стала жертвой ЦРУ. Причина? Она слишком много знала. А если точнее, то дело обстоит так... Близкий друг Мэрилин Роберт Кеннеди, тогдашний министр юстиции США, поделился с ней секретной информацией о плане Центрального разведывательного управления США совершить убийство руководителя кубинской революции Фиделя Кастро. Опасаясь, что сведения об этом плане станут достоянием общественности, шпионское ведомство ликвидировало актрису. Сперильо считает, что Мэрилин Монро вела запись в дневнике, который тоже исчез — и весьма загадочно — из здания полицейского комиссариата Лос-Анджелеса.

Так что же произошло в ночь на 5 августа 1962 года в доме в Брентвуд-виллидже? Самоубийство? Убийство?

Пока что Мило Сперильо, приглашенный выступить в телевизионной программе Си-би-эс, внезапно круто изменил свои показания и заявил, что «ФБР и ЦРУ не причастны к смерти Мэрилин Монро».

Приказано молчать?

Да, нужно иметь много мужества, чтобы расследовать дело, в котором в качестве обвиняемого выступает всемогущее шпионское ведомство, не гнушающееся никакими средствами, когда нужно заткнуть рот тому, кто способен произнести неудобную правду...

Мне вновь вспоминаются кадры из фильма «Убийство Америки». Дернувшийся в автомобиле, схватившийся за горло Джон Кеннеди — сколько пуль и откуда настигли его? Ли Освальд, которого хладнокровно расстреливают по пути на допрос — убийца потом своевременно умрет в тюрьме... Распростертый на полу Роберт Кеннеди... Нескончаем список погибших от пули, ножа, яда... Лауреат Нобелевской премии Мартин Лютер Кинг... Певец и композитор Джон Леннон... Актриса Шарон Тэйт... Жертвы свихнувшихся снайперов... Жертвы наемных убийц... Жертвы садистов... Америка насилия и страха...

Убивающая Америка.

Кто следующий? И сколько их еще будет — следующих?

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Поколение бесправных

Марио Схина — из рабочего квартала Сан-Базалио в Риме. Ему двадцать семь лет, и хотя он в свое время успешно закончил среднюю школу, а потом получил квалификационный свидетельство бухгалтера, за пять лет ему не удалось найти никакой работы. С двадцати двух лет, после окончания действительной военной службы, он начал бродяжничать — без единой лиры пособия по безработице. Ведь он никогда в жизни не работал — за что же платить ему какое-то пособие?

В США юноши и девушки в возрасте до 25 лет составляют от общего числа безработных 45,7 процента, в ФРГ — 27,2, во Франции — 45,2, в Великобритании — 46,6 процента. И далеко не случайно лондонская газета «Таймс» в связи с ростом безработицы среди молодежи заявила, что «целое поколение находится в опасности».

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

Возле биржи труда в ФРГ.

США: ЭПИДЕМИЯ НАРКОМАНИИ

Употребление наркотиков на рабочем месте является третьей — после прогулов и краж — причиной снижения производительности труда на предприятиях и в учреждениях США.

Сотрудники агентства «Пинкертон», которые несут службу безопасности на многих крупных предприятиях, утверждают, что каждый день приходится расследовать 200—300 случаев применения наркотиков. Возраст большинства наркоманов — от 18 до 40 лет.

Во время недавней массовой акции ведомство по борьбе с наркотиками в Нью-Йорке обнаружило, что марихуана, амфетамин, кокаин и героин продаются и употребляются открыто на Уолл-стрит, притом даже в помещении биржи.

«ТАЙМ», США

КАК БЕГАЛИ ДИНОЗАВРЫ

Внимание ученых продолжает привлекать загадка динозавров, столь загадочно исчезнувших с лица нашей планеты 70 миллионов лет назад. Какова, например, была скорость передвижения этих огромных и неуклюжих с виду существ? Быстро ли они бегали? Да и бегали ли вообще?

Американский палеонтолог Джеймс Фарлоу на основании многолетних исследований пришел к выводу, что некоторые плотоядные динозавры, обитавшие в нижний меловой период в районе нынешнего Техаса, могли бегать и бегали весьма резко, достигая скорости около 40 километров в час. Эта цифра была получена в результате применения формулы известного зоолога Александра, которая связывает ширину шага млекопитающих с их размерами и выводит скорость передвижения. Среди новых следов, которые Фарлоу обнаружил в Техасе, есть и такие, которые свидетельствуют: среди динозавров были «скороходы», которые двигались со скоростью от 9 до 12 метров в секунду. Для сравнения можно напомнить, что скорость бега современных страусов составляет 12—14 метров в секунду, а зайцев — 19 метров в секунду.

«РЕШЕРШ», ФРАНЦИЯ

Плавучая бомба

В романе «Корабль мертвых» известный писатель, мастер приключенческого жанра Бернгард Траверс в свое время рассказал о судьбе американского моряка, который из-за крайней нужды вынужден был наняться на судно, обреченное на гибель. Владелец этого судна оформил на него страховку на большую сумму, а затем утопил в море.

Подобная история вполне может случиться и в наши дни, как об этом свидетельствуют факты, приведенные матросом Арнольдом Першем. Перш плавал на «Вулканусе», специальном судне для сжигания в открытом море химически вредных веществ. При температуре 1200 градусов ядовитые вещества сгорают, а остатки их выбрасываются в море.

Перш сообщил, что за кормой судна постоянно тянется разноцветный шлейф ядовитых веществ, просачивающихся сквозь трещины в резервуарах. Мало этого — все средства по обеспечению безопасности находятся в таком состоянии, что в любую минуту можно ожидать взрыва или пожара.

В следующее плавание «Вулканус» пойдет уже без Перша — он не хочет разделить судьбу своего коллеги из романа «Корабль мертвых».

«ШТЕРН», ФРГ

КТО АВТОР ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНИ?

На этот вопрос, казалось бы, можно дать однозначный ответ: конечно, Эйфель. Но вот швейцарские исследователи придерживаются другого мнения: после тщательного изучения имеющихся в их распоряжении документов они пришли к выводу, что проект знаменитой парижской башни составил швейцарец Морис Келен, коллега и друг Густава Эйфеля. Именно ему принадлежит идея строительства металлической башни для Международной выставки, состоявшейся в Париже в 1889 году. Морис Келен сделал свыше 700 схем, эскизов и макетов этой башни.

Проект швейцарского инженера был одобрен муниципалитетом французской столицы. Реализация его была поручена Эйфелю, именем которого башня называется и поныне.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ»,
ШВЕЙЦАРИЯ

Заказчик смерти — Израиль

Западноберлинскому предпринимателю, владельцу химической фирмы «Ферак» Эриху Оттемару Грюндеманну предъявлено обвинение в нелегальном производстве боевых отравляющих веществ и переправке их в Израиль. «Если бы на его заводах или складах что-либо произошло, — заявила полиция, — Грюндеманн отравил бы весь Западный Берлин». Профессор Ганс Борновски подтвердил эту оценку: «Всего двух сотых миллиграмма яда, который производила фирма «Ферак», достаточно, чтобы умертвить человека». Однако на складах Грюндеманна во время обыска нашли не миллиграммы, а восемнадцать резервуаров, содержащих 5860 килограммов яда! И никто не знает, сколько ОВ продано за последние пять лет в Израиль. Когда пожарники начали удалять баки с ядом из городского района Бритц, через несколько минут у них развалились защитные рукавицы и пришли в негодность специальная одежда, устойчивая к кислотам, и дыхательные аппараты. «Ничего удивительного, ведь они убирали опаснейшие боевые ОВ», — заявил прокурор Люти Вага.

Грюндеманн устранил побочные продукты производства так, что угрожал здоровью и жизни людей: отходы, возникающие при производстве отравляющих веществ, просто спускались в канал.

«КВЕТЫ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Корова на пьедестале

В соответствии с издавна установившейся традицией каждый испанский город должен иметь хотя бы один памятник. Муниципалитет Сантандеро решил не нарушать эту традицию. Однако реализация идеи натолкнулась на совершенно неожиданное препятствие: некому воздвигать памятник! В Сантандеро не родился ни один из знаменитых мореплавателей, известных поэтов или футбольных «звезд». Представители духовенства высказывались за установление статуи наиболее почитаемого в городе святого, а политические деятели выдвигали кандидатуры из своей среды. Все предложения были отвергнуты, так как не получили нужного количества голосов. Целый год длилась дискуссия. Наконец, решение было найдено: члены муниципалитета отдали свои симпатии... корове.

Дело в том, что, согласно исторической хронике, город был основан пастухами и на протяжении нескольких веков жил животноводством. Сантандеро и в настоящее время — крупный центр молочной промышленности.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

«Электронная» форель

Оригинальная идея родилась у французского неврофизиолога Жана-Луи Юве, который давно занимается проблемами защиты окружающей среды. Форели, как известно, имеют исключительное обоняние. Меньше чем за секунду они способны обнаружить присутствие одного грамма вещества в 100 тысячах кубических метров воды. Если бы они имели возможность общаться с нами, они могли бы сказать нам лучше всякого измерительного прибора, за-

грязнена ли вода, в которой находятся.

Юве удалось претворить в жизнь свою идею после одиннадцати лет работы: в Париже, в лаборатории при институте имени Пьера и Марии Кюри, были получены первые две «электронные» форели для контроля за состоянием воды. Поместив в обонятельные органы рыб по два электрода, Юве связал их с миниатюрным передатчиком (весом всего в 15 граммов). Когда форели обнаруживают вредные вещества, импульсы от их органов обоняния регистрируются электродами и через передатчик достигают лаборатории.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

НОМЖИНЫ МАЛЬЧИК

Пьер НЕМУР

РОМАН

Перевод
с французского
Надежды НОЛЛЕ

ГЛАВА IX

Вечером Франция живет драмой, происшедшей на улице Монсо. Радио и телевидение в вечерних выпусках новостей разгулялись вовсю. Интервью передают дюжинами. Превозносят ум Фабиена, героизм Мари-Клод, выдающиеся профессиональные качества доктора Лефевра, красоту его жены, преданность няни Флоры. Показывают фотографии ребенка и молодой служащей полиции, улицу и парк Монсо и улицу Берже, где «в доме номер 45», сказал дежурящий на месте радиореporter, «в окнах четвертого этажа свет не погаснет всю ночь».

Авторы редакционных статей разоблачали климат насилия, царящий в стране, заклеивали подледов, которые идут на похищение детей, привели результаты последних опросов общественного мнения в пользу смертной казни. Наиболее усердные тележурналисты сумели даже разыскать в архивах соответствующее высказывание президента республики.

В 21 час господин обыватель «перевернул страницу» и погрузился в свой вестерн или ежевечернюю программу варьете. В это время комиссар Паскаль Кро докладывает ситуацию префекту полиции и «пишкам» из управления полиции, которые предпочли бы находиться в другом месте, поскольку это неурочный час для работы высоких чинов.

— Теперь мы знаем, — объясняет специалист по похищениям, — весь механизм операции. Два гангстера в масках чернокожих осуществили похищение на украденной чуть раньше машине посольства Руанды. Эта машина каждую ночь стоит у дома своего владельца на бульваре Ланн. Он никогда не выезжает раньше 11 утра. Значит, машина уже была у преступников на примете. Похищение произошло в присутствии сообщника, который сразу же поставил в известность отца мальчика и, весьма вероятно, дал инструкции относительно выплаты выкупа. Похитители и обе их жертвы — поскольку им пришлось увести также служащую полиции Мари-Клод Жанвье — направились к Булонскому лесу, где их ждала другая машина, вероятно, фургон «рено».

— Откуда вам это известно? — прерывает комиссара префект.

— «Ланчия» дипломата была обнаружена в лесу недалеко от ворот Дофин, — объясняет Кро. — Мы произвели тщательное расследование в этом секторе. Один лесничий, проезжавший в 8 часов 45 минут на мопеде по аллее, выходящей на Лонгшанскую дорогу, обратил внимание на водителя, который возился в моторе фургона. Возможно, это лишь совпадение, но мы решили проверить все фургоны «рено» в Париже и Куроне. Особое внимание мы уделили фирмам, сдающим автомобили напрокат. В одной из них, небольшом агентстве на улице Маркаде в XVIII округе, как раз была взята такая машина вчера, в понедельник, в конце дня, незадолго до закрытия. Клиент, — уточняет комиссар, жестом предупреждая вопросы, — некий Мирбуа, который представил водительские права и подписал чек для уплаты аванса на это имя. Эта информация получена совсем недавно благодаря работе нескольких десятков инспекторов. Завтра утром мы узнаем, подлинны ли эти документы и можно ли считать их владельца вне подозрений. Разумеется, мы дали номер и описание фургона всем бригадам жандармерии, но надежды на результат у меня мало: если речь идет о машине похитителей, то у них было достаточно времени, чтобы укрыться в заранее подготовленном месте.

Префект подводит итог докладу.

— Итак, — говорит он, — мы перед лицом тщательно подготовленного и блестяще осуществленно-

го преступления, если не считать «накладки» с похищением служащей полиции. У вас, прекрасно знающего преступную сферу, нет никаких зацепок для расследования?

— Нет, господин префект. Как я уже сказал сегодня господину министру внутренних дел, все известные нам возможные похитители были проверены. Преступники, бесспорно, очень ловки, но в настоящий момент о них совершенно ничего не известно. Следовательно, мы не знаем, где их искать. После Булонского леса они могли спрятаться в Париже, а могли и ехать весь день в какой-нибудь отдаленный пункт.

Однако комиссар Кро не такой простака, чтобы закончить свое выступление перед начальством, признав поражение.

— В заключение хочу отметить, что сейчас самым правильным было бы подумать над тем, почему они выбрали именно эту жертву. С самого начала я спрашивал себя: почему доктор Лефевр? Теперь я делю вопрос на два: почему вообще врач? С точки зрения чисто корыстной, любая из наших самых богатых семей подошла бы больше. У доктора Лефевра можно потребовать лишь ту сумму, которую он сможет собрать. Отсюда я делаю вывод, что похитители смотрели на вещи реально, запросы у них небольшие, по крайней мере ограниченные, и, наверное, результата они хотят добиться поскорее. В некотором смысле это успокаивает. Интуиция подсказывает мне, что мы имеем дело не с убийцами, даже если присутствие мадемуазель Жанвье осложняет им задачу.

— Но ваш второй вопрос остается, — замечает префект.

— Да, действительно. Если на первый вопрос я, возможно, даю ответ, остается второй: почему среди сотен парижских достаточных состоятельных врачей они выбрали именно доктора Лефевра? И здесь, господа, — продолжает комиссар с некоторой высокопарностью, — я выдвигаю довольно смелое предположение: между доктором Лефевром и похитителями должна существовать какая-то связь.

— Если ничего его не подтверждает, это действительно смелое предположение, — говорит начальник кабинета министра, представляющий на совещании своего патрона. — По-вашему, какого рода связь?

— В настоящий момент не имею ни малейшего представления, — признается полицейский. — И семья мальчика мне не помогает. Доктор замкнулся в себе, тем более что собирается заплатить выкуп за нашей спиной. Мать тоже не хочет сотрудничать. Они, разумеется, единодушны, что касается выплаты денег, но на происшедшее реагируют порозному.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает префект.

— Сегодня днем я долго пробыл с ними. Лефевр молчит. Он человек суровый, замкнутый. У них в доме, должно быть, не слишком веселая атмосфера. Мать же сломлена. У нее комплекс вины, словно она упрекает себя в том, что плохо следила за ребенком. Она сокрушается, вздыхает: «Мой бедный мальчик» и так далее... Я бы очень хотел знать, что они сказали друг другу, когда я ушел.

— Вы думаете, они не ладят? — подсказывает начальник кабинета.

— Не знаю. Во всяком случае, доктор кажется мне полной противоположностью своей жены. Он — сама строгость, человек, целиком ушедший в свое дело. Она — легкомысленная, ветреная, ведет беспокойную светскую жизнь. Возможно, в этом себя и упрекает.

У префекта создается впечатление, что они отвлеклись на субъективные оценки, он смотрит на часы.

— Вернемся к связи между доктором и похитителями. Какого рода может быть эта связь?

— Не знаю. Возможно, какой-нибудь пациент доктора, чье внимание он привлек, или какой-

нибудь знакомый... Я думаю, бандиты действовали наверняка, зная все о каждодневных привычках их жертвы... и финансовых возможностях родителей. Прислуга вне подозрений. Она служит у Лефевров около десяти лет, насколько известно, у нее нет никаких знакомых в Париже. Параллельно с интенсивными поисками по всей стране я веду тщательное изучение семьи Лефевров.

— Все это очень мило, — заключает представитель министра, вставая, — но нам нужны результаты. А что вы, собственно, делаете существенного непосредственно в эту минуту?

Паскаля Кро не смущает формулировка. Он привык к подобным высказываниям.

— Работа ведется в двух направлениях, — спокойно отвечает он. — Предпринимаются попытки установить местонахождение пленников. Это — дело полиции вообще и жандармерии. Распространены все имеющиеся сведения о фургоне «рено». С другой стороны, стараемся перехватить доктора Лефевра или члена его семьи, который будет платить выкуп. Все мои люди занимаются в настоящий момент этим. Телефоны всех имеющих отношение к делу, включая тестя и брата доктора, прослушиваются. Их банковские счета под наблюдением. К сожалению, мы не можем присутствовать при их беседах, но они не отдадут выкуп без того, чтобы я не узнал об этом.

— Будьте очень осторожны, — советует префект. — Речь идет о ребенке. Если с ним что-нибудь случится, на нас обрушится вся пресса.

Обращаясь в основном к представителю министерства внутренних дел, комиссар Кро чуть суховаго произносит:

— Надо знать, чего мы хотим. Платить или не платить?

ГЛАВА X

Играть в покер вдвоем надоедает быстро, особенно когда игра идет на спички. Потом они недолго играют в белот, а затем Мари-Клод берет реванш у Фабиена, обучив его нехитрой игре — была бы только бумага и карандаш под рукой. Смысл в том, чтобы узнать записанное и спрятанное партнером слово, называя предполагаемые слова с тем же количеством букв.

Фабиен схватывает тут же. Это как раз то, что подходит его живому, быстрому уму. Так они играют до позднего вечера, делая записи на обратной стороне квитанционной книжечки для штрафов, которую Мари-Клод, будучи добросовестным полицейским, таскает в своей служебной сумке; ее она не выпускает из рук с момента похищения на улице Монсо. Мальчик, оказывается, чрезвычайно силен в лексике и орфографии и часто ставит Мари-Клод в затруднительное положение. Она восхищается его серьезностью, сосредоточенностью. Он выигрывает, от удовольствия разругивается. Мари-Клод приходится прибегнуть к словам-ловушкам, которые неопытному игроку найти трудно.

Шаги на лестнице предвещают появление Мюриэл и подноса. Девушка в капюшоне застает их погруженными в свои бумажки.

— Эй, вы... Кому это вы там пишете?

Арсиол стоит у дверей на лестнице, не испытывая никакого желания повторять послеобеденную корриду, но и у него эта необычная игра вызывает беспокойство.

— Собери со стола бумажки и принеси мне.

Девушка осторожно приближается, хватая листочки.

— Ух, честное слово... они составляют план...

— Нет, ты слышишь? — смеясь, обращается Фабиен к Мари-Клод. — До чего же глупа эта женщина.

Арсиол вмешивается, чтобы предотвратить новое столкновение. Мари-Клод вынуждена ему объяснить, на что они потратили последние три часа.

— Долго вы нас будете мариновать в этой комнате? — спрашивает она. — Прежде всего, где мы? За городом, не так ли?

Презрительным жестом бандит швыряет бумажки на стол.

— Может, адрес дать? За городом. Но «загород», знаете, он большой. А сколько вы здесь просидите, я уже сказал, зависит от его отца.

— Ну, что ж, в ваших интересах поторопиться, — говорит Мари-Клод угрожающим тоном. — Потому что с каждым часом увеличиваются шансы полиции найти нас, а за выкупом можете потом погება.

— Оставь свою болтовню при себе, — рычит Арсиол, размахивая пистолетом. — И учти: если твои дружки когда-нибудь нас отыщут — уж не предствлю, каким образом, — это будет не твой праздник, потому что мы вернем мальчишку, а заложником оставим тебя. Так что молись, чтоб все было благоразумно, это самое лучшее для тебя.

Его глаза блестят в прорезях маски. От злости и

Рисунок Вячеслава ТАРАКАНОВА

ненависти. Он захлопывает дверь за Мюриэл, и ключ опять два раза поворачивается в замке.

Мари-Клод стоит, прислонившись к столу, не замечая, что Фабиен взял ее за руку.

— Не беспокойся, Мари-Клод. Я тебя не брошу, — обещает он.

— Не люблю я суп, — замечает капризным тоном Фабиен.

— Оставишь мне, — не спорит Мари-Клод, — а я отдам тебе свою ветчину.

Еще им принесли кусочек сыра и апельсин. Мари-Клод и на этот раз постаралась получше накрыть стол перед замазанным краской окном.

Прошло почти десять часов с тех пор, как ее заперли вместе с Фабиеном, и между ними рождается какая-то душевная близость. Особенно с того момента, как Фабиен доверился ей:

— Первый раз в жизни я столько времени вдвоем со взрослым человеком.

Близится ночь, и это создает Мари-Клод новый повод для забот. Она смотрит на кровать, узковатую для двоих, успокаивает себя, думая, что Фабиен не займет много места.

После ужина она, как хорошая хозяйка, моет посуду, ставит тарелки и приборы на поднос.

— Поиграем еще, а?

Они испробовывают оставшиеся листочки. Потом Мюриэл приходит за подносом. Под наблюдением Арсола она задергивает шторы.

— Ставен нет, — объясняет фальшивый чернокожий, — и чтобы вы тут не зажигали свет, когда вам вздумается, предупреждаю: через полчаса выну пробки. У вас как раз хватит времени, чтобы улечься.

— Но здесь только одна постель, — возмущается Мари-Клод.

— Ну и что? — рявкает бандит. — Она что, мала для вас двоих?

— У вас нет... перины, спального мешка?

— Думаешь, ты в кемпинге? — усмехается он. — У меня мало времени. Сами разбирайтесь.

— Тебе неохота спать со мной рядом, да? — говорит Фабиен, когда дверь вновь захлопывается.

— Нет, нет, уверяю тебя. Просто я не хочу тебе мешать. Дома у тебя наверняка своя комната.

— Еще бы! И такая же большая кровать, как эта.

— А спать тебя укладывает мама?

Она смотрит на нее, словно она произнесла величайшую глупость.

— Мама? Ты шутишь. Нет, конечно... Флора, когда у нее есть время. Но я могу сам раздеваться, знаешь.

— Не сомневаюсь... в твоём возрасте... Ну, сейчас как раз время. Через полчаса мы останемся в темноте. Раздевайся.

— Обычно я принимаю душ перед сном. Тогда утром я только умываюсь.

— Действуй. Там все, что нужно.

— Да, — продолжает он, — но меня купает Флора.

— Флора тебя купает? В твои десять лет? — удивляется Мари-Клод.

— Что такого? Она у нас с тех пор, как я был совсем маленьким.

Разговаривая, он в беспорядке разбросал свою

одежду, и теперь раздетый ждет, чтобы за ним поухаживали, как каждый вечер.

— Послушай, — строго говорит Мари-Клод, — я тебя искупаю, но вначале ты аккуратно уберешь свои вещи в шкаф. Я тебе не няня.

Он удивленно, потом виновато смотрит на нее, быстро, беспрекословно подчиняется. Затем становится под душ. Мари-Клод берет мочалку и мыло, регулирует температуру воды и начинает его мыть, получая от этой процедуры неожиданное удовольствие. Заворачивая ребенка в полотенце, она невольно его щекочет. Он смеется. Она тоже смеется и несет его на руках к постели. Ничего подобного ей не приходилось делать с тех пор, как она два или три года назад укладывала спать свою маленькую племянницу.

Мари-Клод возвращается в ванную, чтобы заняться собой. Из туалетных принадлежностей у нее есть лишь губная помада, пудреница, дезодорант и маленький флакончик духов.

Фабиен восседает в кровати, рассматривая один из приготовленных для него детских альбомов. Когда появляется Мари-Клод, он бесцеремонно ее разглядывает.

— Ты жутко красивая, Мари-Клод, знаешь, — произносит он восхищенно. — Я думаю, еще красивей, чем моя мама. Во всяком случае, гораздо красивей, чем моя кузина Жюли.

— Ну ладно, пора спать. Если полиция разыщет нас сегодня ночью, надо быть в форме. И потом... может, нам удастся сбежать.

— Сбежать? — Голос у Фабиена совсем сонный. — А мне так хорошо с тобой.

Она чувствует, как он жмется к ней, обнимает мальчугана, прикасается губами к его волосам. Он спит.

ГЛАВА XI

Журналисты правильно сделали, засев на улице Берже, чтобы наблюдать за домом номер 45. Впрочем, они не единственные. Вокруг кишат полицейские, полные решимости схватить похитителей Фабиена, когда доктор Лефевр будет передавать им выкуп. Но доктор проявил скрытность. Все усилия комиссара Кро заставить его проговориться оказались напрасными. Он отрицал, что ему звонил кто-либо, кроме жены, отрицал, что им получены от бандитов инструкции, касающиеся выплаты какого-либо выкупа... И ежедневные газеты готовят заголовки для утреннего выпуска: «Тщетное ожидание у родителей Фабиена».

И все же журналисты не прогадали, поскольку в 23 часа 30 минут Рауль Фанжен, отец Арлетты Лефевр, покидает дом номер 45 на улице Берже. Несмотря на полицейских, устремившихся Фанжену на помощь, репортерам удается сунуть ему под нос свои микрофоны.

— Я провел вечер у своих детей, — говорит он. — Моя дочь убита горем. Мой зять, доктор Лефевр, сохраняет присутствие духа. Похитители нам не звонили. Испытывая страшную тревогу, я как дедушка ребенка хочу обратиться к ним. Я умоляю их вернуть нам нашего мальчика, нашего Фабиена.

— Вы вернетесь на улицу Берже? — спрашивает один из репортеров.

— Не сегодня, — отвечает Фанжен. — У нас маленькая квартира в VI округе. Вернусь завтра. Если появится что-либо новое, дети сообщат мне по телефону.

С этими словами он садится в свою машину и уезжает. За ним следует полицейский автомобиль.

О чем Рауль Фанжен умолчал, так это о том, что в начале вечера он принес пятьсот тысяч франков в старых купюрах по сто и пятьсот франков. Это был его второй визит. Эдуард Лефевр, брат хирурга, и метр Риволле, адвокат и друг доктора, посетившие в этот день его дом, также принесли деньги, добившись от директоров соответствующих банков обещания молчать.

В полночь в столовой своей квартиры доктор Лефевр наливает себе приличную порцию виски со льдом и смотрит в зеркало, висящее над небольшим столиком. Он испытывает огромную усталость. Лицо осунулось. Он боится признаться себе в том, что его отчаяние проистекает не из любви к Фабиену. Ему хочется верить, что это чувство придет позднее. Сейчас же его волнует проблема технического порядка: надо заплатить вопреки злоеющим предупреждениям комиссара Кро: «Уступив, вы играете на руку похитителям».

Хорошо ему говорить, комиссару. Не его сына похитили, и не его мучают радио- и телерепортеры, не его фотографию опубликуют газеты через несколько часов. Если он, доктор Лефевр, в ответ на требования преступников допустит малейшее колебание, вся Франция, возмущившись, назовет его недостойным отцом.

Расстегнув воротничок рубашки, развязав галстук, со стаканом в руке он направляется в спальню. Арлетта с покрасневшими глазами, распухшим лицом, выплакав все слезы, распростерлась на кровати в роскошном лазурно-голубом пеньюаре того же цвета, что и стеганое покрывало.

Стоя на пороге, слегка расставив ноги, Винсент Лефевр отпивает глоток виски. Эта женщина в этом пеньюаре среди этой роскоши — следствие в некотором роде его профессионального успеха.

Ради этого успеха Винсент Лефевр пожертвовал своей молодостью. Еще в юности, учась в лицее, он решил стать хирургом. Трудился как бешеный. И для того, чтобы платить за учебу, поскольку средств у его родителей не хватало, и для того, чтобы успешно ее закончить. А в тридцать лет «выбился в люди»: он сейчас заведующий отделением в одной из известных больниц, его ценят начальство, им восхищаются коллеги. У доктора Лефевра завидное положение в обществе, солидные доходы. Оставалось только приобрести то, чего бедный молодой человек не мог бы себе позволить.

Например, супругу, достойную его.

Арлетта Фанжен, дочь мелких промышленников из Дре, изучала в Сорбонне историю, не слишком себя затрудняя. Она была, бесспорно, одной из самых красивых девушек среди своих сверстниц, мечтала сниматься в кино. Предпочтя, однако, синицу в руках журавлю в небе, она недолго отвергала ухаживания молодого хирурга с блестящим будущим. Свадьба и медовый месяц... Арлетта почти сразу забеременела, а Винсенту Лефевру очень скоро открылось истинное лицо жены.

Родив Фабиену, она посчитала, согласно ее собственному выражению, свою часть брачного контракта выполненной. Теперь долг Винсента — обеспечить ей роскошную светскую жизнь, для которой она рождена. Но Винсент, работая, был настроен на другую волну. Его профессия — его религия, как он любил говорить, — требовала его всего целиком, его обязанности становились все многочисленней. У него были не только пациенты, но и ученики и последователи. А у Арлетты — друзья, куча друзей, потом любовники, много любовников.

С годами Винсент Лефевр совсем уходит в себя. Он целиком посвящает свое время больнице и многочисленным частным пациентам, с которых взимает высокую плату. Он не отдыхает никогда. Относительно расслабиться ему позволяют только одиночество и электронные шахматы, ставящие перед ним бесконечное множество задач.

Существует, однако, Фабиен. Почему же, спрашивает себя Винсент, между ним и сыном никогда не было настоящей близости? Можно ли говорить об упущенных возможностях, когда речь идет о девятилетнем ребенке? Погодите... Девятилетнем... Нет, десятилетнем! Десять лет сегодня, двадцать пятого апреля. Господи боже! Несчастный мальчик, его похитили в день его рождения!

Ну так почему же? Комплекс привычек, прежде всего отсутствие интереса еще с того времени, когда сын был младенцем. Затем проявление в Фабиене личности исключительной. В школе всегда лучший из класса. Значит, нет необходимости следить за его учебой, встречаться с учителями... Такое впечатление, что Фабиен ни в ком не нуждается...

Взгляд Винсента Лефевра блуждает по спальне. Ее оформлением занималась Арлетта. Оно, разумеется, претенциозно. Дорогая ткань и антикварная мебель. Винсент в оформлении спальни не вмешивался. Ему безразлично, как она выглядит. В эту комнату, в эту кровать Лефевр приносит лишь свою усталость и глубокий сон, резко прерываемый

звоном будильника еще до того, как он успел восстановить силы.

Он допивает свое виски, смотрит на жену и обращается к ней с вопросом, в котором звучат горечь и гнев:

— Что ты собиралась подарить ему на день рождения?

Арлетта выпрямляется в смятении, судорожно комкает в руке платочек.

— Его день рождения...

Винсент Лефевр никогда не дает волю чувствам. Но в этот вечер испытания, выпавшие на его долю, накопившаяся усталость, выпитые виски внезапно превращают безразличие последних лет в ненависть.

— Ну да! — кричит он. — Его день рождения — сегодня, двадцать пятого апреля. — Выражение оупения на лице жены меняет направление его мыслей. — Тебе не кажется, что ты взялась за старое? Она тут же выпускает когти:

— Кто бы говорил! Сколько ты уделяешь ему внимания?

Обвинение заставляет Винсента Лефевра подскочить на месте:

— Я по крайней мере работаю на него. И благодаря тому, что я работаю, мы можем заплатить выкуп. Ее следующее обвинение еще несправедливей.

— Не преувеличивай, — шипит она. — Два миллиона — это все-таки не королевский выкуп. Как-нибудь переживешь.

Такое бесстыдство ему отвратительно. Еще немного, и она бы упрекнула его в том, что потребовали лишь два миллиона.

— Да, всего два миллиона, — хрипло произносит он. — А знаешь, почему? Что ж, я тебе скажу. Мы имеем дело с людьми, которые хотят свести риск до минимума, действуя быстро, очень быстро. Они подумали, что, если потребуют больше, мы или будем торговаться, что займет время и увеличит для них опасность быть обнаруженными, или же нам трудно будет собрать нужную сумму, что тоже потребует времени. Итак, они довольствуются двумя миллионами, чтобы быстро урегулировать дело. Я плачу завтра утром. Они тут же освобождают Фабиену, и полиция не успеет их найти.

— Если только полиция не помешает тебе отдать деньги, — говорит она, будто хочет накаркать.

— Они задумали дело так, что полиция не сможет мне помешать. Есть опасность лишь, что она схватит одного из сообщников до того, как мальчик будет освобожден. Не похоже, чтобы Кро стал церемониться.

— У тебя есть вся сумма?

— Да. Твой отец принес недостающие деньги. Я ему, разумеется, дал расписку. Но не заговаривай мне зубы.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает она, слегка обеспокоенная.

— Так вот, если я не ошибаюсь, — объясняет он, отчеканивая каждый слог, — эти люди били наверняка, в яблочко, как говорится. Ты знаешь, какой вопрос мучает комиссара? Он спрашивает себя: «Почему именно вы, среди стольких врачей?» И ищет ответа. Я тоже, но свое предположение я ему высказать не могу.

— Какое предположение?

— Да то, что бандиты прекрасно осведомлены о нас, наших доходах, привычках, образе жизни. Они действовали наверняка.

Он швыряет пустой стакан на ковер, подходит к кровати, где, широко раскрыв глаза от страха, сжалась в комок его жена.

— Я предполагаю, что дело сделали люди, отлично осведомленные. А кто им эти сведения дал? Кто-то из твоих приятелей или приятельниц. Кто-то из этих альфонсов или шлюх, с которыми ты развлекаешься.

Уже несколько лет она принимала за безразличие, даже за безмолвное одобрение молчание мужа. Теперь она понимает, сколько в нем скрывалось ненависти и презрения.

Но он уже не обращает на нее внимания. Он впервые волнуется из-за сына.

— Боже, — шепчет он, — где он сейчас? Что они делают с ним?

ГЛАВА XII

В среду двадцать шестого апреля около семи часов утра, лежа с открытыми глазами в чужой кровати, где она провела ночь, Мари-Клод Жанье размышляет. Она совсем не спала, эта молодая женщина в мундире полицейского. Ее положение пленницы вовсе не способствовало сну, так же как присутствие рядом с ней ребенка.

Фабиен же спал как сурок, но много ворочался. Это присуще нервным детям, а также, по мнению Мари-Клод, детям, лишенным родительского внимания. Во сне он несколько раз цеплялся за нее, словно требуя тепла, ему неведомого.

С того момента, как накануне вечером погасили свет, Мари-Клод прислушивается к малейшему шуму, стараясь определить, что происходит за стенами комнаты.

Незадолго до рассвета донесся шум из гаража, слышно было, как открылись ворота, отъехала машина. Послышались голоса, слов Мари-Клод не разобрала. Затем вновь наступила тишина. Из-за темноты она не могла видеть, который час, но вскоре где-то вдалеке пропел петух. Отсюда Мари-Клод сделала вывод, что пристанище бандитов в самом деле находится за городом.

Она также пришла к заключению, что гараж расположен отдельно от жилых помещений, откуда явились за машиной, уехавшей ночью.

«Куда поехала эта машина?» — размышляет молодая женщина. Похитители как будто обещали, что заключение Фабиена продлится не дольше сегодняшнего дня. Но это, разумеется, зависит от уплаты выкупа. Уплачен ли он? Какой план придумали бандиты, чтобы перехитрить полицию? Не уехала ли машина за выкупом?

На свои вопросы Мари-Клод, конечно, не может получить ответа. Пожалуй, она может предположить, что отъехавшая машина не фургон. По шуму мотора скорее можно было подумать, что это спортивный автомобиль.

Но в связи с отъездом машины возникает вопрос: кто остался в доме? Накануне Мари-Клод насчитала четверых бандитов: трех мужчин, из которых двое замаскированы под чернокожих, и одну женщину. Ждал ли их еще кто-нибудь в этом убежище? Маловероятно, думает Мари-Клод. В таких делах чем меньше людей в курсе, тем лучше.

По мере того, как светлеет на улице, она видит, как белеет замазанное краской окно, возвращая комнате белесый свет. Видит, как постепенно выступают из темноты стол, два стула, кресло, вертящийся табурет, дверь в ванную. Она смотрит на часы — 6 часов 30 минут.

Ее мысли меняют направление. Она думает о том, сколько шума в газетах, на радио и телевидении наверняка наделало похищение на улице Монсо. Она представляет свою фотографию и фотографию Фабиена на первых страницах утренних газет и на экране телевизора.

Если доктор Лефевр беспрекословно подчинится преступникам, то мальша, по всей вероятности, освободят уже сегодня. Но что случится с ней, когда выкуп будет заплачен? Она полагает, что представляет для бандитов большую опасность из-за показаний, которые может дать, из-за примет, которые отмечает профессиональным взглядом и тщательно запоминает со вчерашнего дня. Не заставит ли их простая осторожность ликвидировать ее после или до того, как они возвратят Фабиену? От такой перспективы ее пробирает дрожь. Но, с другой стороны, размышляет она, если бандитам удастся выпутаться из дела, вернув ребенка в обмен на деньги, им нет никакого смысла усугублять свое положение убийством полицейского, тем более женщины.

Тут Мари-Клод говорит себе, что все ее рассуждения имеют смысл, если похищение Фабиена закончится счастливо, если не вмешается полиция, если будет заплачен выкуп и так далее. Стечение благоприятных обстоятельств, на которое нельзя рассчитывать с уверенностью.

Теперь перед молодой женщиной встает серьезная проблема. Имеет ли она право, будучи служащей полиции, присутствовать в роли пассивного наблюдателя при осуществлении преступного плана, не пытаясь ему помешать, или же она должна, напротив, сделать все, чтобы план преступников окончился провалом? Но тогда, учитывая, что реальных шансов на успех нет, не подвергнет ли она опасности жизнь Фабиена, чьей покровительницей стала волей случая?

В конце концов Мари-Клод решает, что в любом случае день обещает быть напряженным, а будущее за теми, кто рано встает. Она осторожно, чтобы не потревожить Фабиену, поднимается с постели и идет в ванную.

В 8 часов, когда на лестнице раздается топот тяжелых шагов, Фабиен Лефевр еще спит сном праведника. Мари-Клод радуется, что успела привести себя в порядок и выглядит безукоризненно в своей полицейской форме, даже если юбка и требует утюга, жакет — шетки.

Кто-то мгновение топчется у двери, и в замке поворачивается ключ. Дверь открывается, и Мари-Клод оказывается нос к носу с мужчиной в серой рубашке с неизбежным шерстяным капюшоном, скрывающим лицо.

Молодая женщина узнает рубашку: в ней был шофер фургона в Булонском лесу. Она узнает и капюшон по дырке с левой стороны: накануне в нем приходила Мюриэл.

Мужчина толкает дверь ногой. Он среднего роста, явно предрасположен к полноте. В руке у него

Рисунок Олега КОНСТАНТИНОВА

Геннадий СЕМАР

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Под Новый год в нашем Бюро проблем семьи и брака пошел по рукам свежий гороскоп. Последние две недели сотрудники целыми группами отключались от основной работы и подключались к сравнительному анализу гороскопа и своей собственной судьбы. В коротких перерывах освоения «перста судьбы» они делились впечатлениями, ахи и охи доносились из комнат и кабинетов, и временами Бюро напоминало «разбухенный улей» — как сказал не один известный писатель.

Наконец большой лист толстой бумаги с множеством значков, цифр и слов лег на мой стол. Бледная сотрудница сочувственно заглянула в мои глаза, и ее рука дрогнула...

Я не сразу разобрался в принципе действия этого бумажного зелья: вверху шли даты, почему-то все — с двадцатых чисел. Под ними — знаки Зодиака... Чуть ли не в глазах у меня зарябило, и я отпросился с работы, пришел домой, заперся в кухне и... начал.

Я родился между 20 февраля и 20 марта, значит, я — Рыба. Знак стихий у меня, то есть у Рыбы, — вода. Естественно. Впрочем, я задумался: чтобы это могло значить? Плавать я не умею, моряком никогда не был и скорее всего уже не буду, пожарные — тоже. В таком случае «вода» — я похолодел от догадки! — это бумажный поток никому не нужных сведений, отчетов, выводов, рекомендаций, диссертаций, исследований и прочее, кото-

рый производит наше Бюро.

— А ведь верно, черт возьми! — прорычал я.

Далее слева, где обычно проставляются «Ф. И. О.», шло название «Планета», а под моим знаком стояло — «Юпитер». Час от часу не легче!.. И я полез в «Древние мифы». Там я прочитал, что Юпитер вовсе не Юпитер, а Зевс, который является богом и базилевсом, правящим землей и небом. Дальше я прочитал кошмарную историю: у Урана был благодарный сын Крон, который приказал своей жене Рее приносить ему родившихся детей и безжалостно проглатывал их. В общем, Рея не захотела потерять своего последнего ребенка и по совету своих родителей удалилась на остров Крит и там, в глубокой пещере, родила младшенького — Зевса, которого кормила молоком божественной козы Амалфеи. Пчелы носили мед со склонов горы Дикты... Дальше — больше: Зевс поселился на Олимпе, окруженный богами. Женится. Взял он Геру, но она все время совалась в его дела... Как точно написано! Зевс однажды подверг ее бичеванию — и правильно сделал. В общем, жуть с ружьем!

Мне не терпелось заглянуть дальше. «Счастливым цветом» — значилось слева на листе. И под моей «планетой» стояло — «белый». И снова я подумал о белой бумаге, которую я вместе со всеми извожу в огромных количествах, создавая в стране бумажный голод.

Далее слева: «Камень», справа — «Сардоникс». Я заметался: в энциклопедии нет, у Куприна не нашел, поехал в библиотеку. Оказалось, что сардоникс — это оникс, и даже не оникс, а разновидность агата... Я почувствовал, что стал плохо соображать. Во сне мне грезилась совершенно жуткие картины: что я вроде бы в глубокой пещере добываю сардоникс, а рядом — божественная коза Амалфея, очень похожая на нашу козюльку Зорьку... Утром я пошел в поликлинику, и врач, лишь взглянув на меня, тут же выписал больничный листок.

Дома, обмотав голову мокрым полотенцем, я продолжил. «Талисман»... Какой же у меня талисман? Оказывается — «узел»! Это надо же! Теперь я все понял. Вот где собака зарыта. То-то стоит мне прийти на работу в галстуке — все в порядке. А как без галстука да еще и побриться не успел — все, конец света, все пристаю, начальник сердится, на собраниях писать протокол заставляют! Все! Теперь без галстука — ни шагу.

Оказалось, что мой «металл» — «цинк»... Голову сломаешь. Действительно, оцинкованное железо мне на дачу нужно, но где его взять?!

«День»... Мой день — четверг. Это надо запомнить. Теперь все дела — на четверг. Железо. И вообще, на работу буду ходить только по четвергам. А ежели в четверг надеть галстук, запонки с сардониксом — что будет! К тому же, если четверг окажется 12-м числом (мое число!) — ух, думаю, что тогда и оцинкованное железо на дачу можно будет достать, а? Грандиозно!

Боже, как интересно! Представьте, мой «символ» — ученый-мученик... Как это точно! Да, да, и действительно мученик. Сколько было идей, задумок... Бывало, даже в гостях, за рюмкой — как молнии сверкают — идеи прут одна за другой. Аж в глазах искры! А кто спасибо сказал?

Мое «содержание» — «жертва»... Нет, подумать только! Как это замечательно, как это правильно. Я всю жизнь жертвую собой, во всем себе отказываю, тружусь. Как пчелка, как пчелка! А кто это понимает? Кому это надо?.. И как это все научно!

Телефон я отключил. Звонят, понимаешь, беспечно: когда вернешь гороскоп? А я конспектировать начал. Да еще жену надо познакомить с этим документом.

«Сходство характеров» — вот это для нее целый раздел: Рак, Весы, Скорпион, — это у меня. А у жены — она «Дева»? Так мне, дураку, и надо. Мученик. Жертва. Узел несчастья. Прежде чем жениться, надо было в гороскоп заглянуть. Ясно же, что «Весы» лучше, надежнее... У нас ничего общего: у «Девы» знак стихий «земля» — у меня «вода». У нее — «Меркурий», а у меня — «Зевс»... А вообще-то, Меркурий он вовсе не Меркурий, а Гермес — покровитель стад, с барашком в руках. Ягненок! Он же — проводник душ в подземное царство Аида... Вот это ей ближе. Комментарии, как говорится, излишни. Да, разные мы с ней люди. Ничего общего. И талисман у нее — «кузнечик»... Прыг-прыг, шмяк-шмяк! Двадцать лет жил с Гермесом. Кошмар! Все, после Нового года развожусь. Точка.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Дорогие друзья! «Смена» приглашает вас принять участие в необычном состязании — конкурсе на лучший читательский кроссворд. Сообщаем условия конкурса.

Будет предложено три задания, для каждого дается готовый рисунок, который читатели должны будут заполнить необходимыми словами. Лучшую читательскую работу по каждому заданию, присланную в обусловленный срок, «Смена» опубликует. Кроме того, авторы пяти наиболее интересных работ по каждому заданию будут награждены почетными дипломами «Смены».

Тема для первого задания: «У глобуса». В кроссворд можно включать географические термины, слова, связанные с политической и экономической жизнью всех стран и континентов.

Срок отсылки конкурсных работ для первого задания — 1 марта с. г. На конверте пометьте: Конкурс кроссвордистов «У глобуса». Рукописи и рисунки кроссвордов, присланные на конкурс, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.

Удачи вам, дорогие друзья!

Наверное, все мы заметили, что в последнее время увлечение кроссвордами заметно возросло. Этот вид занимательного досуга приобщает человека к миру эрудиции и знаний, тренирует память и сообразительность, учит логически мыслить, анализировать, сопоставлять.

Кроссворды бывают разными и по рисунку и по содержанию. «Смена» предпочитает публиковать классические кроссворды как наиболее понятные широкому читателю.

К решению кроссворда любители подходят двояко. Одни считают: он должен быть интересным и простым, что-

ГИМНАСТИКА УМА

О ПРАВИЛАХ СОСТАВЛЕНИЯ КРОССВОРДОВ

бы не утруждать себя поиском справок в различных источниках. Другие, наоборот, предпочитают тип кроссворда, над которым надо потрудиться, роясь в справочной и специальной литературе.

Какой же из этих подходов предпочтительнее? Нам кажется — второй. В первом случае любитель, честно говоря, больше улаживает свое тщеславие, ибо стремится не столько расширять круг знаний, сколько воспользоваться старым их багажом. Конечно, закреплять нажитые знания тоже полезно. Но во сто крат полезнее решать сложный кроссворд, привлекая для этого возможно больше литературы, учась обращаться со всякого рода справочниками, вырабатывая умение ориентироваться в современном потоке информации и определять, какое впервые встреченное слово, явление, понятие важно, чтобы постараться узнать о нем как можно больше и закрепить в памяти.

«Смена» стремится обращать свои кроссворды как раз к любознательным, трудолюбивым любителям.

Поскольку общих правил составления кроссвордов нет, каждое издание пользуется своими собственными. Есть они и у «Смены». Не претендуя на полноту, они, тем не менее, могут служить от-

правной «наукой ремесла» для тех читателей, которые увлекаются кроссвордами.

Итак, прежде всего надо придумать рисунок. Именно придумать самому, а не переписать откуда-либо уже напечатанный. Оригинальность обязательна. Требования к рисунку:

1. Он должен быть красивым; симметричным полностью или попарно-двусторонне, не должен распадаться на отдельные части.

2. Чем меньше в нем черных (пустых) клеток, тем лучше. В идеале нигде не должно быть рядом больше одной черной клетки, а отступления от этого не должны быть значительными.

3. Размер — не больше 21×21 клетку. Меньше, разумеется, можно. Число позиций — от 30 до 50.

4. Короткие слова (до пятибуквенных, включительно) не должны преобладать. Никакое слово не пересекают меньше двух раз.

Почему именно таковы требования к рисунку? Во-первых, сложность его, то есть частое пересечение слов, позволяет, не затрудняя разгадывания, брать редкие понятия, имена и т. д. Во-вторых, придется хорошо поработать со словарями, энциклопедиями и другой литературой. Иначе говоря, кроссворд со сложным рисунком приносит много пользы,

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.12.82. Подписано к печати 31.12.82. А 07595. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 330. Заказ № 3695. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка **Алексея ЭКИМЯНА**

Слова **Феликса ЛАУБЕ**

ВОТ И ВЕСЬ РАЗГОВОР

*Не сложилось у песни начало,
Я не знаю, кто прав, кто не прав.
Нас людская молва повенчала,
Не поняв, ничего не поняв.*

*Пусть людская молва нас не судит,
Не согреть нам сердца,
не согреть.*

ПРИПЕВ:

*Просто встретились два одиночества,
Развели у дороги костер.
А костру разгораться не хочется,
Вот и весь разговор.*

ПРИПЕВ.

*Мы обиду в сердцах не уносим,
Пусть придут к тебе светлые дни.
А про нас если кто-нибудь спросит,
Объясни, все,
как есть, объясни.*

*Осень знойное лето остудит,
Бросит под ноги красную медь.*

ПРИПЕВ.

обогащая знаниями и того, кто будет его разгадывать, и самого составителя.

Но сложность рисунка не надо замысливать в ущерб содержанию. Рисунок необходимо стремиться заполнить как можно более интересными, содержательными и разнообразными (даже тематически) словами. Их можно брать из всех областей жизни и знаний. Надо избегать малозначущих слов (вздых, калитка, забор), неблагозвучных, а также вызывающих неприятные ассоциации (например, названия болезней). Широкому кругу читателей неинтересны и слишком специальные термины.

Основные требования к словарному составу кроссворда таковы:

1. Слова берут только в единственном числе именительного падежа, за исключением тех, у которых единственного числа нет (тиски), а также собирательных (башкиры) и названий произведений («Казачьи»). Собственные имена можно брать только как персонажи произведений.

2. Имен собственных не должно быть больше 30 процентов от всех загаданных слов. Начальные буквы загаданных слов должны как можно шире отражать алфавит. При этом в ответах не может стоять больше двух слов подряд на одну букву.

3. Кроме городов, в кроссворды можно включать порты, пристани, курорты и достопримечательные места.

4. Нельзя брать больше трех однородных понятий (например, птиц, химических элементов.)

5. Надо стараться не брать слишком много слов с правильным чередованием согласных и гласных букв (капитан, агав). Известно, что согласные буквы гораздо значимее гласных. Так, в старославянском языке гласные употреблялись реже, чем в современном языке, а в турецком письменном языке, к примеру, гласные вообще исключены. Поэтому слова желательно пересекать именно на согласных, опорных буквах.

Самая трудная часть кроссворда — толкование слов. Просто переписывать определения из словарей и энциклопедий не рекомендуем: там они порой слишком специальные или растянутые. А в кроссворде толкование должно быть универсальным, житейским, понятным каждому читателю.

В определениях нельзя применять неопределенные слова «что-либо», «где-нибудь» и подобные.

Основные требования к толкованию слов — общедоступность и интересность. Другие требования: емкость и точность. Чтобы достичь всего этого, приходится порой перелистывать немало литературы, сравнивать, сопоставлять источники, раздумывать, прежде чем сумеешь дать хорошее толкование.

Никакое загаданное слово или однокоренное с ним нигде не должно встречаться в толковании.

Кратко об оформлении. Надо присылать в редакцию два аккуратно сделанных рисунка с четко заштрихованными черными клетками. Один заполняют цифрами, обозначающими позиции, а второй — загаданными словами.

Говорят, самые счастливые люди — увлеченные. Наверное, к ним можно отнести и тех, кто увлечен разгадыванием и составлением кроссвордов. Во

всяком случае, они не только интересно, но и с пользой проводят досуг. Недаром кто-то назвал занятие кроссвордами «гимнастикой ума».

